Александр Матвеев

ДОЧЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Повести и рассказы

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2015

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6,44
М 33

А.И. Матвеев
М 33 Дочь из прошлого. Повести и рассказы. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. – 356 с.

ISBN 978-5-906787-45-3

Проза Александра Матвеева не привязывается к какому-либо эстетическому учению. Она – из самой жизни человека, даже – из незатейливого, простодушного до серости её слоя. Именно житейское выявляет высокие порывы духа, честь, любовь, счастье, созидаемое своими руками и душой. Писатель – поэт факта, его лирический герой часто стремится лично погрузиться в бытие нашего современника, увлекающего его.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6,44

ISBN 978-5-906787-45-3

© А.И. Матвеев, 2015
© А. Запольская,
иллюстрации, 2015
© Оформление ИПО
«У Никитских ворот», 2015

ВОИН РУССКОЙ ПРОЗЫ

Александр Матвеев – настоящий прозаик. Я говорю это безо всякой доли пафоса, ибо в наше время заслужить такое звание тяжело. Поэзия давно уже претерпела либерально-журнальный геноцид, и поэты могут счастливо вариться в собственном соку, не грезя о тиражах и популярности. У прозаиков же соблазнов больше, стремление к известности и востребованности нет-нет да подталкивает написать нечто а ля Минаев, а ля Быков, а ля – да кто-нибудь ещё. Путь вроде бы малореспектабельный и тупиковый, но многие по нему идут. Матвеев стоически противостоит этим соблазнам. Для него творчество – это не повод для продвижения своего имени, а насущная необходимость создать свой мир, мир, противостоящий бездуховности, наживе.

Читая прозу Матвеева, поневоле вспоминаешь классиков советского времени: Можаева, Абрамова, Распутина. То же тяготение к предельной концентрации, те же попытки переосмысления жанра повести, та же пристальность вглядывания в человеческие характеры. Матвеева-прозаика интересует человек, попавший в пиковую для себя ситуацию и проявляющийся в ней во всей полноте своей натуры. Матвеев не боится описывать современность, не боится, что тёмные стороны жизни затмят свет прозаического слога, и в этой дерзновенности, кажется, солидарны с ним его положительные герои. Новая книга прозы Матвеева «Дочь из прошлого» показательна во всех смыслах. В ней несколько повестей и рассказы. Это объёмные картины нравов нашего времени, часто сдобренные увлекательным, с элементами криминального жанра, сюжетом.

Нет смысла пересказывать эти сюжеты. Замечу лишь, что все они плотны и имеют в себе ровно столько поворотов, чтобы читатель перелистывал страницы с

подлинным энтузиазмом. Характеры у Матвеева получаются запоминающимися и яркими, реалии достоверными, а лирическую нить он вплетает в общую канву изящно и ненавязчиво, но при этом не даёт повода усомниться в её необходимости.

Я бы назвал прозаика Матвеева настоящим гуманистом. Его гуманизм в том, что он верит в человека, даже в человека оступившегося, он способен сопереживать не напоказ, а естественно и убедительно. За каждым его текстом есть образ не рассказчика, но автора, образ мудрый и объективный.

Повесть «Такая короткая жизнь» возвращает читателя к событиям Великой Отечественной войны. Браться за эту тему после всего, что написано о тех героических и трагических событиях, более чем рискованно. Но Матвеев не из пугливых. Если он убеждён в художественной необходимости, никакие привходящие обстоятельства его не остановят. С первых страниц произведения он показывает своё повествовательное мастерство. Созданная им картина отличается живостью и достоверностью: *«В зимнюю ночь, когда выпал первый снег, запряжённая в сани-розвальни лошадь бежала по первопутку легко и весело. Хотя снег выпал только с вечера, к утру дорогу схватило морозцем, сухой снег поскрипывал под полозьями, словно пел. Но Михайле Ступину не до песен. В полушубке из старой овчины, в сбитой набекрень шапке, чтоб ухо получше ловило бытованье ночи, он вёз муку партизанам в отдалённый лес. Мешки притрусил сеном, но кто поверит, что сено из дому в лес везёт? Лишь бы ни с кем не встретиться... В селе на дежурстве несколько полицаев. К утру они обычно дрыхнут, напившись самогонки...»*

Матвееву удаётся найти собственную ноту в изображении событий, происходивших на оккупированной немцами советской территории. И, как и в первой повести, автора интересуют судьбы людей, попавших

в экстремальную ситуацию. Жизненные коллизии поражают своей достоверностью и способны вызвать подлинное катарсическое сопереживание. Матвеев не находится во власти никаких идеологических установок. Он пишет о войне так, как он чувствует, так, как нужно, чтоб современные люди не теряли историческую память. В этом контексте сюжетный мостик, перекинутый в мирное время, не кажется искусственным. Ужас войны остаётся там, где она окончилась, но память о ней, предостережения о ней хранятся долго в людских сердцах, и чем меньше их значимость в повседневности, тем сильнее опасность кровавого рецидива.

Тема морских странствий – одна из важнейших в творчестве Матвеева. И не потому, что он сам моряк. Просто для наших взращённых континентальным климатом людей море – это окно в мир, это возможность удовлетворить свою жажду познания, неизменная ассоциативная мекка мужской романтики.

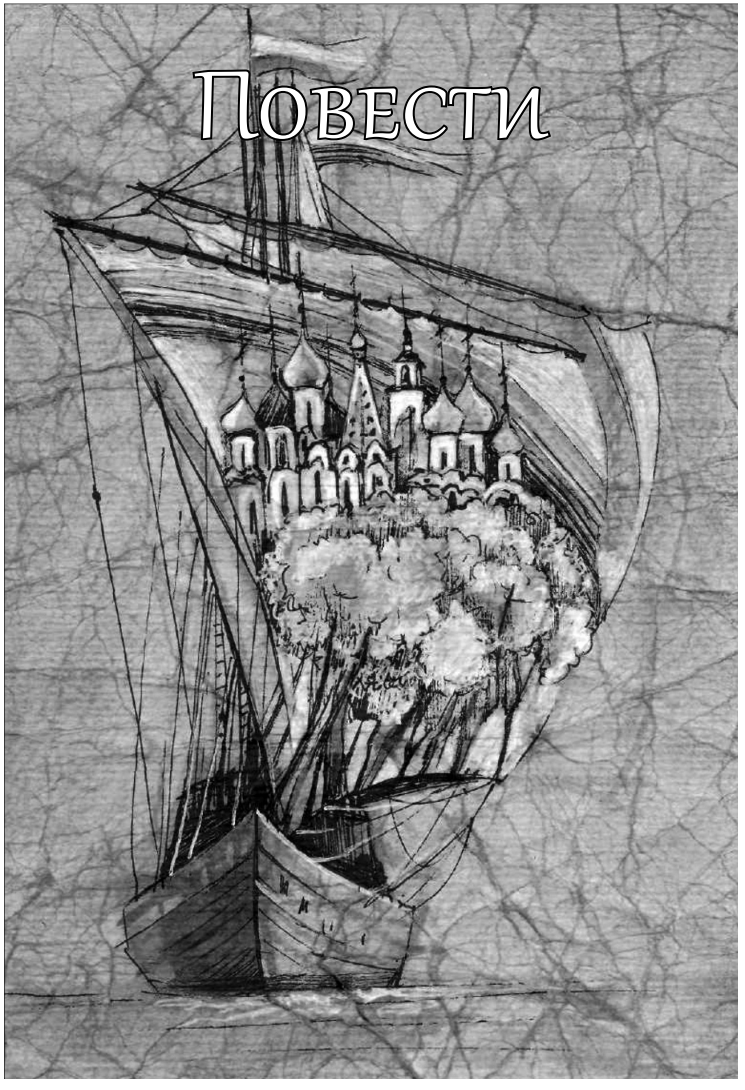
Повесть «Один день и вся жизнь» балансирует на грани породистой документалистики и увлекательной приключенческой маринистики. Матвеев мастерски описывает разные страны, которые доводится повидать герою, причём в этих описаниях он создаёт своеобразную образную воронку, которая поглощает внимание читателя целиком и безвозвратно. Это повесть о настоящих мужчинах, о том, как надо переносить трудности, как относиться к жизни, к людям, друзьям, любимым. Здесь Матвеев виден нам не только как отменный прозаик, но и как мудрый наставник, как человек, знающий цену жизни и смерти и способный передать свой опыт другим поколениям. И ещё очень важное качество текста: он от первой до последней буквы пронизан добросердечностью. Ни в героях, ни в поступках нет ничего грязного, извращённого. И это возводит Матвеева в ряд прозаиков, не изменяющих корневой традиции русской прозы.

Повесть «Хроника “мёртвого дела”» – об актуальных проблемах морских пароходств. Видно, что автор хорошо владеет этим материалом, знает до тонкостей все нюансы, в том числе и не самые приглядные. Не все персонажи этой повести смогли противостоять соблазнам смутного постсоветского времени, не все сохранили верность тем идеалам, что внушали им с детства. Но важно, что автор не встаёт в позу обвинителя. Он пытается изучить причины их морального краха, стремится понять, как люди предают самих себя, встав на путь обмана и подлости. На фоне любопытнейших подробностей, колоритных описаний и напряжённых сцен моральная основа текста лишается занудливой дидактичности, приобретая гуманистическое наполнение.

В малой форме Матвеев остаётся тем же творческим компонентом, что и в крупной. На мой взгляд, выделяется рассказ «Рассветное утро старика Каведецкого». В нём такая чистота, такое ожидание вечности, что дух захватывает. Медленное умирание человека воспринимается как рождение для новой жизни, для новой чистоты, залог которой – завершённость жизненного пути и заслуженное прощение. Передать такое взаимообразное движение жизни и смерти – задача чрезвычайно сложная. И Матвеев с ней справляется блестяще.

Проза Александра Матвеева – несомненно, явление в современной литературе. Не правы будут те, кому она покажется обычной или чересчур традиционной. Матвеев – один из воинов русской литературы, стоящих на страже её заветов, охраняющих от коррозии и тления, живущих её вечным дыханием. Я уверен, что с выходом этой книги количество почитателей таланта Александра Матвеева увеличится.

Максим Замшев, первый заместитель председателя МГО СП России, лауреат Всероссийских и Международных премий



ТАКАЯ КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ...

Посвящается П. М. Кожемякиной

1. В зимнюю ночь, когда выпал первый снег

Запряжённая в сани-розвальни лошадь бежала по первопутку легко и весело. Хотя снег выпал только с вечера, к утру дорогу схватило морозцем, сухой снег поскрипывал под полозьями, словно пел. Но Михайле Ступину не до песен. В полушубке из старой овчины, в сбитой набекрень шапке, чтоб ухо получше ловило бытованье ночи, он вёз муку партизанам в отдалённый лес. Мешки притрусил сеном, но кто поверит, что сено из дому в лес везёт? Лишь бы ни с кем не встретиться... В селе на дежурстве несколько полицаев. К утру они обычно дрыхнут, напившись самогонки.

Михайло сторожко всматривался в дорогу, которая то взбиралась вверх, на пригорки, то спадала вниз, по долам. Полная луна бежала над редкими и тонкими облаками, поливая заснеженное пространство обильным бледным светом. Позади, по насыпной дороге, тянулись ровные следы от полозьев. В лунном свете даль хорошо просматривалась только до очередного пригорка, а что там, меж складок земли, неизвестно. Не дай Бог немцы навстречу покажутся. Никуда не свернёшь – поля вокруг, да и санный след выдаст. Постепенно тревога притупилась:

после мокрой и затяжной осени праздничная белизна снега, тихая ночь с бегущей луной привнесли в душу елейную радость, и неожиданно из Михайла, словно из печной трубы перед вьюгой, негромко загудело:

Нич така мисячна, зоряна, ясная,
Выдно, хоч голкы збырай...

И тотчас умолк, приметив, что дорога опять взбирается на пригорок. Впереди чисто: ещё несколько таких пригорков, и можно будет вздохнуть спокойно. Почему эта старинная украинская песня вырвалась из его души? Может, оттого, что маманя когда-то пела её? Возможно, покойная мама напоминает песней об опасности, чтоб не расслаблялся? И откуда она знала эту песню? Хотя на Курской земле многие петь умеют, а в их селе Ивановском украинские песни в почёте, да и некоторые слова в ходу. Когда-то в Ивановском гетман Иван Мазепа держал имение – царь пожаловал земли за особые заслуги перед Отечеством; как известно, потом всё боком царю же и обернулось. Но память о Мазепе осталась в названиях трёх сёл, расположенных рядышком: Ивановское, Степановское, Мазеповка.

Тогда вместе с гетманом из Украины много слуг прибыло. Фамилия Ступиных происходит от слова «ступа». И непонятно уже теперь, то ли украинское, то ли русское это слово. Нет, были в их роду заднепровские крови, иначе откуда у него все дочери такими красавицами слывут? Он стал вспоминать, перечисляя детей по старшинству: Мария, Ксеня, Аня, Валя, Поля. Да и ребята все хороши: Ваня, Паша, Витя и Алёша. Мария, с одиннадцатого года, давно замужем в ближайшем селе, а младшенькому Алёшке всего-то три годика – не повезло: детство под немчурой... Впрочем, под турками хуже бывало... М-да! Да и Поленьке четырнадцать только исполнилось... Не дай Бог с отцом что случится. Пропадёт ребятня. Эх, скорее бы до места добраться, до спасительного леса... А там партизанам – мука, а ему для отвода глаз – берёзовые поленья. Берёзовые дрова в зиму – самое то, на растопку в печь пойдут. Евдокия не любит топить берёзовыми, жалеет её, белоствольную. Что с бабы возьмёшь? Даст Бог, всё обойдётся, как раньше. Не впервой ему партизанам еду в лес отвозить. Рано выехал, с первыми петухами, никто не заметил, как он несколько мешков муки бросил в сани при отъезде. Не должны бы... Хотя показалось, у соседки, что наискось от них через одну хату, в окне занавеска дёрнулась... А не почудилось ли? Дотошная баба эта Слободкина, и ночью ей не спится. Днём всё ходит, вынюхивает, высматривает. И муж у неё непутёвый, и сынок такой же: ленивые и вороватые они. Позарится и в огород чужой залезет или у соседей с подворья стащит, что плохо лежит. А сама Слободкина соседских кур научилась привораживать, чтоб яйца в её усадьбе откладывали.

Как-то Поля, любимая, остроглазенькая, ещё годков не было ей и десяти, прибежала:

– Папаня! А наша Ряба в слободкинском огороде куд-кудахтает. Наверно, яички там складывает...

– Ах ты, лапушка моя умненькая! Сейчас пойдём и стребуем яички нашей Рябушки.

– И не вздумайте! – вмешалась Евдокия. – И ты, Михайло, не учи Полю непотребному. На чьей территории кладка, того и яички. Чужое это.

– Да как же так, как же? – запричитала Поля. – Даровать Рябушкины яички? У неё одной они жёлтенькие, да кругленькие, да большие. А остальные курочки белые несут да мелкие.

– Т-сс, мелюзга! Маму слушайся.

– Ага... Мелюзга... Как с утра в огород, так сразу: «И ты, Поля, собирайся...» А чуть что, так мелюзга...

– Ты, Михайло, не встревай!.. Мы с Поленькой сами разберёмся. Наши это, женские дела. Правда, Полюшка? – Евдокия поцеловала младшенькую в темечко, смахнула тыльной стороной ладони слёзки со щёчек.

Дорога опять стала взбираться на пригорок. Михайло от тёплых воспоминаний потерял осторожность и, забывшись, подстегнул лошадку. Но вдруг послышался шум моторов, и он резко осадил лошадь. Внутри всё похолодело и будто оборвалось: «Немцы впереди?! И откуда они в такую рань? Мотоциклисты».

Оставив лошадь и приклонясь к земле, побежал на пригорок. Последний десяток метров прополз почти по-пластунски. Осторожно выглянул, затаив дыхание. Три мотоциклиста на большаке едут поперек его дороги. В мотоциклах автоматчики, и передний, обернувшись, показал рукой в сторону Михайловского. Но с перекрёстка они не свернули, а поехали дальше, прямиком по краю леса, и вскоре исчезли.

«Ух... Минула напасть, – стёр Михайло пот со лба. – Никогда здесь не шныряли немцы...»

Вернулся к саням, выехал на пригорок и, убедившись, что всё чисто, принялся настёгивать чалую, чтоб поскорее преодолеть полкилометра до леса.

«Выручай, милая! На обратном пути отдохнёшь».

В лесу Ступина встретили партизаны. Старый знакомый Иван, лысоватый и большеносый, похлопал сочувственно по плечу:

– Видели всё, Михайло! Готовились помочь.

– Слава Богу, что обошлось. Чуть не намочил штаны.

– Зато дров берёзовых целый воз! Мы покололи чурки. А сбоку и сверху набросаем цельные стволы.

Домой кобылка бежала норовисто.

Рассвело. Луна растворилась в свинцовой выси. Небо затягивалось, и солнца не видать. На востоке мрачные тучи лезли одна на одну... «Ой, не к добру такое, не к добру... Никогда небо в это время не затягивало такими страшными тучами на востоке... С запада – да. С запада зимой так и тянет... А чтоб с востока – не... Плохой знак», – недобрые мысли вертелись в голове, как те чёрные тучи в небе, которые ещё час назад освещались чистым лунным светом.

В небе всё отражается, как в зеркале, – всё, что происходит на грешной земле. Только человеку надо выучиться примечать знаки неба и распознавать их смысл. Бывает, летом грянет гроза, в небе огни зигзагами летают, гром грохочет.

Помнится, в детстве так бывало страшно, что под кровать хотелось запрятаться, а бабушка Мотря молится ласковым, тихим голосом: «Дай, Господи, дождик. Дождик нам нужен, да и очищение гроза принесёт». И страх уходит. А в другой раз и грозы нет, а в небе такое покажется, что места себе не находишь.

Вот перед войной разные явления были в небе. Старики видели и предупреждали, а молодёжь смеялась над ними. Да и он, Михайло, не верил. А зря...

Война пришла нежданно и страшно, несмотря на победные песни по радио, немцы вскоре докатились и до курских окраин. Ивана, сына, призвали в солдаты, а его, Михайлу, оставили как бы в резерве на конец войны, когда молодых перебьют и закапывать в землю будет некому. Пока наказали партизанам помогать, если соберутся в лесу. Вот и помогает с пониманием, что надо помогать, и со страхом за семью.

Так, в тяжёлых рассуждениях, добрался до Ивановского. Не стал заворачивать на краю села к куму, а поехал дальше в немом и тревожном предчувствии. Над селом клубились чёрные дымы. «Господи, неужели смола горит, которую ещё с довоенных лет припас

крышу просмолить?» Понукая и хлеща кобылку вожжами, добрался до дому – вмешиваться и спасать от горящей смолы было нечего.

На месте деревянного дома дымилось кострище. Лёгкий сарайчик тоже сгорел, тяжёлый и вонючий дым тянулся шлейфом вверх и на запад. Вокруг пожарища стояли полицейские и гоготали:

– Хорошо горел дом-то!.. Дерево сухое, старое.

– А сарайчик чадит, смола, видать, там была.

– Немец сказал: хозяина привести...

– А вот и он. Явился. С дровами.

Самый ретивый полицай Антип Блудилин заставил Михайла выгрузить дрова и побросать в костёр чадящего дома. Костёр разгорелся пуще, с громкими треснами и всполохами огня, словно выстрелами.

Под эту канонаду стреляющих берёзовых дров Михайла Ступина увезли на его же кобылке в управу. Рыжий полицай Петро со Степановки успел шепнуть:

– Стерва Слободкина на тебя донесла. Твоих всех родственники разобрали по хатам.

– Спасибо, Петро, – шепнул помертвевшими губами Ступин.

И среди полицейских были люди, а с Петром они учились когда-то в школе при церкви.

Целый месяц носила Анюта отцу передачи в немецкую тюрьму. Угрюмый охранник принимал передачи, деловито сверяя содержимое, и потом тыкал жёстким пальцем в грудь, приговаривая:

– Ещё раз появишься – и капут: заберут и тебя.

– Отцу передайте, – плакала Аня, – Михаилу Ступину, из села Ивановское...

А через месяц полицай Петро сказал тихонько Евдокии:

– Расстреляли твоего Михайлу. Не посылай детей с передачами, а то и их загребут.

– Ой?.. – только выдохнула Евдокия и опустилась на пол.

В долгую зиму детей спасли родственники и корова Красуня, которая доилась ещё некоторое время перед тем, как отелиться. В то страшное утро Красуню от погибели спас тот же Петро: выгнал из хлева перед тем, как стали зажигать хату с сараем. По весне же, когда Красуню пустили на пастбище, пришла на луг Слободкина и увела корову в свой хлев. Но всё кончается когда-то, плохое тоже. Были тяжкие бои. Курская дуга, отступления немцев, когда они гнали на запад и скот, и людей. Вернулись наши войска, прошли через село и погнали немцев дальше и дальше. Как-то Поля прибежала:

– Маманя, можно мы пойдём с Аней к Слободкиным и нашу Красуню заберём? И Павлик с нами пойдёт.

– Не нужно, деточка. Сама взяла – сама и вернёт.

Однако не вернула корову соседка. Исчезла вся семья Слободкиных вместе с Красуней в неизвестном направлении. Пропали, как в воду канули. Хотя доходили какие-то слухи. Говорили, что в отдалённом селе во время весеннего паводка смыло и унесло потоком дом вместе со всеми обитателями и со скарбом. Приезжие в том доме жили. В селе их не особенно знали, нелюдимыми были и ни с кем почти не общались. Только корова и спаслась: выбила рогами двери сарая и ушла.

Услышав эту историю, Поленька опять прибежала к мамане:

– А давайте поедем в то село. Может, это наша Красуня спаслась? Найдём её и вернём домой.

– Если это наша Красуня, то пусть добрым людям достанется. И помолимся за упокой душ тех несчастных, которых вода смыла. А мы не пропадём. У нас ведь козочка появилась.

Солнце всходит и заходит, жизнь течёт или замерзает, как вода на речке. Вот и Евдокию Бог подбирает

к себе в чистоту холодных небесных сеней. И унесёт тихая и всепрощающая мать семейства все тревоги и печали покалеченной войной судьбы. До самой смерти ни слова худого не скажет Евдокия ни о ком, ни с кем не поругается, никого не осудит. Единственное, чего не принимала она, – берёзовых дров. Берёзовые дрова никогда при ней в печку не бросали, сколько бы сырости ни надувало в комнатушку, где ютилась она с детьми.

2. Встречи и расставания

С жалостью смотрела Поля на тяжело кашлявшую маманю. Мается, сердешная, с той зимы, как не стало отца. Чуть менее года прошло, а мама совсем сдала – исхудала и кашляет кровью. Старшие ребята кто где: братья воюют, Мария замужем далеко отсюда, Ксению с Валей мобилизовали на военные работы. А маленькие Витя с Алёшей находятся под полным присмотром Поли с Аней. Огород и всё домашнее хозяйство тоже на сестричках. Правда, Витя неразлучен с козой: и пасёт, и убирает, и корм на зиму заготавливает. А Алёша тоже за ним, как нитка за иголкой: то веточку принесёт и бросит козе, то прутиком помогает загонять в сарайчик.

Однажды, когда он в холщовой белой рубашонке подобрался к козе на пастбище, та его взяла и поддела рогами, да так, что полетел вверх тормашками в траву. Поля была как раз рядом и напугалась до смерти. А Алёша ничего – поднялся, взял прутик и козе: «А ты ещё и бодаешься? Уж я тебе покажу!» Видимо, у них с козой игра такая – маленькие потешные бои.

– Поль, подойди ко мне, разговор есть, – позвала маманя.

– Слушаю, маманя.

– Совсем плоха я, Полюшка, стала. Недолго мне уже осталось. Как вы тут без меня будете жить? Алёше только четыре годика, и Виктор не помощник – только восемь осенью исполнится.

Полина заплакала и стала вытирать полотенцем выступившую испарину на лице матери.

– Я вот что тебе скажу, Поля... Пришла разнарядка на Аню. Её мобилизуют на работы в шахте. А она, считай, основная кормилица у нас – и шьёт, и вяжет, и вышивает. Какую-никакую копейку в дом несёт. А тебе шестнадцать скоро. Может, ты, Поленька, вместо неё на шахту отправишься? Несовершеннолетняя ты. Может, вниз, в шахту, и не отправят?

– Маменька, родненькая моя... Как скажете, так и будет... Поеду я, поеду... Ребят только жалко оставлять, а так поеду.

– Вот и ладно. И тебя мне жалко. Да что же делать? Я лёгкими болею. Все тифом переболели, кроме тебя. Может, от тифа убережёшься. Да и кормить будут там. Говорят, шахтёрам дополнительный паёк дают.

На том и сошлись. Через три дня Полина уезжала вместе с такими же горемыками-девчатами в вагоне для скота. Далеко на западе гремела война, а им – на север, куда немецкие самолёты рвались бомбить узловые станции, не разбираясь, где военные грузы, где что, – лишь бы наскоро размазать округу.

Поезд мчался в ночи, притормаживая на полустанках или пролетая мимо... Иногда останавливались и подолгу стояли. Подсаживались солдаты, разного складу гражданские. Стенки вагона – в дырках, щелястые от осколков и пуль. Поля с интересом прилипала глазом к этим щелям, пытаясь увидеть, что там происходит, в опасном и незнакомом мире.

А что увидишь, когда сплошная темень, ни единого огонёчка?

Вот опять падает скорость, и девчата на соломенных подстилках зашевелились, зашуршали, зашептали друг дружке:

– Ой, девоньки, к станции подъезжаем. Луна взошла. Всё хорошо видно. Много цистерн вокруг. И ещё на платформах ящики под брезентом.

– И солдаты бегают. Может, кипятку наберём на станции.

С грохотом открылись раздвижные двери вагона, и мужской голос снаружи прокричал:

– Граждане! Если начнётся бомбёжка, всем из вагона – врассыпную. Ищите естественные укрытия.

– А когда начнётся? – наивно спросила Фроська, соседка Поли из Ивановского. Но голос исчез так же внезапно, как и появился. – А где эти естественные укрытия? – допытывалась неугомонная Фроська.

– Под вагоном. Где же им ещё быть?

Прошло ещё некоторое время. По секрету от сопровождающего узнали, что стоят в Орле, паровоз заправляется топливом, пережидают, пока впереди отремонтируют повреждённые пути. Но недолго длилось спокойствие. Снаружи тот же зычный голос прокричал: «Воздух! Всем из вагонов! Рассредоточиться!»

Пока выскакивали из вагона, темень вокруг громыхала и бухала с визгом и лязгом. Куда бежать? Где эти естественные укрытия? Сбились кучкой под своим вагоном и дрожали от страха, позакрывав головы руками да подолами юбок. Никаких мыслей в голове не было, кроме жуткого страха неминуемой гибели в огненном аду со скрежетом металла. «Ой, мамонька, пропадаю! Ни шахты не увижу, ни тебя, ни братиков маленьких», – причитала мысленно Поля.

Но всё минуло. Сбросили бомбы немецкие самолёты, зашли ещё на один круг, постреляли над станцией из пулемётов и улетели. В последний момент раздался оглушительный взрыв. Потом узнали, что зенитчики с железнодорожных платформ подбили-таки один бомбардировщик, и он врезался в землю, взорвавшись неподалёку...

Ко всему привыкает человек, и к бомбардировкам девчата привыкли. Повзрослев, Полина поняла, какая опасность грозила им на станции Орёл. Если бы хоть одна бомба попала в цистерны с топливом, ничего от их «скотовоза» с девочками не осталось бы.

Бог уберёг на этот раз, не зря причитали под вагонами.

Война и Бог – два полюса жизни, между ними, теми полюсами, – пустота сердец. У деревенских девочек сердца, как у ваньки-встаньки, цепкие до жизни.

Надо ехать дальше! Стараясь позабыть про ночной испуг и бомбёжку, опять забрались в вагон. К вечеру того дня его потолок стал странно кружиться в глазах Полины. Её то знобило, то бросало в жар. Нестерпимо хотелось пить. Она начала бредить и в бреду звать маманю.

Очнулась Полина дня через три, а может, и через неделю. Как будто из глубокой водяной ямы стала выплывать к сереющему пятну света. Затем с трудом приподняла тяжёлые веки и увидела рядом с собой чью-то жёлтую и тонкую руку. «Где я? Чья это рука?» – ожила первая мысль, и снова наплывы белых пятен сквозь слипшиеся веки.

Услышала голоса:

– А эта что? Жива ещё?

– Который день не шевелилась, а недавно глазки пыталась приоткрыть.

– Должна выкарабкаться. Молодой организм. Должна сдюжить.

Голоса пропали, и Полину опять накрыла вязкая и тягучая пелена забытья. Но через некоторое время она очнулась от прикосновения к лицу.

– Пить. Что со мной?

– Сейчас, сейчас... Попей водички, попей, миленькая, – услышала Поля голос мамани.

– Маменька...

– Почудилось тебе, миленькая. Я – баба Маня, санитарка.

Открылись глаза, и она увидела припухшее и доброе лицо пожилой женщины.

– Что со мной? Чья эта рука, жёлтая?

– Слава Богу, вопросы задаёшь. Значит, жить будешь. Тиф у тебя был, сыпной тиф. А рука твоя, милая, твоя. Не пугайся. Поправишься. И рука красивой станет. Ещё этой руки будут хлопцы домогаться. Приметная ты, – засмеялась.

С этого дня жизнь стала возвращаться к Полине, как весна возвращается в мир после тяжкой и промозглой зимы. Хотелось есть. Скудная больничная пища только дразнила.

Как-то утром Полина услышала стук в окошко, прямо над кроватью. Увидела парня с чёрной копной волос. Встретив её взгляд, парень осветился белозубой улыбкой и что-то сказал. Сквозь стекло не слышно голоса, но она догадалась по движению его губ:

– Поля! Помнишь меня?

– Помню, – прошептала она, радостно закивала головой.

А на подоконнике – о чудо! – лежала на газетке краюшка ржаная. Господи! Ведь она на полустанках с ним всего несколько раз говорила. Он с матерью пробирался ближе к Молдавии, чтоб там разыскать отца. Васей назвался. И вот хлеб ей принёс. Вася ушёл, а она с трудом открыла затворы окошка и, дрожа от нетерпения, стала откусывать тютелька в тютельку на один зубок, еле-еле прожёвывая, чёрный, чёрствый хлеб, почти сухарик. Никогда после она не ела ничего вкуснее того военного чёрного хлеба пополам с мякиной. И запах, и его вкус сохранились в её памяти на всю жизнь. Потом были муж, семья, достаток, но та первая чёрная краюшка, как первая любовь, не забывалась никогда. Наверно, именно она стучалась в больничное окошко, первая любовь в её жизни.

Вася приходил к окну ещё несколько раз и приносил с собой хлеб, и она ждала этого прихода, но уже не столько из-за хлеба – ей хотелось видеть Васю, слушать его...

– Любила ли я своего покойного мужа? – как-то разоткровенничалась с внучкой Полина. – Конечно, любила. Но если бы тогда Вася позвал меня замуж, я, не задумываясь, вышла бы за него. С радостью вышла бы.

– А чего же он не позвал?

– Он позвал, только я не знала об этом. Исчез Вася в один день. Исчез. И перестал ходить ко мне. Это потом я узнала, что он прибегал в больничку, когда меня на укол позвали. За ним с матерью отец приезжал на машине, чтоб забрать с собой. Вася и не застал меня. Машина-то у больнички стояла.

– А как же ты, бабушка, узнала, что Вася приходил?

– Соседка через неделю рассказала всё. Да поздно уже было.

– И что? Он не мог письмо написать?

– Какое письмо? Выписали меня вскоре и отправили в тульские края, где я и проработала как мобилизованная полтора года в забое. Война. Мобилизованная – это как солдат. Встречались люди и теряли друг друга. Всякое бывало. Теперь-то что жалеть о том, чего не случилось? Да и Сергея встретила спустя два года.

Полина подвинула к себе хлебницу и взяла кусок чёрного хлеба:

– Да, горькая жизнь, но в ней и свет бывает! Иногда мне снится та жизнь в виде чёрного, блестящего

угля и чёрного хлеба. Вот такой маленький кусочек, может быть, и спас меня. Жить не хотелось. Благодаря Васе и его краюшке чёрного хлебушка я поднялась после тифа. С тех пор никогда не выбрасываю хлеб, даже если в поезде еду, оставшиеся кусочки собираю и домой везу. Рука не поднимается выбросить хлебушек.

3. Время цветения радуг

В степенном загородном доме, на веранде, обвитой виноградной лозой, Полина Михайловна с внучкой Олей пили чай. Бабушке – восемьдесят, а память такая, что диву даёшься: помнит в мельчайших подробностях всё, что было с ней в фантастические времена при Мазепе или при Соловье-разбойнике. Оля не помнит, что вчера ела, а про кавалеров недавних умолчим. Бабушка Васю-молдаванина помнит из-за краюшки чёрного хлеба... Надо же! А сколько стихов помнит и частушек! Полина Михайловна, ободрённая вниманием внучки, продолжала свой рассказ из жизни угольно-чёрной, одноцветной, как в каторжной шахте. Не странно ли, выйдя из неё, из шахты, бабушка едва ли не радуется тому, что её мобилизовала власть в забой рубить кайлом уголь? «Невзгоды принимали молча, – говорила Полина Михайловна, – а иначе будет хуже – загонят в вагон и за колючую проволоку, на зону. Когда жизнь человеческая обесценивалась, люди начинали понимать: не для Родины всё, а для славы вождей... Вопрос стоял, чтоб самому выжить, несмотря ни на что и вопреки всему».

Смена в забое уже подходила к концу, когда пришла тревожная весть. Прибежала Фроська и заголосила:

– Девоньки, Тоньку вагонеткой пополам перерезало! Сошла вагонетка с колеи и на Тоньку наехала. Ужасть... У-у-у!

– Ты сама видела?

– Не-е-е... Ребята сказали.

– Дура, а вдруг неправда всё? Или пошутили ребята? Пойдём – посмотрим.

– Никто никуда не пойдёт! Всем оставаться на местах! Ещё час до конца смены! Под суд захотели? А ты, Фроська, первая пойдёшь за распространение провокационных слухов, – вмешался бригадир, сухонький Федотыч.

Какой суд-пересуд? Он принадлежал не им, а невидимым богам и кидал свои решения, как немецкие самолёты бросали бомбы.

Жаль, всё оказалось правдой: бедная Тонька погибла под вагонеткой с углём, нагруженной из нашего забоя.

А я тогда подумала: «Оказаться бы на месте Тоньки, и – конец. Сил у меня нет терпеть лишения и голод. Да только Алешу жалко». Полгода назад мать умерла, и я после похорон забрала пятилетнего Алёшу к себе на шахту. Немцев разбили, японцев шарахнули, уже сорок шестой год, а нас, мобилизованных девчат, домой не отпускают. Дома так сложилось, что за Алёшей некому присматривать. Витю с трудом устроила в Курске в суворовское училище как сына погибшего партизана. И то повезло: хотели отказать на комиссии, но вмешался человек военный, нагнулся, что-то шепнул председателю, и дело было решено. Алеша же со мной, в общежитии, но жили так тяжело, что всего не расскажешь. Смена длилась десять часов, а его оставляла одного. Паёк на него не давали. Одна надежда – за превышение нормы выработки к пайку получишь добавку. Вот я и старалась, чтоб больше кайлом набить угля. Приду со смены, а Алёша

голодный ждёт – своё поел, что наготовила ему, и то, что для себя оставляла, тоже съел. А вдобавок холод в общежитии. Не топят и угля на растопку не привозят. Приходится идти и уголь воровать, вёдрами девчата носили, чтоб печки, стоящие в коридоре, натопить. Сколько того угля перетаскали в вёдрах!.. Хорошо, что никто не попался, а то загремели бы за хищение социалистической собственности.

Полина Михайловна вздохнула и прервала свой рассказ.

– Бабушка, что такое кайло? – спросила внимательно слушавшая Оля.

– Лучше тебе этого не знать, деточка... Кирка такая. Уголь пластами располагается. Стоишь перед стенкой из угля и кайлом бьёшь по стенке, а бывало, согнувшись приходилось работать, если лава меньше человеческого роста. Уголь осыпается, его лопатами подбирают и грузят в вагонетки. В вагонетках тянут уголь к стволу, а там его на-гора выдают, подымают. Сложная это схема. Надо видеть, а так разве расскажешь?

– Бабушка, ведь уголь пыльный. Как же ты там дышала среди пыли?

– Когда сгружали уголь для нашей кочегарки, мимо нельзя было пройти – такая чёрная пыль стояла столбом. А в шахте сплошной ад был. Женщин, кто опаздывал на работу или дисциплину нарушил из-за детишек, суд направлял прямехонько в шахту. На трудовой фронт. По судимости, считалось, приговорённых. На всю жизнь остался в памяти посёлок Щёкино, где мы, молодые шахтёрки, получали продукты по талонам. Шахта № 9 треста «Тулауголь».

– Я бы, наверно, не смогла в шахте работать, – с сомнением посмотрела Оля на свои ухоженные ручки.

– Кто не смог, тот пропал. Не выжил. Как-то вызвали меня и Фроську к кадровику. Стояли у двери и ждали, когда выйдет очередной посетитель. И вышел мужик, такой красивый и упитанный. Когда он скрылся, Фроська толкнула меня в бок:

– Что, не узнала? Так это же полицай Антип Блудилин! Больше всех старался хату вашу спалить. Он и отца твоего увозил в управу.

– А я не признала. Он как барин. Видно, начальником где-то пристроился.

Но тут нас позвал Иван Никифорович, отставной военный, что кадрами заведовал. В кабинете подозрительно посмотрел на хихикавшую Фроську:

– Что тебя развеселило?

– Да Антип Блудилин. Как пан приоделся!

– Какой Блудилин?

Я не успела голоса подать, как Фроська выпалила:

– Полицай из нашего села. Только что от вас вышел.

– Подождите, девки. Я сейчас, – Иван Никифорович выбежал из кабинета. Потом услышали его голос за дверью: «Хорошо, что ты, Маринич, вернулся. Посиди в коридоре. Сейчас я тебе справлю бумажку. Девок отпущу и справлю».

Вернулся и, не стесняясь меня с Фроськой, вызвал наряд НКВД. Маринича, а точнее Антипа Блудилина, бывшего полицая из села Ивановское, тут же в коридоре арестовали и увезли. Больше его никто не видел. Я потом выговаривала Фроське:

– Кто тебя за язык дёргал? Зачем сказала про Блудилина?

– А что? Тебе жалко его? Он же твоего отца сдал немцам. Самолично!

– Не нам судить, как оно было и что было. Вон полицейский Петро не ушёл с немцами, поскольку никому зла не сотворил, а его под общую гребёнку загребли. А он помогал нам.

– А неча было в полицаи идти, ушёл бы в партизаны, и ничего бы не было ему.

– В партизаны? Кто бы кормил всех, пахал и сеял? Нас бы давно не было. Кого бы в шахту опустили?

Что взять с Фроськи? Блудилину, конечно, оправдания нет. Но мать не велела никому мстить. Бог сам накажет, кого нужно.

А вдруг через глупую Фроську Бог приблизил наказание предателю Блудилину?

Оля вдруг повернула разговор на другую тему:

– Бабушка, у тебя столько братьев и сестёр было! А я никого не знаю.

– Как не знаешь, Оля?! А дядя Витя приезжал? Он всю жизнь военным был. До полковника дослужился. Сейчас на пенсии, в Харькове живёт.

– Помню. Он на учителя похож. Вы в карты с ним и его женой всё время дулись.

– Оля, и откуда у тебя такое словечко – «дулись»? Интеллигентная девочка, не идёт оно тебе.

– Дедушка Сергей так говорил.

– Да, заядлый был картёжник. Но за что ни брался, старался делать на «отлично». Охота, грибы, огород. Сухую ветку в горшок с землёй, бывало, ткнёт, и она у него примется и зацветёт. Лёгкую руку имел. А в карты умел и любил играть, и в игре неуступчив был, Царство ему Небесное. А ты, Оля, бери пример с хорошего, а эти дедушкины словечки забудь, они мужицкие, не для девочек.

– А другие твои братья и сёстры?

– Время всех унесло. Я вот да Витя остались. Время-то, оно только в молодости медленно ползёт, позже неумолимо летит. Оглянуться не успеешь, а жизнь умчалась, как журавль в небе, тю-тю!

– Так Алёша у вас был самый маленький? Ты за ним ухаживала. Сама только что рассказывала, что на шахту с собой брала.

– Алёша – беда и горе нашей семьи. Слабым рос. И выпить покойный любил. Все дети Михайла Ступина умерли. Поветрие или война наложили печать? Порой думаю: село невезучее, дух Мазепы гнетёт...

Взор Полины Михайловны затуманился, словно в ожидании первого снегопада. Вспомнила, как некогда, уже будучи замужем, забрала Алёшу к себе в Трускавец, где работала главбухом в санатории. И на работу пристроила в тот же санаторий. Но ничего не получилось: не умел он понять и принять город. Человек-то был деревенский. Пришлось отправить братца к сестре Валентине, на село, где надо поспевать за временами года: то сад, то огород, топливо заготавливать на зиму.

Полина Михайловна посмотрела на присмиревшую Олю и, лукаво улыбнувшись, спросила:

– А ты-то когда замуж собираешься, стрекоза?

– Что ты такое говоришь, бабушка?! Я только институт окончила – и уже замуж? Я хочу мир посмотреть. Возможно, ещё одно образование получу, где-нибудь за границей.

– Далась тебе эта заграница! У нас у самих сейчас заграница. Всё есть. Не то что в наше время. Туфли на шпильках нельзя было купить, всё доставать приходилось.

– Б-р-р-р... Туфли на шпильках. Немодно сейчас. Старые девы в таких туфлях в театр ходят. А по мне, так лучше кроссовок ничего нет. А насчёт заграницы ты не права, бабушка. Ведь люди там лучше живут. Почему бы не поучиться у них? Я хочу стать классным специалистом, чтоб хорошо зарабатывать и материально от мужа не зависеть. Вот так!

– За военного выходи. Да по любви.

– Ай, бабушка! Давай не будем про меня! Лучше расскажи, как с дедушкой познакомилась.

– А это уже было через год, когда я с шахты домой вернулась. В сорок восьмом году. Сергей на побывку приехал из Германии – он там после войны оставался служить. Жили они в самом центре села. Сергей в отца

пошёл, он, как и свёкор, жадный был до работы, ох, жадный! За всё брался, и всё у него получалось. Да и красивый был в молодости, а ещё в офицерской форме домой приехал! Я его сразу на танцах приметила. А он – меня! И пригласил на первый танец. Как в той песне поётся:

Мечтать я, гордая, не смела.
Чтоб он навеки полюбил.

В то время по радио пели. Я и запомнила. Хорошая песня. Как будто про меня слова написали. В тот вечер Сергей меня провожал и сразу предложил за него выйти замуж. Я согласилась. На следующий день Сергей уезжал на службу, забежал попрощаться. А потом уехал и пропал: нет и нет. Я не знала, что думать. Почти год прошел. Что делать? Я написала честно Сергею: если пошутил, то ответь мне, и я буду свою судьбу дальше строить сама. Через неделю Сергей примчался из Германии, перевода на Украину добился. Мы с ним поженились, а через год твоя мама родилась. Уже в Дрогобыче. Натерпелись, детка, мы тогда там, ох, натерпелись всего. Тяжёлое время.

Отец на службе и на службе, а я с твоей мамой на руках. Не воровала, с людьми не ссорилась, на чужое не зарилась. Так и жизнь прошла. А как мы жили здесь, ты, Оленька, сама знаешь. Здесь радость – сад да огород свой, ваш приезд на воскресенье. А ты бы, Оленька, чаще приезжала, скучно мне одной, особенно зимними вечерами: ветер гудит, снег вокруг по маковку. Дома льнут друг к дружке, стоят рядом, а соседи в гости не ходят. А почему не ходят? Потому что богатые и гордые. Им никто не нужен. У кого старики живут, как я, так те, может быть, и рады были бы общаться между собой в нашем посёлке.

Ей хотелось сказать: «Вот как мой отец – твой прадедушка Ступин», – но она осеклась. Что для внучки Михайло Ступин? Уплывший сизым облачком образ из рассказов бабушки? Муку вёз партизанам – борцам за Родину... Чью муку? Из своих закромов! Не селяне же скинулись по воле подпольного обкома. Своим потом вырастил зерно на земле. У своих детей отнял – отдал партизанам, чья слава глуховата в мазеповских местах. Для Родины! Михайло Ступин для своих детей старался, не спрашивая: кто, что? Против немцев – и хорошо!

Полина Михайловна решила для себя далеко и высоко не ходить. Ступин – земля непознаваемая, пусть останется для внучки такой. Обидно, власть их позабыла, его имени нет среди погибших сельчан... Он вёз муку. Он не воевал, поэтому предан властями забвению. Получается, что Антип Блудилин победил. Михайло Ступин пёкся о своих детях, о русской земле, а вышло по-иному.

– А давай, бабушка, я с тобой буду жить? А на работу в Москву буду на машине ездить? – внезапно предложила Оля.

– Что ты? Что ты, миленькая моя? Пожалела бабушку. Я не жалуюсь, нет. Это я так, разворчалась. Хорошо мне здесь. По утрам птички поют-заливаются весной и летом. А зимой синичек кормлю семечками. Если забуду в кормушку семечек насыпать, они прилетают и клювиками в окошко стучат.

Тяжёлые тучи к вечеру ушли с неба, и закатное солнце осветило всё вокруг: берёзы в блестящих капельках влаги на листьях, шершавую зелень газона перед домом, великолепие клумбы роз и георгинов посередине и россыпь цветов в обрамлении – синих, жёлтых, красных, но всё мелких, как будто с полей занесённых ветром. По соседству – два камня, поставленные на попа то ли природой, то ли человеком в угоду новой ландшафтной моде. Нежные цветы, как символ хрупкости и кратковременности человеческой жизни, и огромные валуны, как символ незыблемости мироустройства и его законов.

Омыв цветы и камни, дождь прекратился. И Оле захотелось, чтоб на небе проявилась семицветная радуга, и не одна, а двойная, или чтоб радуг было много, как однажды она подметила в рекламе лифчиков.

Глянув на бабушку, удивилась – такой её никогда не видала: Полина Михайловна любовалась небом с какой-то восторженной грустью, её глаза блестели, то ли от скопившейся в них влаги, то ли от совсем далёких и потаённых мыслей. Продолжая улыбаться, она быстро троекратно перекрестилась.

Заметив взгляд внучки, сказала: «Время цветения радуг... – и, помолчав немного, добавила: – Какой огромный и красивый этот созданный Богом мир! Но какая неизмеримая и одновременно короткая земная жизнь!»

ОДИН ДЕНЬ И ВСЯ ЖИЗНЬ...

(Из записок моряка)

1. Куколка с голубыми глазками

Поезд мчался, разрезая темноту; общий вагон – в хвосте мотало, словно на качелях. На стыках колёса отстукивали: «Так-так-так...»

Поезд нёс меня в новую жизнь – к морю, на бескрайние просторы океанов, в тропики, штормы и опасности; может быть, выпадет счастье обойти мыс Доброй Надежды с его неистовыми ветрами? В кармане курсантской куртки справка: я, Юрий Мордвинов, курсант-третьекурсник Одесского мореходного училища, направлен матросом на пароход «Умань». Впереди – Туапсе, там судно стоит под погрузкой. Что грузят? А какая разница? Мечта любого моряка – загранка...

Ещё утром я получил бумаженцию, которая делает меня штатным моряком. Общий вагон громыхает, поезд взрывает тьму, скрывающую мыс Доброй Надежды, я с превосходством и даже с сожалением посматриваю на попутчиков. Эх, люди!.. Куда вы едете? Домой? Из дому? По каким-то мелким делишкам. А у меня – судьба...

Очень полная женщина клюёт носом у окна. А напротив совсем юная пара – видят только друг дружку, не замечая окружающего мира, словно он сжался до

точечных существ. Девушка мне понравилась – тоненькая, беленькая, с мечтательными глазами и ресницами, похожими на крылья огромного шмеля. Взмахнёт крылами – и брызнет из-под них свет, исполненный небесной сини... А парень не понравился: грубый какой-то, коренастый и чёрный как смоль.

У меня девушки пока нет, и в глубине души я мечтал о такой же – светлой, романтичной. Рядом дед с большущим мешком из рогожи. Дед оберегал свою поклажу, чтоб кто-нибудь ненароком не зацепил... Что за ценности в мешке?

Поймав мой взгляд, дед заулыбался:

– Гостинцы везу внучке. Из села. В Новороссийске она, учительницей английского языка работает после института. Замуж вышла, вот и собрали со старухой молодым: мёд, семечки, сало и ещё кое-что по мелочи. Всё – своё, настоящее. А ты, сынок, куда едешь?

– На пароход. В Туапсе стоит.

– Вижу – моряк, – уважительно произнёс дед. – Эх, я в молодости мечтал о море... Да куда там! Не до того было... Меня Митрофаном Петровичем величают. А как тебя зовут, сынок?

Познакомились и вместе поужинали припасами из заветного мешка, что было очень кстати, поскольку за весь день, пока оформлялся, во рту и макового зёрнышка не было.

Ещё раньше, когда садился в вагон, я приметил чернявую девушку небольшого росточка, смешливую. Помог ей поднять чемодан в тамбур.

– Что у тебя там, камни? – пошутил.

– Учебники, – прыснула смехом девчонка. – Спасибо, морячок.

После ужина и деликатной беседы с Митрофаном Петровичем мне захотелось поискать смешливую девчонку. Она сидела в самом конце вагона, и рядом – свободное место. Невероятно!

– Садись, морячок. Меня зовут Юля. А тебя?

Болтали, как старые знакомые, встретившись случайно на перекрёстке больших дорог. Сколь ни кидало вагон, а нам всё нипочём, весело.

За полночь девушка вышла, оставив на память забавную куколку с голубыми глазами, распахнутыми в мир в ожидании солнца и любви.

2. Первый рейс

В беседах с попутчиками и в полудрёме улетела ночь. Утром я был в Туапсе. Шёл дождь – мелкий и беспечный. Порт, пароход. В экипаже оживленно: кто-то сменился с вахты, спешит на берег, к кому-то жена приехала, обычные события после тягомотного рейса. В каюте, где предстояло жить, меня встретил белобрысый матрос, как сперва показалось, изношенный, хмурый и злой.

– Здравствуй! Я – Андрей. – Матрос указал на верхнюю койку. – Твоё место на втором ярусе. Тебя как зовут?

– Юра, – несмело ответил я.

– Не робей, моряк! Подружимся. Впереди долгий рейс в Польшу. Бискай будем проходить. Слушай, меня поставили на штивку руды в трюме, ты подмени меня вечером. У меня, понимаешь, жена в Новороссийске. На лебёдке стоял?

– Не-е-е... А я смогу?

– Сможешь. Я тебя потренирую с часок. А со старпомом договорюсь. Лады? А сейчас ложись, отдохни после поезда.

Днём выдали робу, сапоги, показали сушилку, где оставлять рабочую одежду, а вечером после недолгой

тренировки я встал у пульта и управлял нещадно грохочущей лебёдкой, испускавшей при этом клубы пара. Я понял: или я – её, или она – меня. Лебёдка уступила, сдалась. Знай наших!

«Умань» вышла в море. Ещё сутки, и выпала мне матросская вахта со старпомом Наумовичем. Этот маленький, никогда не унывающий мужичок (Андрей меня предупредил) был большим шутником: он подкрался ко мне сзади, когда я всматривался через бинокль в горизонт, и крикнул:

– Матрос Мордвинов, немедленно за борт, в воду!

– Зачем?! – обернулся я оторопело.

Я с детства боялся высоты, для всех – страшная тайна. И сейчас испугался не от дурацкой команды старпома, а от догадки, что тайна раскрыта и старпом проверяет меня.

– Да пошутил я! – похлопал по плечу Наумович. – Твою реакцию на глупость проверял. Молодец! Выдержал проверку. А то был один матрос – сиганул по команде за борт. Еле успел перехватить в последний момент.

После недолгой паузы спросил:

– Батька есть?

– Не, с войны не пришёл.

– Да, кто с войны, кто с моря, – задумчиво произнёс Наумович.

В другой раз в пять часов утра послал в свою каюту:

– Юра, принеси мне кусок колбасы.

– А где она лежит?

– В спальне стоит холодильник, так ты его не открывай!

– Проверку на глупость, Виктор Наумович, я прошёл. А сейчас на что?

– Во! Молоток! Над иллюминатором висит палка колбасы на верёвке. Возьми ножик, отрежь половину, чтоб тебе и мне хватило.

Позднее я наслушался разных баек про старпома, но верилось в них слабо. Весь экипаж опасался строгости старпома. В молодости, по словам Андрея, даже поколачивали его за неуместные и жестокие выходки. Но битьё, видимо, не пошло впрок... Однажды перед приходом судна в порт он организовал для капитана телеграмму, якобы от жены: «Домой не приходи тчк Я всё знаю тчк Люба». Бедный капитан места себе не находил – всегда у моряка есть грехи, о которых жена невзначай да узнает. Чего от скуки и однообразия порядка не придумаешь!

Проходили Босфор. На борту – лоцман, усатый турок-толстяк, подвижный: всё-то ему надо! Легко перекатывался по мостику, выбегая то на правое, то на левое крыло. Я стоял вперёдсмотрящим и докладывал старпому об обстановке впереди, хотя и без меня вся обстановка рисовалась как на ладони.

– Буксир слева по курсу тридцать градусов. Идёт на пересечение! – звонко, с металлом в голосе кричал я.

Наумович переозвучивал лоцману по-английски. И тот, выскакивая на крыло мостика, грозил кулаком несчастному буксирчику.

Меня поражали бежавшие по проливу суда и судёнышки, буксиры и всякого рода рыболовные шхуны, сновавшие в Дарданеллах, словно по одесской улице автомобили. Внешне хаос немыслимый. Как ориентироваться? Позже я пойму, что в море, над безднами глубин, правила построже, чем на берегу, но то – потом, когда походишь по морям не балластом, а моряком.

После осенней дождливой погоды в Туапсе Средиземное море с раннего утра светлое и по-домашнему приветливое. Судов много, особенно рыбацких. Иногда «Умань» сближалась с лодчонками, можно было рассмотреть рыбаков, выбирающих сети с рыбой: чёрные, продублённые лица, в глазах – тени предков. Впереди – Гибралтар, я с сожалением прикинул: в этот раз берега

не увижу, на ночную вахту выпадает выход из пролива, зато будет Атлантический океан и курс на север мимо Испании, Португалии. И пусть Гибралтар далеко не мыс Доброй Надежды, но, кто знает, может, на обратном пути мы пройдём легендарное место – Геркулесовы столбы – среди бела дня? Вот только бы не укачал меня шторм Бискайского залива. Позору не оберёшься перед командой морских волков. Ведь морская практика для того и даётся будущим морякам, чтобы сдружиться с морем, почувствовать вкус солёного ветра на губах. Короткий поход на учебном судне «Экватор» после первого курса, когда меня укачало, – не в счёт. Первый блин комом!

Тогда хотелось одного: конца кошмара, хотелось ступить ногой на твёрдую землю и забыть ужас качки. И никаких больше морей!

Но закончился шторм, снова светило солнце, играя бликами морской глади. И опять с нашим судном состязались дельфины, вымахивая из воды перед форштевнем. Мечты о мысе Доброй Надежды снова навалились, как прибой, уносящий в море труху побережья.

Проходим мы ревущие широты,
И вновь в душе неистовый оркестр,
И вновь гремят серебряные ноты,
И вновь к нам благосклонен Южный Крест.

Что моряку предвещает беду? Ведь Гибралтар – пролив, далеко не «ревущие широты». Здесь если шторма бывают, то одомашненные, европейские. Как жесток может быть Бискайский залив, я тогда ещё не понимал. Укачало в Чёрном море? Эка невидаль! Кого не укачивало салажонком?!

С вечера я лёг пораньше, чтоб к вахте быть свеженьким, как огурчик. Первая встреча с океаном – праздник души. Из лоции я знал: даже при безветрии океан способен на высокую волну, поскольку после шторма успокаивается не сразу. Океан, как зверь, удовлетворяется добычей, будь то люди, корабли, самолёты...

Задолго до зари пароход уже вовсю качало. Огромные океанские волны бухали в левый борт, ветер выл и свистел в снастях. «Мы уже в Атлантике?» – тревожно подумал я. Бискай! Страшно! Организм пересилил качку, словно он никогда не укачивался. Ясно, от страха! Но был явный крен на правый борт – и это серьёзно.

– Виктор Наумович, – сказал капитан старпому, – подымайте боцмана. Пусть проверят груз в трюмах. Крен уже пятнадцать градусов. Наверно, руда поплыла.

– Есть, Александр Петрович! – сам пойду с командой по трюмам.

«Как может руда “поплыть”? И куда она из трюма поплывёт?» При качке насыпная масса взбалтывается и, постепенно приобретая текучесть, сползает на один борт, увеличивая крен судна. Теория. На практике я узрел её страшное лицо!

Был объявлен аврал. На руль встал третий штурман, а меня вместе со всем свободным от вахты экипажем спустили в трюм черпать вёдрами жижу и таскать с борта на борт. Тут главное – не растеряться и выполнять свою работу... И пусть силы невелики, но воля к жизни сильнее шторма. Надо победить, выжить и спастись!

Слышит ли Бог человека, помогает ли ему? Мне не до сложных рассуждений – вместе с командой молча переваливаю жижу вёдрами с полным пониманием происходящего.

Даже самые отпетые грешники и безбожники обращаются к Богу, когда больше надеяться не на кого. Я не был безбожником, но и не умел молиться... Бабушка пыталась, да разве слушал её?! Но сейчас, над бездной долгожданного океана, в памяти всплыли слышанные в детстве слова, когда в грозу бабушка повторяла много-

кратно: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Вспомнилась молитва «Отче наш...». Наверно, частота бабушкиных молитвенных слов закрепилась в глубинах памяти.

С каждым ухающим ударом волны в борт «Умани» слова молитвы будто сами всплывали. А команда не прекращала носить полные вёдра руды с борта на борт, пытаясь справиться с опасным креном судна.

Шторм бился головой о борт, железо грохотало, «Умань» шла своим курсом, зарываясь в океанскую бездну и выравниваясь по ускользающему горизонту.

3. Время сакуры

Про сакуру – ни слова. Хватит, кто не знает про её мистический цвет? Дышите, растворяйтесь в любви, как я в Цуруге – городе, где меня застало цунами цветущей сакуры, дошедшее до этих мест. С начала весны цвет японской вишни набирает силу на острове Окинава и валом бело-розовой волны поднимается на север, заканчиваясь нашествием на прохладный остров Хоккайдо.

В дивных, нежных лепестках японцы ищут ответы на множество житейских вопросов, любуются ими часами в молчаливом одиночестве, погружаясь в себя и природу. Для них допустимо в компании сослуживцев провести час-другой в саду сакуры или на старинном погосте, где в тишине растёт девственная вишня. Расстелив скатерть на зелёной лужайке с немудрёной закуской и бутылкой саке, люди забывают суетный город.

Эйко приехала в Цуругу из Токио к родителям. Далеко от них, без младшего брата Массами, в большом городе ей жилось одиноко. Но постепенно свыклась, нашлись подружки, такие же студентки, как она, и Эйко втянулась в учёбу...

Зато один раз в месяц обязательно отправлялась в маленький городок, близкий её сердцу, где в порту стоят величавые торговые суда и рыбацкие шхуны-невелички. Эйко хотела выучиться на штурмана. Но об этом она и мечтать не могла, не то чтобы высказать вслух своё желание. В море ходят мужчины, а женщины ждут их на берегу. Никто не изменял порядка вещей – нечего и загадывать.

Она без сожаления отказалась провести воскресенье с друзьями в парке. После чинного обеда с отцом, матерью и братом Массами, ценя одиночество в дни цветения сакуры, Эйко отправилась прогуляться по родным местам, к школе, где училась, по набережной, откуда видны на рейде корабли...

Ноги сами понесли её вслед за толпой празднично одетых людей в морской порт. «Наверно, русское судно стоит в порту, – думала Эйко, – много зевак собирается поглазеть!»

Тридцать лет прошло после ужасной войны, когда американцы сбросили атомные бомбы на Японию. Матери в то время было чуть более десяти лет, но ей не забыть то страшное время, потому она, уединившись, обращается к Будде с просьбой о снисхождении к людям. И с американцами воевали, и с русскими воевали. А сейчас, наверно, по молениям мамы, русских любят. Как только придёт судно под красным флагом, люди тянутся в порт повидать этих русских. Говорят, разрешается на борт подняться. Соседка с детьми и мужем побывала однажды вечером в гостях у русских моряков, и те даже чаем их угостили без всяких церемоний. Чай наливали в стаканы, прежде поставив их в металлические подстаканники. Чудно! Стеклянные стаканы для чая вместо глиняных или фарфоровых

чашек. Соседка сказала, что русские любят наблюдать через стекло, как чаинки плавают. Гадают по чаинкам, что ли?

Пока вспоминала известное только ей, оказалась около порта. У причала высилась громадина корабля с красным флагом на корме. Ей хотелось подойти поближе и увидеть загадочных русских. И вот уже трап, японки с детьми степенно подымаются на борт. Вблизи он ещё выше, круче, у трапа моряк с повязкой на рукаве – тоже красной, как флаг. И с бородой! Эйко видела в журнале русских с бородами – они были какие-то злые. А этот улыбается и даже помахал Эйко рукой, приглашая на судно. И Эйко решилась, ступив на трап вслед за парочкой влюблённых. Наверху её ждал другой матрос. Коверкая японские слова, он попросил подождать одну минутку:

– Чото мате кудасай.

– Аригото, – поблагодарила Эйко и поклонилась.

Тем временем у трапа появился молодой моряк, видимо офицер, в синей форме с тремя золотыми полосками на погонах.

– Вы говорите по-английски? Что вам интересно? – спросил офицер.

– Немножко говорю. Я хотела бы посмотреть судно. Можно?

У офицера были голубые глаза, русые волосы и какой-то странноватый нос. Длинный и тонкий. У японцев таких носов не бывает, и Эйко не сдержалась, прыснула со смеху, прикрыв рот ладошкой.

Важный офицер водил японцев по судну, сыпал морскими словечками, объясняя устройство корабля, постоянно улыбался и при этом смотрел только на Эйко.

Если бы кто-нибудь подслушал мысли Эйко и вахтенного офицера, то очень удивился бы созвучию их рассуждений:

– Какой странный! Он мне нравится.

– Какая красивая японка! Боже, от неё глаз не отведёшь!

– Он такой высокий и гибкий.

– Какая она маленькая и ладная!

Поднялись на капитанский мостик.

– Хотите постоять за рулём? – спросил офицер. – А как вас зовут? Я – Юрий, или просто – Юра.

– А меня – Эйко. Вы управляете отсюда кораблём?

– Нет, на руле стоит матрос. А я – старший помощник капитана.

И Юра стал подробно объяснять, как управляют судном в море, показал, как прокладывают курс корабля по карте.

Девушка с парнем присоединились к очередной группе японцев, их вела на мостик русская девушка, но Эйко и Юрий продолжали смотреть друг на друга и о чём-то говорить, не замечая ничего вокруг. Юрий – о России, о морских плаваниях, а Эйко – о родителях, об учёбе в университете. Но в мыслях их осаждали другие слова:

– Я как будто знаю его давно. Юра-сан! Какое красивое имя!

– Эйко! Эйко и Эйко! Вот бы пригласить эту девушку на свидание!

Наконец Юра не выдержал и сказал, смущённо улыбаясь:

– Эйко, вы такая красивая! Я никогда не встречал таких красавиц!

– Спасибо. Извините, Юра-сан. Мне пора уже домой.

Рассказав историю знакомства с Эйко, я не сразу узнал себя в роли бравого помощника капитана. Прощаясь у трапа, Эйко подарила мне глиняную куколку – образ японки в кимоно. Тогда я, попросив её подождать, побежал в каюту. Вернулся с куколкой с голубыми глазами. Это была та самая – от Юли. Ничего лучше не смог

придумать! Не знаю почему, вложил за поясок сарафанчика куколки бумажку с адресом, названием судна и своей фамилией.

Японская куколка, которую я называл Эйко, долго хранилась в моём рюкзаке, как у японских самураев, носивших с собой в походах нэцке – изящные статуэтки женщин, сделанные из реликтовой кости мамонта. Суровый воин любовался в одиночку, тайно от своих собратьев по оружию, всевластной миниатюрой. Получилось, что я предпочёл голубоглазой мечте новую мечту, с раскосыми глазами. Но образ Юлии нет-нет да всплывал, не желая ложиться на дно, как образ убежавшей юности или мечты, показавшейся и исчезнувшей в тумане.

Через два месяца – письмо из Японии от Эйко Кавасаки. Удивительно тёплое и невинное лирическое послание целомудренной девушки – надежда, что когда-нибудь они с Юрой обязательно встретятся, и встреча произойдёт в пору цветущей сакуры. Шёл 1975 год. Конверт вскрыт, и, понятно, письмо прочитали. Первый помощник капитана, опытный помполит Дмитрий Данилович, пожурил меня по-отцовски:

– Что же ты в переписку с иностранцами вступил? Не поощряется.

– Да не писал я ей ничего. Пока.

– А адресок-то дал! Прекращай это дело. Не нужна она тебе. Кто она? Может, подосланная?

На душе стало противно до невозможности.

На всю жизнь я сохранил маленькую глиняную куклу – подарок красивой японки. И очень сожалею, что не сберёг конверт с её адресом.

Может быть, она до сих пор хранит мой подарок? И в дни цветения сакуры подолгу проводит время в своём садике перед загадочной русской игрушкой?

Весной, когда в Японии цветёт сакура, я мысленно разговариваю с Эйко и даже слышу её слова, вижу её улыбку. Ведь мир стремится к счастью, и цвет сакуры – его вестник. Чем больше времени проходит, тем увереннее я понимаю: никогда мы не встретимся... Зачем я подарил Юлину куколку? Растерялся, никакого сувенира не оказалось под рукой. А передаривать нельзя, дарить дарёное – даже во вред себе, но что значит случай? Не готов, не ждал. Нет, не встретимся мы с Эйко! Никогда. Как жаль до сих пор! Как обидно! Однако морское поверье – сгусток опыта, и никуда от него не убежишь.

Не так давно глиняная куколка японки в кимоно исчезла из моего кабинета. Мистика? Знак судьбы? И чем больше проходит времени, тем отчётливей я понимаю: нет, никогда нам не встретиться с Эйко... А вдруг? И я продолжаю искать на даче, в рабочем кабинете, дома исчезнувшую глиняную куколку с нарисованными раскосыми глазами.

4. Двое в спальном вагоне

Не узнаю себя. Я опять в поезде, мчащемся на юг, к морю, или это совсем неизвестный мне чужой человек? В общем, я ли это?

В спальном вагоне мужчина в годах и молоденький курсант в ладной морской форме напротив за столиком.

– И что потом? Судно спаслось? – спрашивает курсант меня.

– Нет... Судно утонуло, – отвечает чужой мужчина.

– Так что? Юра погиб? Утонул?

– Нет, Юра спасся, вместе с ним спаслись буфетчица и третий штурман, а весь экипаж утонул вместе с судном. Пучина поглотила всех. Об этом тогда в газетах писали, по радио говорили.

– А как же Юре удалось спастись в такой шторм?

– Спасательный плот всплыл рядом, когда судно ушло под воду, он и забрался на него. Потом помог штурману, а уж вдвоём вытащили из воды буфетчицу, терявшую сознание. Остальные сгинули: кто вместе с судном, кого разметало волнами, и они не смогли добраться до плота. А Юре повезло: спасательные суда подоспели. Заметили оранжевый плот и подобрали. На всё воля Божья, – вздохнул попутчик и перекрестился.

– А Андрей? А старпом Виктор Наумович?

– Погибли, Митя.

Глядя в тёмное окно, мужчина замолчал, а меня словно потянуло в курсантскую пору, встрял в разговор, иронично усмехаясь:

– Митя, в моё время курсанты не ездили в спальном вагоне. На трамвай денег не было, поэтому в Одессе кондукторы никогда не проверяли билеты у курсантов и солдат. А сейчас как? Я на трамвае в Одессе не ездил давно.

– Нет, платим... А в спальном вагоне я впервые в жизни еду. Родители купили билет в Москве. А по мне, так лучше в общем вагоне ехать. Девчонки, ребята... В общем вагоне веселее.

– Понимаю тебя, Митя. Давай спать. Больше докучать тебе морскими байками не буду.

Но неизвестный чужой человек посмотрел на меня с укоризной: «Старого моряка с его байками списали...»

Похоже, Митя всполошился раньше меня.

– Нет, что вы, Юрий Иванович! Не так! Неправда! – посыпались скороговорки.

– А ты, Митя, в церковь ходишь? Молитвы знаешь? – испытующе продолжил мой попутчик.

– В церковь только с бабушкой ходил в детстве. От неё «Отче наш» знаю и ещё некоторые короткие молитвы. На теплоходе, когда я был на практике, к нам батюшка приходил и молитвослов оставил.

Поздно ночью я сошёл с поезда, и он, медленно набирая скорость, стуча на стыках, помчался к морю. Почему не я, а Митя – курсант мореходки? Не я выйду на причал в Туапсе и не встречусь с экипажем погибшей «Умани»?

В толчее полусонных пассажиров ко мне обратилась девушка:

– Капитан дальнего плавания Мордвинов? Президент судоходной компании? Сергей Петрович ждёт вас в машине...

Мой неизвестный попутчик остался в вагоне с Митей.

За окном глубокая осень. Идёт дождь, водяные капли оседают на стекле, стекая вниз, и срываются встречным потоком воздуха. Голые деревья, бегущие мимо, пожухлая трава, кое-где чернеют пятна убранных огородов. Плачущее небо!

На переезде перед опущенным шлагбаумом – телега, запряжённая парой пегих лошадей. Понурый возница в брезентовом плаще с капюшоном сидит сверху на берёзовых брёвнах. Скукотища!

Митя вспоминает рассказ попутчика, представляет себе влюблённую парочку, деда, везущего гостинцы внучке в Новороссийск, смешливую Юлю... Достаёт из сумки коробочку с пастой и аккуратно начищает бляху курсантского ремня.

И вновь гремят серебряные ноты,
И вновь к нам благосклонен Южный Крест!

Спустя полчаса в курсантской форме Митя вышел из купе. «Море любит пиратов, зато очень не любит раздолбаев... С Южным Крестом. Дядя-морячок отстаёт от жизни. Южный Крест? Тоже мне величина...» – наверняка думает молоденький курсант, направляясь в вагон-ресторан, а мой попутчик остался сидеть у окна, глядя в нескончаемую, ушедшую в прошлое ночь.

5. Один день и вся жизнь...

По стеклу медленно катились мелкие, как дробь, росистые капельки. Постепенно возрастая, они превращались в зрелые капли с чистыми следами дорожек.

Целую ночь за рулём своей «Лады». Устал. Апрель начинался с обильного солнца, на улице светло и тепло, а в нежилом доме сыро и неуютно. Долго ли я стою у окна и смотрю на это непрестанное движение капель? Отдыхать некогда, надо затопить печку.

Кое-как разгорелись дровишки, и окна от тепла словно отрезвели. Проведёшь пальцем по стеклу и размашисто распишешься, а сквозь чересполосицу знаков и кренделей отчётливо увидишь сарай под толевой крышей, родной двор, рядом старую яблоню.

Сколько той яблоне годков? Может, пятьдесят, а вдруг все сто? От неё мать провожала меня в первый класс: тогда сорвалось с дерева яблоко и больно ударило по голове. Я уже готов был заплакать, но мама подула на шишку и поцеловала меня. И боль прошла. Мама, мама... её давно уже нет. И дедушки с бабушкой нет. Я сам дважды дедушка, а вот все стоят перед глазами: я – маленький, мама, бабушка, дедушка...

Комната наполнялась теплом, явился живой дух, который я любил в детстве. Но оставался запах мышиного помёта, неприятно поразивший меня вначале. Почти два года не был в селе после смерти матери. Соседи, конечно, присматривают за домом, но от мышей разве убережёшься? Немеренной зимой нежилой дом для них – желанное пристанище. Не холодно, и еда кой-какая найдётся: где-то крошки завалялись, а там, глядишь, и сухарик.

Я постарался отмахнуться от назойливых мыслей. Пожить бы в доме подольше, тогда и мыши разбегутся, котика завёл бы. Но что делать среди доживающих свой век стариков и старух? Слава Богу, что вырвался на родительский день. В кои веки впервые буду среди сельчан.

Много ли людей обычно приходит на кладбище в день поминовения родителей? Маленькое село, считай, не более сотни хат, а где только не живут сельчане: Сахалин, Казахстан, Карелия – и не исчислишь всех мест. Даже за границу немало уехало: в Польшу, Прибалтику, Германию, а старуха Нечипоручка махнула в Америку. Вот тебе на! Старую бабку Америка приняла, да, говорят, ещё и пенсию ей там назначили. Фотографию прислала из Майами: стоит загорелая, в цветастом сарафане, под синим зонтиком, и домик опрятный на берегу океана.

Утром, подбираясь по ухабинам к селу, неспроста остановился на пригорке. Невозможно было не остановиться.

Слева, рядом с селом – неописуемой красоты церквушка. Беленькая, с золочёным куполом и с золотым крестом. Крыша ярко-синяя, как будто списанная с полотен старых мастеров. Такие можно увидеть в Киеве, в Москве, но там они огромные. А здесь маленький, словно игрушечный Божий храм на фоне раскиданных за рекой сёл. Вдалеке за ними темнела лесная полоска под чистой синью безоблачного неба. Благодать Господня!

Храм вырос как в сказке. Писали мне, что строят храм, просили помочь.

Пока справлялся с мыслями да чувствами, в комнате стало темно, и я включил свет. Неяркий, падающий от лампочки на скрученном проводе, он осветил подбитый фанерой, выкрашенной белой краской, низкий потолок, у стенки старый продавленный диван, на столе телевизор из древних времён.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошёл какой-то дед.

– Ну здравствуй, Юра! Явился? В какие годы встретились! Меня-то не было в селе, когда ты на похороны приезжал.

– Здравствуйте...

Я замялся, не представляя, кто передо мной.

– Не признал, значит. Роман я. В школу вместе ходили до пятого класса, а потом меня родители не пустили больше.

Я застыл, не зная, что и сказать. Этот дед – мой однокашник? Господи Боже, что же это такое? «Себя в друзьях не узнаю...» – вспомнились слова из песни моряка.

– Юра, да не переживай ты так! Не признал и не признал. Ладно. Ты к нам надолго? Или только на родительский день? Могилки-то ещё в четверг прибрали. Твоих тоже.

– Прости, Рома. Правда, не признал. Состарился ты очень. Я подумал: неужели я тоже такой старый?

За привезённой из города бутылкой просидели мы с соседом до полуночи. С утра хотелось спать, болела голова, но я пересилил себя и первым потащился на кладбище. Хотелось без свидетелей постоять у родных могилок. Я шёл по тропинке между полем зеленевших озимых и аккуратными грядками, тянувшими гривы к хатам.

Вот так однажды с мамой шли, когда я был то ли в восьмом, то ли в девятом классе. Под вечер это было. А хотелось поиграть с ребятами в волейбол, но мама позвала срочно:

– Юра, сынок! Пойдём быстро на дальний покос. Видишь, туча с запада какая? Как бы дождь не пошёл, а у нас сено сухое почти. Спасать надо.

– Да ничего не будет твоему сену. И дождя не будет, – сказал я первое, что на ум пришло.

– Господи, как ты жить будешь? К сельскому труду не приучен. Мне не хочешь помогать. Был бы отец жив, а так всё одна, – мать заплакала, побежала по тропинке от меня.

Я нехотя плёлся за ней, превозмогая настроение, насмешки Вити Заболотного и пацанов, собравшихся у клуба.

Сколько раз потом вспоминал этот случай и как себя корил! И в море уходя, вспоминал. Как я виноват перед матерью! Гроза в ночь была страшная: свет выключили, сидели в темноте: мама, бабка, дедушка и я... Страшно было, потому что небо, кажется, взрывалось прямо над хатой с ужасающим грохотом, а отсветы молний внезапно влетали в окна... Бабка молилась: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный. Спаси и помилуй нас...» И я, забившись в дальний угол, тоже шептал вслед за бабкой слова молитвы.

В тот вечер в соседнем селе мужика молнией убило прямо за столом. Залетел огненный шарик в окно, покружился по комнате, потом – хлоп, взорвался. Кинулись, а мужик-то уже мёртвый лежит на полу, лицо чёрное-пречёрное.

Сколько раз я потом в мыслях просил прощения у матери?!

Всё ближе и ближе церковь. Воздушная и настоящая. С Божьей помощью построили. И его, Мордвинова, вклад в святое дело имеется. Кто на родине, в России, кто в Америке – все старались.

Я обошёл церквушку вокруг. Под куполом – «бочка», постамент, опорный круг, несущий сам купол с крестом, как родство людей, верных отчизне.

Внимательно посмотрел на окна, в стёклах кресты отражаются. Представил, как через проёмы солнечный свет падает вовнутрь и ликует иконостас... Дверь – с резными крестами, огромная, двухстворчатая, дубовая. На замке.

«И правильно, что староста закрывает на замок, – подумал, – иконы оберегает от безбожников». Там да-

рованная мной икона святого Николая-угодника, покровителя моряков, должна быть навсегда, пока живо село. Подошёл к могилкам: вот дедушка Фёдор, добрейшей души человек был. Никогда не видел, чтоб дедушка молился, хотя жил праведно.

Бабушка Марта. Шумливая была, поругивала под горячую руку, но и отходчивая. А жалостливая какая!.. Ни одного нищего без подаяния, бывало, не отпустит.

А вот мамин памятник – скромный, на фотографии как живая: взгляд светлый и внимательный, с какой стороны ни зайди, а мама смотрит на тебя... Здесь же дядя по отцовской линии – Захарий. Грешно жил, погулять любил, и ещё как! А помнят люди его, был безотказный на людское горе, всем помогал.

Беспрерывно, не смолкая, ликовали птицы.

Над лесом встало солнце, огромное и чистое. В детстве не обращал внимания на дарованную красоту. Солнце как солнце, чего им любоваться?

Беспечное детство! Особого достатка не было, но меня все баловали, и от тяжёлых работ бабушка старалась оберегать. Жалела: рос без отца, сгинувшего на войне. Только фотографии остались да рассказы о нём. И могилки отца нет, как у моряков, чей корабль поглотила пучина. Не привелось встретиться в земной жизни с отцом, в другом мире повстречаемся ли? Люди войны и люди моря.

Война в женском обличье, море – в мужском. Война – открытая и жестокая в своей кровавой ненасытности. Море – простор и радость, и в то же время пучина непокорённая, непредсказуемая, таящая в себе опасность даже в периоды затишья.

Цвели вишнёвые сады, словно взбитая пена прибоя, разбавленная сукровицей судеб.

На кладбище собирался народ: знакомые и совсем неузнаваемые лица. Некоторые из них подходили и здоровались со мной: то ли переселенцы, то ли молодёжь выросла?

Ровно в девять утра батюшка Богдан начал службу. Я молился вместе со всеми и вспоминал, вспоминал... Казалось, вся жизнь отстоялась и запеклась в молитве.

Батюшка поминал имена усопших, а мне представлялись они живыми. Не всех удалось распознать за именами, но лица будто вставали передо мной из тёмного небытия. Были те, кто запомнился в летах преклонных. Сколько было бабушке Юлии, дедушкиной младшей сестричке, когда я из села уезжал? Не более шестидесяти. И моё время уже к шестидесяти подбирается. Кто меня помянет из стоящих здесь? Немногие, потому что родился и вырос тут, среди них, а большая жизнь, скажут, протекла для чужих людей, не сроднённых со здешней землёй... У них Храм общий – путь к небу. В селе глубокая память об ушедших, более глубокая. Нет, жить нужно там, где ты родился, а не где пригодился. Но кто тогда выйдет в море или пойдет на войну?

Окончилась поминальная служба, я стоял у кладбищенских ворот, разговаривая с проходящими мужиками. Никто ни на что не жаловался. Сельчане принимали жизнь такой, как есть. А приезжие всем своим видом показывали, что где-то там их жизнь удалась больше. Там, в Подмосковье, чей-то сынок выбился в люди, в профессора университета. А что здесь? Корни да родимые вишни, недолго цветущие весной.

Приехала Софья, тёща Вити Заболотного, не дождавшегося меня у клуба перед ужасной грозой. Приехала она из Германии. Немцы рады заглаживать вину перед евреями за бесчинства, совершённые фашистами. Вот и приняли Софью Гильденштейн, советскую пенсионерку, назначили ей достойное пособие. Отдельную квартиру дали да всякие послабления, в том числе превосходное медобслуживание. А за отца моего родного,

чьи кости не то в Украине, не то в России истлели, никто слова не замолвил.

Дед Сидор послушал Софью и завёлся:

– А пропади они пропадом со своими благами! Я из своего села никуда не поехал бы! Здесь на кладбище все мои предки лежат! Моя хата здесь... Лес, где каждая тропинка – моя... Речка, где люблю рыбку половить...

– Вот даёт дед! Кровь на фронте проливал... А потом всю жизнь в нищете прожил... Будто двужильный работал... И что? Как уходил на войну из отцовой деревянной хатки, так до сих пор в ней и живёт. А прошлой зимой концы чуть не отдал. Простыл, лежал в бреду, и никого рядом. Хорошо, почтальонша с пенсией зашла, а так бы и помер без догляду! – горячился Иван, приехавший с Урала.

И разгорелся нешуточный спор: как мы живём, как они живут – там, за кордоном.

– Шестьдесят пять лет прошло со дня войны, а мы до сих пор решаем, чтоб каждому фронтовику дать по квартире. А эмигрантка Софья в Германии всё имеет, без суеты и деклараций со стороны немецкого правительства. Есть правильный закон, и он работает. А у нас законы кривые, плохо работают, а чиновник всегда прав.

– У нас всё заболтают.

Пошёл вековечный на Руси разговор о добром царе и плохом пане. Не для меня разговор и не мой он, а тех сельчан, кто только наслышан о море, о войне, как стихиях, данных сверхчеловеку, чтоб испытал на прочность связь человека со Всевышним. Не дослушав земляков, я подался к хате.

Долго перебирал старые фотографии, всматриваясь в родные лица: вот мама, почти девчонка, совсем нестарые дедушка с бабушкой, а вот я – лет двенадцати, но уже серьёзный и важный, в пальто и в шапке.

Всплыли в памяти школьные друзья, лица которых с умилением рассматривал на пожелтевших снимках. И только сейчас я понял, что ничего ближе и роднее в жизни у меня не было и нет, чем вот это маленькое украинское сельцо с хранящейся в нём моей памятью о предках в старой, пахнущей мышами хатёнке...

Теперь я далеко не молод, и не в море, а в родном гнезде, где нет ни моря, ни войны. Один Всевышний. Я чувствовал: не дух куколки, подаренной Юлией, и не талисман Эйко – глиняной японки в кимоно – витают над моей душой, а вишнёво-яблоневый сад под лесом у озерца. Это он прославлял село моего детства на всю округу. Со временем без хозяйского ухода он постарел, запаршивел, и свели его под корень. А если восстановить красоту?

Эта простая и дорогая мне мысль внезапно ворвалась в сердце и уже не покидала меня, рисуя в воображении белопенный прилив цветущей вишни вокруг и святой храм с иконой Николая-угодника, покровителя людей моря и всех странствующих вдалеке.

ХРОНИКА «МЕРТВОГО» ДЕЛА

1. Восхождение Кликуна

Откос был каменистый, отменной крутизны, падавшей вниз к гаражам. По краю поросшего кустарником откоса тянулась тропинка, протоптанная пешеходами, не желающими идти окружной дорогой к стоящим на сопке домам.

Хозяин судоходной компании «Восход Сахалина» Давид Бахтияров, тучный, с мешками под глазами, оторвался от бумаг, заполонивших стол, и с любопытством посмотрел на странную пару: женщина, словно кубышка, неловкая, и подросток-тростинка. «Дуры, куда карабкаетесь?! Свалитесь», – хотел негодующе крикнуть. Разве послушают? Прутся и прутся наверх, на сопку, хотя срез-то – всего ничего...

Поступки людей частенько похожи на тараканьи бега – ни логики, ни смысла. Взять Иванчика! Сколько сил и времени он вбухал в него?! А толку – ноль! Более того, зубы стал показывать, неблагодарный. Он, видите ли, президент компании! Без нас, Бахтияровых, ты – всего лишь президентишка! Все бумаги за тебя делаем, все решения готовим, схемы-концепции находим на рынке, чтоб денег заработать на троих, а ты только делаешь вид, что командуешь... Актёр тараканий! Пора менять Иванчика! Да и от акционеров иных пора освобождаться.

Давид для Бахтияровых стар, но даже ему ещё неведомо, что скоро-скоро всё кончится, разбегутся по углам детки-племяннички, сотрясётся земля и в оползень обратится горбатый откос под фирмой.

Бахтияровы давно присмотрели под себя Валеру Кликуна. Мужик хитромудрый, вызубрил закон о бриллиантах республики назубок. Проверяли его не единожды в деле, вывернут наизнанку, а он найдёт способ выкрутиться. Жаль, закусил удила, начал подминать бизнес во имя своё. Ни перед каким карающим мечом не остановится, переступит и через Бахтияровых. Но и они не лыком шиты, напрягутся, удерживая Кликуна на коротком поводке, – то отпустят на волю, то подтянут поближе, видя в нём не скакуна, а рыбёшку, попавшую на крючок. Теперь у каждого своя республика – дома, в чулане. И Стасик, внучок любимый, тем же миром мазан: занял круговую оборону. Морскому делу учился, с финансами в банке крутился. И выжидать умеет по-охотничьи. Надо, чтоб Стасик и Валера закорешились, тогда наверняка получится не отстрел, а устойчивый учёт и контроль над ними; Валера, как и Стасик, рыбалку любит. На этой прихоти и сойдутся, два сапога, если Кликун выдержит испытания на весах разума.

В кабинет вошёл Рома:

– Папа, у меня Валера. Можно идти к тебе?

– Давай подождём. Пусть люди из офиса уйдут. Да и Стасика надо дождаться: он в банк уехал. Секретаршу отпусти. А Иванчик не вернулся из Южно-Сахалинска?

– Он позвонил. Сказал, на даче будет.

– В дождь? На даче? Подозрительно. А вдруг нагрянет? Может, что почуял?

– Да нет, к нему Масолов поехал. Они в баню собрались.

– Это хорошо, что ты Васю к Иванчику приставил... Но как бы не переманил он Васю?

– Не волнуйся, папа. Его компания хорошие деньги с пароходства имеет... А кто ему помог? Мы, Бахтияровы.

– Но договор-то Иванчик подписал.

– Не надо, папа. Я его на деньги «посадил». Вася всё понимает: и кто правит, и кто подписывает. Иванчик – его наушник, а Вася перекачивает его мысли мне. Куда Вася денется?!.. Кроме того, у нас контрольный пакет акций в его компании. Всё будет на мази. Пойду Валеру приготовлю, через полчаса у тебя будем.

– Приготовить... Как лещика, – пробурчал вслед сыну Давид.

Ближе к вечеру большинство офисных людей рассосалось. В кабинет к Давиду вошли трое: сын Рома, внук Стасик и юрист Валера.

Валера с улыбочкой, подобострастно пожал руку босса:

– Моё почтение, Давид Иванович!

– Здравствуйте, Валерий Александрович! Присаживайтесь за круглый стол. Рома, закрой дверь на ключ. Стасик, жалюзи опусти.

Сын и внук послушно выполняли указания. Расселись: Стасик – рядом с Валерой, а Рома, подождав, пока Бахтияров-старший займёт место напротив Валеры, пристроился рядом с отцом.

Давид достал радиоприёмник, включил и поставил на стол. Заиграла музычка, какая-то уж очень развесёлая. «Тоже мне! Знак подал! “Семь сорок” из одесского “Лебединого озера”, – подумал Кликун. – С вокзала – навсегда, с глаз долой – из сердца вон. Ой, не к добру эта конспирация...» Вслух – ничего, никоим образом. С собачьим прилежанием смотрел в глаза Бахтиярова-старшего.

– Папа, покрути приёмник! Что-то музыка больно нервирует – один рефлекс.

– Для нашего дела сгодится. А сделаем дело, годика через два, может, вообще китайскую музыку придётся включить, которая никого не колышет. Хотя если будете меня слушаться, то через два года мы, сидящие здесь, будем сами заказывать музыку, какую захотим, а Иванчик с его московскими дружками будет плясать под неё. А, Валерий Александрович, как думаете?

– Да я, Давид Иванович, сам готов сплясать, преклоняясь перед вашей мудростью и опытом.

Ого-го! Бахтияров посмотрел на Кликуна оценивающе, улыбнулся и приступил к делу:

– Валерий Александрович, хочу тебе сделать хорошее предложение. Не возражаешь, если я на «ты» буду к тебе обращаться?

– Конечно. То есть нет, не возражаю, – размазал пожиже на всякий случай Кликун.

– Вот и ладно. Не будем ходить вокруг да около. Валера, сам Бог послал тебе нас, Бахтияровых. Без нас ты кто? Обычный юрист. Ни власти, ни денег. Мы предлагаем тебе должность президента компании. Вместо Иванчика. По весне на общем собрании акционеров тебя изберём. Согласен?

– А-а-а...

Давид, не слушая будущего президента, продолжал:

– И с нами ты сам станешь почти боженькой для многих в нашей компании, или фирме, как теперь принято говорить. Конечно, если будешь слушать нас. Ты – президент, Саша Кизюкин – твой зам, а мы, Бахтияровы, – твои партнёры: я, Рома и Стасик. Мы будем в тени, но рядом, всегда рядом. Ну как, Валера? Входишь в нашу команду? Нас пятеро, как пять пальцев... Понимаешь? А ты – один, как пёс приблудный... Ничего? Не обижаешься? Я же по-отцовски.

Мужичок из вятских, средних лет, крупноват в габаритах, но ускользающий, как ртуть или угорь из рук, Кликун сидел одеревенело. Невероятно! Не кому-то, а ему предлагается должность президента судоходной компании взамен всесильного Иванчика!

Кликун впился глазами в Давида. Может ли такое быть? И насколько сильны Бахтияровы? Есть ведь ещё и другие акционеры, сторонники Иванчика? А если это провокация? Или какая-то хитроумная игра Бахтияровых в борьбе за власть в компании?

Кликун перевёл один глаз на Рому, другим, сощурясь, улыбался. «Что за душой у него? Никак не поймёшь». А Стасик вообще примолк, будто не слышит, не видит. Дед, сын и внук... Управделами, главный финансист и директор по развитию – весь набор ключевых постов контролирует семья Бахтияровых. Всё схватили в компании, всех опутали. Самого Иванчика облизали, приручили, использовали, а теперь, выходит, пинком под зад. Видимо, и его, Кликуна, берут на время. Его не попроще ли, чем Иванчика, высадить голой задницей на лёд?

Но перед глазами встали пароходы-теплоходы... Пароходство! И он решился:

– А что тут думать, Давид Иванович? Иванчик меня гнобил, а вы поддержали. Для меня честь работать в вашей команде. Благодарю за столь лестное предложение.

– Ты – мужик грамотный и умный, – продолжал Бахтияров, – и характер у тебя есть... Иванчику не поддался. Устоял. Давно за тобой наблюдаю. А вот как насчёт верности команде? Не подведёшь? Не сдашь в случае чего? Не перекинешься? На грани фола будем работать. Ответственность придётся на себя брать, самому изворачиваться. Но и вознаграждение по труду: зарплата по чину, премиальные, представительские. И партнёрскую часть в бизнесе получишь. Не обидим.

– Не подведу, Давид Иванович!

– Валера, а как насчёт прошлого? Ты ведь в налоговой работал. Спецслужба, считай. Я помню, как ты обмолвился недавно, что, пока сидел со мной рядом, все бумаги у меня на столе глазами обшарил, прочитал и запомнил. Для чего ты мне это говорил, Валера? У спецслужб не бывает бывших. А вдруг ты засланный казачок, Валера? Извини, но лучше всё сразу обсудить. И ты нам задавай вопросы.

– Не беспокойтесь, Давид Иванович! Я правду сказал насчёт бумаг на столе. Учили нас этому. Но налоговая инспекция давно в прошлом, упразднили. Поэтому уехал я к вам из Вятки. Мы – вятские, парни хватские... Вы же понимаете, стать президентом компании без вашей команды нереально для меня. Ценю вас, учусь у вас.

– А что? Мечтал, выходит, о кресле президента? – в унылых глазах Давида Ивановича забегали живчики.

Ещё долго держали толковище Бахтияровы и Кликун. Разошлись за полночь. «Неплохая карта легла, – думал Давид. – На столе акционеров всё в ажуре».

Поехали домой необдуманно: все скопом в одной машине, а Кликун стал подниматься вверх по тропинке над обрывом, к желтоглазым домам компании. Задумавшись, он споткнулся в темноте и чуть не полетел вниз. Еле успел ухватиться рукой за куст. Сердце бешено заколотилось: «Ух-х-х... Так и разбиться мог. Плохой знак! Как бы не вляпаться в дерьмо с этими Бахтияровыми! Почему бы Роме не стать президентом? Хочет всё иметь и чтоб ему ничего за это не было?..» – озадачился вдруг ни с того ни с сего. Долго стоял на сопке, всматриваясь в чернеющее внизу море, в огни порта, где пятился кормой, заходя в бухту, паром. Казалось, слышен шум двигателей, удары мощных лопастей о воду, а гудок морского красавца с подсвеченной на трубе маркой в виде трёх волн прозвучал для него как призыв к новой жизни. Жизни вожделенной и пока ещё непонятной.

«Кто не рискует, тот не пьёт шампанского», – вспомнил одесскую поговорку. И опять нахлынули мысли, радужные и обнадёживающие, как вспененная вода за кормой парома.

«Надо заказывать новую форму, да с нашивками президента судоходной компании, чтоб, когда назначат, тут же переодеться», – подсказывал тихонько, уважительно внутренний голос.

«И фуражку с кокардой, фуражку не забудь заказать!» – прокричал издалека, из ночного моря, тот же внутренний голос, словно на прощанье.

И пошли, и поехали эти голоса давать советы ему и даже приказывать. Почти до утра ходил Кликун вокруг дома, разговаривая сам с собой, временами мурлыча, как кот по весне, позабытые припевки юности.

Уплыли или укатили под лавку ещё несколько месяцев, которые Кликуну показались годами. Если б была машина времени, то вырезал бы эти часы, дни и месяцы в ожидании собрания акционеров. Не задумываясь, вырезал бы всё ненужное и для него тревожное, хотя, глядя правде в худющее лицо, надо согласиться: выпала немалая удача, и вопрос, уйдёт Иванчик без борьбы или не уйдёт, подвешенный пока, совсем маловажен. А он, безрадостный, мучается: изберут – не изберут его президентом?..

Но всё случилось по плану клана Бахтияровых: вчера – менеджер левой руки, сегодня – рулевой крупнейшей судоходной компании «Восход Сахалина»! Всем – от винта! Тьфу на всех, кто говорит, что не учён судоходному бизнесу, что в морских делах – профан. От винта – и всё! Он готов служить Бахтияровым. И что с того, что Бахтияровы-де без контрольного пакета акций сумели перехитрить московских акционеров и подсунули им своего человечка?

В узком кругу главный бухгалтер пароходства Клавдия Ростова не выдержала и разоткровенничалась:

– Вы что? Смеётесь? Да разве можно этому Пузырю власть давать? Спустит всё. У него в каждом глазу по тысяче баксов плачут: с кого взять, кому отдаться...

– А помните, как в прошлом году на природу выезжали? Он так перебрал, что потерялся. Заполз в кусты и уснул там. Все уехали, а он в кустах проспал до утра, – посмеялась Люба, её приятельница.

– А то вывалился из ресторана в подпитии и взялся качать права перед патрульным. Так в милиции до утра продержали, в обезьяннике, пока Иванчик не выручил.

– Выручил себе на голову. Иванчика турнули. Ох, чует моё сердце, девки, грядут перемены. Посчитается с нами Пузырь. Чистки начнутся. Злопамятный он.

Посудачили в бухгалтерии и как в воду глядели. Недолго пташечка пела... Кликун положил голову главбуха под гильотину. Конечно же, над красивой и умной головкой Клавдии Ростовой надругался он не с бухты-барахты: зачем ему опытный и несговорчивый главбух? Она всё видит, всё контролирует, с ней каши не сваришь.

Роме Бахтиярову доложили о разговоре в бухгалтерии, и он устроил так, чтобы Кликун узнал об уничижительной для него репутации в городе. Не ахти какая важная персона, но всё же посидел в знаменитом обезьяннике с пьянью и рванью.

Рома сразу оценил обстановку, когда в кабинете главного финансиста, переминаясь с ноги на ногу, возник Кликун:

– Что, Валера? Новые идеи появились?

– Есть маленько! Мы тут покумекали с Сашей Кизюкиным...

– И что? Что вы накумекали?

– Можем ли мы менять некоторых руководителей подразделений? Или есть неприкасаемые? Клавдию Ростову надо бы убрать. Помеха в большом проекте.

Рома понимающе посмотрел:

– Тебе виднее, Валера. Надо менять – меняй, но без скандалов. Ищи компромат, поройся в делах. Создай комиссию по какому-нибудь поводу. Подключи Жито-

мирского, он мужик смышлёный, когда-то в бухгалтерии парился. Но не доверяй ему. Сам знаешь: держим его в компании только потому, что много знает... Платим за то, что молчит. Никому не доверяй.

– Спасибо, Роман Давидович! – заулыбался Кликун. – Организую. А будет артачиться – в тюрьму пойдёт. Я же вятский, сами знаете, кое-чему научился в налоговой.

– С тюрьмой не спеши, Валера. Это на крайний случай. Советуйся с Кизюкиным. У него обострённое чувство осторожности, да и хитрый он – корейские корни, а не хухры-мухры. Саша – природный коммерсант.

– Да, кстати, Роман Давидович. У Саши хорошая башка, накидал проект персональных компаний, наших, в Южно-Сахалинске. Одна – ваша, одна – моя и его, Саши, – третья. Вместе они образуют холдинг с равными долями. Холдинг создаст транспортно-экспедиторскую контору во Владивостоке. Нужны нам сервисные услуги? Нужны! Пароходство без них задыхается. Да и название конторе придумали: «Санрайс Макику». Санрайс – от имени нашего владивостокского партнёра, а «Макику», наверно, догадались? Моя идея. Через неё миллионы можно снимать и – шито-крыто. Через расходы будем регулировать прибыль судоходной компании, как надо нам. А то кормим государство налогами бесплатно.

– Соображаете, ребятки! Что-то вроде «Интеркаргосервис» Васи Масолова, где Эдик наш в замах ходит. Но система прикрытия нашего участия в твоей идее более умная. И название одобряю: «Макику» – три звука, как три звонких выстрела! Молодец! Согласен. Вот что, работайте втроём: ты, Саша и Стасик. Вы – молодые, а молодым дорога сам знаешь куда, – заулыбался Рома одобряюще. К его розоватым, как у рекламного зазывалы, щёчкам прилила от удовольствия кровь.

По-мирному ущучить Клавдию Ростову не удалось. Пошли прокуроры, адвокаты и чёрт знает что, и выкрутила бы руки Клава всей компании, если бы бухгалтерию не сократили, передав её функции коммерческой структуре «Финансовая справедливость». Такая справедливость попала в объятья Заиры Карловны, старой пассии Романа Бахтиярова, для него, разумеется, просто Иры. Где нужно обвесить, вокруг пальца обвести, создать неприятности – там Заира. Злой и добрый гений семьи. Злой – поскольку Лолите, жене Романа, надо делить мужа с ней, а добрый – потому что палочка-выручалочка: спасает и деньги приносит.

С подсказки Заиры восстановили на час в прежнем звании Клавдию Ростову, посадили в отдалённую комнату, где один стол, один стул и компьютер отключён от сервера. Не выдержав пресса усушек и утрусок, Клавдия сошла с дистанции.

Для Валерия Кликуна взошла настоящая заря. Приподнял он себя за волосы на небосклоне бизнеса, стал равным среди равных, первым среди первых. Приоделся, приосанился. Завёл полезные знакомства и даже забываться стал.

Однажды вызвали к высокому федеральному начальнику и поручили выполнить очень важный заказ для частной фирмы по перевозке спецгрузов. Что за грузы? Кликуну, наверно, сказали, но больше никому. Может, компьютеры к арабам перевезти? А может, металлолом для выплавки ценных металлов? Или ещё что-то, о чём не принято распространяться? Факт тот, что Кликун от Бахтияровых скрыл детали сделки. А детали были не простые, откаты были золотые. Откуда известно? Ниоткуда. Доказательства – для Клавдии Ростовой, а на Бахтияровых работает опыт.

Давид сказал на совещании семьи:

– Ничего страшного. Молодой ещё. Жадный. Позарился на лёгкие деньги. Но проучить надо.

– Алексею сказать. Тот сделает, – вмешался Стасик, имея в виду старого порученца Бахтияровых, мента Алексея Мюллера, из бывших сахалинских зэков.

– Цыц! – рассердился дед. – Не твоего ума дело. И не то я имел в виду. Всё. Забудем разговор.

Потянулось резиновое время. Однажды в темноте зимнего вечера Кликун возвращался домой. И на него напали в подъезде. Лампочка была выкручена, лиц нападавших он не распознал. Поколоченный грамотно и со вкусом, недельку провалялся с синяками и растёкшимися мешками под глазами, недельку – без больничного! Всё равно что прогул. Жена, согласная с инструкцией здравотдела, разъясняла знакомым, мол, оступился, на лестнице упал. Хо-хо! На самом деле померещилась лукавая Заира, фурия с жалом! Змея с мечом в руке – крылатая покровительница рода Бахтияровых.

Опять дожили до вечера – удивительного для Сахалина: не пуржит, небо не затянуто тучами, светлое, усеяно разноцветными блёстками звёзд, яркими и мерцающими, словно заведённые. Кликун предавался сентиментальным воспоминаниям: счастливое время было. Было, да сплыло. Старший налоговый полицейский в Вятке! Деньги сами текли в руки, только не зарывайся. Почёт и уважение!

Эх, зря сократили службу! Конечно, доходы доходам рознь, у начальства большие, но и ему хватало, причём без синяков под глазами. Зато рядом с цивилизацией, в Москву незаметно ездил. А тут куда денешься? Шагу не ступишь – везде догляд Бахтияровых. И небо хоть и звёздное, но холодное и чужое, не его, не вятское.

Кто-то запустил ракету, и она на мгновенье повисла над тёмным морем, озарив ночь зелёным светом.

Вот так и он. Кликун, взлетел на вершину бизнеса, а надолго ли? Ведь могли убить. Значит, предупреждали. А что будет завтра, через год, два? Утопят в море, прицепив железяку к ногам? Нет, надо терпеть и играть на поле Бахтияровых. Терпеть и ждать своего часа. Не может быть, чтоб семья не напоролась на айсберг из ошибок. Эдик – слабое место в клане, на отшибе, как медведь... Деньжищи гребёт и слева, и справа. На паромах возят бесконтрольно автомашины и контейнеры с рыбой. С Ромой, конечно, в доле! А если кое-кому шепнуть насчёт наличности... А-а-а? Наш ответ Чемберлену!.. Только – тихо, только – аккуратно. Наши, вятские-то, с местными снюхались...

Оклемавшись, Кликун в контору не пошёл, предупредив Романа о встрече с Бахтияровыми попозже вечером.

Встретились в кабинете, как и год назад. Ничего не изменилось с памятного разговора, когда Бахтияровы сами короновали его в президенты. Стол Давида по-прежнему под грудой бумаг, можно подумать, что их не ворошили с того разговора по душам.

Кликун с почтением поприветствовал собравшихся.

– Валера, что с твоим лицом? – участливо всплеснул руками Давид. – Случилось что?

– Ничего особенного. В подъезде кто-то лампочки выкрутил. Хулиганьё, нищета... Я оступился, ударился о перила, как черепаха.

– Валера, разве можно так? Не горят лампочки, зачем в подъезд заходишь? Надо было охрану вызвать либо с водителем заходить.

– Впредь учту. Не подумал.

– Вот то-то. А в подъездах надо установить видеонаблюдение. За счёт компании. Не обеднеет она – твоя, моя, наша. Безопасность – прежде всего. У всех пятерых должно быть в подъездах видеонаблюдение. И каждого пусть охрана сопровождает до квартиры. Ясно?

Расселись за столом не по рангу и чину, а как раньше, год назад. Кликун вытащил из портфеля бумаженцию и показал Бахтияровым:

– Хотел преподнести вам сюрприз. Мы вместе заработали двести тысяч баксов за минусом небольших вычетов на расходы по организации сделки. Деньги находятся на заграничном кодовом счёте и готовы к делёжке.

– Да-а-а... – потянулся Стасик. – Ещё один сюрприз.

Роман воспринял нежданную новость безмолвно, а Давид Иванович попросил больше сюрпризов не делать, а то мало ли чего. Землетрясение или оползень вместе с офисом изведёт всех с острова. За две минуты. Всех!

Неформальные подчинённые разошлись. На волне спонтанной строгости Давид задумался, что значит в этом мире явление на небосклоне российского морского бизнеса рядового юриста из сухопутного города Вятки. Сколько таких «кликунов» появлялось и исчезало, а мир продолжал жить и изменяться никому не ведомым образом? Ведь каждую секунду, каждый час что-то происходит: где-то рождаются новые звёзды, а старые, мерцающие ещё с тех времён, когда Земля была совсем юной, гаснут. И не дано человеку понять ни земных, ни небесных светил, поскольку его жизнь бесконечно мала и даже ничтожна. А где-то в это время вспыхнет ярко, в полнеба, ворвавшийся в околоземное пространство метеорит... «Баксами поразил меня! Туалетный работник!»

Ещё долго светилось окно в кабинете Давида Ивановича, колдующего над бумагами.

2. Сара и парашютисты

Есть люди, очень быстро и порой незаметно для самих себя расстающиеся с деньгами. Легко живут: появились деньги – тратят, а ушли – не горюют.

Эдик Бахтияров – не из таких «отвязанных». Копеечка – к копеечке, рубль – к рублю, и вот вам счёт! Нет, теперь он не плавает на мелководье, теперь он ходит не по морю, а под генеральным директором компании, в замах по «Интеркаргоусервис». Он, Эдик, понял потайной смысл летучих слов – «хлебное место», славящее само себя, особенно в путину, когда вывозятся с острова на материк горбуша, икра, крабы и всякая снедь из морских деликатесов. Тогда всем нужен Эдик: клиенты в очереди за его порожним контейнером, кто за чем – не упомнишь, но все просят подсобить, чтоб их груз ушёл поскорее. Паромная переправа – золотое дно тогда. Счёт в банке, как вода от винта, пузырится не какими-то нанайскими сотнями тугриков, а десятками и сотнями тысяч баксов. А ещё у него штук десять пятилитровых банок из-под огурцов в чулане, завинченных намертво крышками, набитых доверху банкнотами, малыми и большими. Включишь свет и видишь родимые денежки через стекло, даже на глазок поймёшь, сколько их там. Полная, умятая, утрамбованная банка тянет на миллиончика, скажем, полтора, свой глаз – ватерпас.

Он стоял перед ямой в полу, распираемый счастьем. Откуда ни возьмись метнулась в уголок тень.

«Неужели крыса?! – всполошился Эдик. – Противная тварь своими зубами жестяную крышку прогрызёт. И прощай тогда нажитое». Эдик потратил не одну минуту, чтоб изловить негодницу и спустить её в унитаз живьём. «Пусть жалуются “печальники дикой природы”», – ухмыльнулся. Потом тряпочкой любовно протёр каждую банку, снимая остатки паутины, а после легонько отвинтил крышку. Чистые, не смятые грязными ручищами купюры покоились одна к одной. Запах свежей краски ласкал обоняние. Красота!

Аккуратно разместил весь бакшиш одного дня, поднятый до половины «лимона». «Надо бы для Сары оставить тысчонок десять, – подумал. – Давеча жало-

валась на нехватку денег в хозяйстве. Но тогда в хранилище некомплект будет, – он отказался потрафлять прихотям. – Сара перебьётся как-нибудь, а я недельку на диете пересижу, а там ещё откат ожидается. Жаль, обязан с Ромой делиться».

И он с любовью прикрыл свой стеклянный Сбербанк.

Воскресенье на то и воскресенье, чтоб просыпаться позднее. Выглянул в окно. Чёрные, огромные тучи покрыли всё небо. И ни ветерка. Сырой апрельский воздух вздут взвесями дыма и влаги. «А куда ему деваться, дыму-то? – думал Эдик. – Город в низине, в чаше гор. А тут ещё котельные дымят, печки в частном секторе, сколь помню, в дыму».

Не дожидаясь, когда жена Сара придёт с рынка, Эдик наскоро позавтракал. Ему не терпелось заглянуть в чулан, где стояли его любимые банки с купюрами. Ещё с вечера обязал себя запечатать десятую. Как раз встречался с московскими фирмачами, отправлявшими из Сахалина «крупняк». Шутка ли? Пять контейнеров икры, той самой мухры от горбуши! Это организация серьёзная! Полмиллиона отвалили ему наличными, причём сверх тарифа. Тарифы известны всем и каждому, но можно же и скидку клиенту устроить, коли сам напрашивается. А кроме того, есть его, Эдика, личные услуги, которые ценимы клиентами – теми, кто знает силу его сверхрезервных возможностей. Их цена – ого-го – от трети до половины тарифа. Зато груз не застаивается до душка с тухлятинкой. Папка-то с двойным дном: в компании за штурвалом дядя Давид и Рома, двоюродный братишка. Рома да не решит проблему, не упакует? Такого не может быть!

Скажешь: задержать отгрузку контейнеров тех, кто с конкурентами обнимается, – и Рома исполнит, как добрый молодец из сказки. Под мудрым руководством Давида всё в своих руках держит, и не только всё, но и всех и вся, при этом недотёпе Кликуне, как английская королева, гордо восседающем на президентском троне. А Рома пашет. И дядя Давид пашет. И племянник Стасик...

От мыслей о племяннике у Эдика посветлело веснушчатое лицо, глаза, давно выгоревшие, засветились, он заулыбался: «Стасик... как он поразительно похож на меня! На Рому, ясное дело, не похож, на мать свою Лолиту не похож, на деда не похож...»

Вот чудеса-то! Он, Эдик, пошёл лицом и статью в мать, во втором поколении еврейку. Отец его, Станислав Иванович, был наполовину еврей, наполовину – украинец. Мать уродилась вся в своего отца, чистого еврея. Эдик спохватился и отбросил навязчивые мысли о своей родословной по еврейской линии... Тут такая путаница, что впору помешаться. Впрочем, особой путаницы и нет, Лолита, жена Ромки, всегда ему нравилась. Но она ведь украинка... Одно дело – встречаться по молодости, а другое дело – жениться.

Женился он на чистокровной Саре, дабы прекратить хитросплетения рода и наций в своей семье. А Рома, видите ли, стесняется быть евреем и всячески открещивается от своих родимых корней. Деляга!

«Что это я? Опять двадцать пять...» – разозлился на себя Эдик. При жёлтом свете Эдисона перед глазами вертелось виденье: купюры в родимых банках будто оживают и медленно шевелятся, распускаясь, как завязи майских огоньков, взращённых для венчания победителя на склонах сахалинских сопок.

В коридоре послышался шум, шуршанье бумажных кульков. Эдик распахнул дверь.

– Сарочка, вкусненького принесла? Как сегодня рынок? – целуя жену в щёчку и подхватывая сумку, принялся любезничать.

– Всё купила, Эдик. Только печени гусиной, твоей любимой, не было. Но ничего. Я договорилась с Варва-

рой из Троицкого – она забьёт гусака завтра. И будет тебе, Эдичка, печёнка. Потерпишь два дня?

– Что ты, Сара! Что ты! Не волнуйся только. Конечно, подождём. Скидочку у Варвары попросила?

– Да, она нам ещё в подарок гусиного мясца пообещала. Я и не стала про скидку говорить.

Супруги принялись дружно разбирать покупки, поглядывая с надеждой в окно. Тучи с неба разбегались. Сахалинская погода ранней весной, как девушка, переменчива: то ветрено, то затишье, небо чистое – и вдруг тучами покроется в мгновенье ока.

Из окна кухни были видны отдалённые вершины сопок, пока ещё покрытые снегом. Эти белые шапки привлекали взгляд своей свежестью на фоне угрюмых, тёмных деревьев. Ничего, ещё две-три недели – и сопки покроются яркой зеленью, появится черемша.

От воспоминаний о зелёных, сочных побегах сахалинского дикого чеснока с его неповторимо острым запахом Эдик сглотнул слюну. Для него начинается весна с этого острого и не сравнимого ни с чем запаха: кому-то воняет, а ему вкуснотища! Его украинские гены в еде берут верх над еврейскими. К салу его тянет, как кота к сметане. Настоящее сало, слегка розоватое, с мягкой шкуркой и со вкусом дымка от соломы, да с черемшой и чёрным тминным хлебом, да под холодную водочку из холодильника – со слезой!.. Какая кошерная еда может сравниться?

Зазвонил телефон и прервал размышления о пользе сала и об унылостях мацы. Вернулся на кухню к Саре с сияющим лицом:

– Сара, наш Давид Иванович звонил. Ну голова! Теперь сами рыбным бизнесом займёмся.

– Я всегда говорила, что у Давида больше еврейской крови, чем украинской. И как же оно будет? Мы-то с этого что будем иметь?

«Не уши от мёртвого осла – это точно», – хотел ответить, но в своих мечтах Эдик уже был далеко и высоко: дух захватывало от восторга. Дядя Давид дело знает: «Восход Сахалина» купит всё для себя и за свои деньги, а потом это всё перейдёт к нам, Бахтияровым, за бесценок. Конечно, главный куш достанется Давиду, Ромке, Стасику, но ему, Эдику, тоже перепадёт немало. А ещё он на перевозке рыбной продукции заработает. Ай да Давид! Ай да хитрец! Вот-вот подчинит себе «Восход Сахалина», перехватывая акции у московских акционеров, а там, глядишь, и государственным пакетом завладеет. Не бесплатно, конечно, но всегда есть варианты... И вот новая идея! Дядя Давид так весь Сахалин тихой сапой под себя подомнёт! Нет, Сахалин не по зубам... Староват, зубки потёрлись. Для Ромы и Стасика старается. Для них гребёт денежки. Но Давид не вечен, как внезапно стал не вечен отец.

Станислав Иванович Бахтияров, братик Давида. Моложе был, а отошёл вдруг в самом соку в мир иной, хотя прочили ему долго жить...

Эдик кое-чему научился от отца: ловить момент, не высовываться, не привлекать внимания, не обещать золотые горы, не болтать лишнего кому ни попадя. Пусть другие думают: Эдик не очень умный, не очень, не очень... Но он знает главное: где, что, когда можно взять. А брать надо с умом, меру знать и терпение иметь. Ромка не таков. Горячий Ромка. Ему всё подавай, сразу – три в одном. Не готов он сидеть в засаде и выжидать своего часа. Нетерпеливый – не паук! И отец пальцем тыкал на Рому, поучая его, Эдуарда. Запершило в горле, навернулась туманность на глаза.

– Эдик, Эдик, что с тобой? Ты плачешь? – Сара трясла его за плечи.

– Отца вспомнил. Ладно, Сара. Не оплошаем. Не упустим своё. Но придётся потрудиться, дядя Давид любит, чтоб всё было чётко, чин-чинарём.

Сара жарила к обеду доморощенную курочку.

На улице распогодилось. Яркое солнце, сахалинское, залило белым светом весь окоём и дальше до материка. За окном вездесущие воробьи клевали просыпанные хлебные крошки. Эдик с азартом стал наблюдать за суетой шустрых птичек. Схватит воробушек хлебную крошку и старается подальше улететь, чтоб в безопасности насладиться добычей. Но не тут-то было! За ним обязательно увяжется какой-нибудь лиходей.

«Вот так и люди, – думал Эдик, ожидая, пока Сара накроет на стол. – На готовенькое всегда найдутся желающие».

И тут овладело им беспокойство: надо банки с деньгами перепрятать. Пятнадцать миллионов всё-таки. Не лучше ли в гараже зарыть? Аппетитные запахи, проникнув из кухни в комнату, улетали через форточку в сверкающий мир. Нет, что-то не так! Тревожно в мыслях, в душе, в атмосфере – везде облом, страх и край земли, как край времени... Вдвоём на кухне посидеть бы в самый раз! Холодильник рядом, духовка рядом, всё под рукой. И окно большое, почти во всю стенку. И вид замечательный. Вот и сейчас воздух за окном с привкусом жареной курочки, потянешь его носом – ощутишь запах золотистой – с пылу, с жару, но вся амуниция и хозяйство Сары ни с того ни с сего стали раздражать, аппетит пропал, чёрт возьми! Как у матроса в первом рейсе!

Небо прояснилось, сырость исчезла с юным бризом. «Ух ты, ах ты – все мы космонавты!» – какая-то дурь полезла в голову.

В небе появился самолёт, из него вывалились две чёрные фигурки, а спустя некоторое время над ними раскрылись белые купола парашютов. Каким-то образом парашютисты удерживали огромный транспарант с надписью: «Слава рыбакам Сахалина!»

«Праздник, День рыбака, ещё через полгода. Идиоты. Репетируют», – думал Эдик. Что ни говори, а скоро они с Сарой будут причастны к ликованью рыбного раздолья.

– Теперь это и наш праздник, Сара! – воскликнул Эдик, пытаясь перекинуть тяжкий груз с плеч на другого. – Как будто нарочно для нас кто-то устроил это представление... А может, это Давид?

– Не-е-е... Давид не будет зря деньги на ветер бросать.

Парашютисты всё ближе и ближе. Эдик и Сара стояли у окна, заворожённые спектаклем в небе. Было ощущение торжественности, величавости и нереальности происходящего. Эдик раскраснелся, его потное лицо с белесыми, слегка рыжеватыми бровями лоснилось. Неспешные мысли плавно, как редкие белые тучки по небу, потекли ему в голову: прекрасная погода, новое рыбное дельце. Денежки любят Бахтияровых: в Сбербанке пара миллиончиков скопилась, и в домашнем банке, в чулане, всё сочтено... Хорошо! Но азарт пропал... Что-то не то, не так и не туда...

– А что, Сара? Рыбное дело – воровское дело... Давиду нужно будет держать ухо востро. Охотников на красную рыбку много. Украсть – самое милое дело для некоторых...

– Давид что-нибудь придумает, Эдик, – размышляла жена. – И чего люди не могут честно работать? Зачем воровать? Пораскинув мозгами, богатство прямо под ногами можно найти.

Курочка дожарилась. Стол накрылся из-под рук жены, как со скатерти-самобранки.

Налили водочки. Выпили её, слезливую, холодящую нутро, и Эдик не вытерпел, позвал Сару полюбоваться ячейками в чулане.

Но иногда жизнь подкидывает такие сюрпризы, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Под доской в чулане – ничего, пустота. Он не поверил своим глазам. «Сара! Вдруг она пошутила?!» Подскочил к двери. За-

перта на замок как ни в чём не бывало. Кто средь бела дня унёс из-под задницы десять стеклянных банок, наполненных купюрами? И как унёс? Это невозможно!

– Сара, Сара, ты что-нибудь понимаешь? Где банки? Как их вынесли при закрытых на замок входных дверях? Как мы не услышали воров? Не углядели? Десять банок!

– Эдик! Может, ты их сам куда-то перепрятал?

Он возмущённо махал руками и вдруг закричал:

– Это всё парашютисты, парашютисты... Спектакль!

Ноги его подкосились, и тело медленно опустилось на пол.

Последнее, что Эдик увидел, – это то самое чёрно-е-пречёрное небо с низкими, клубящимися тучами над портом.

Очнулся спустя двое суток, рано утром – в больничном боксе. Рядышком, на стуле – девица в белом халате читает книгу. Видимо, принимая в расчёт беспамятство больного. Иначе почему халатик задрался и видны трусики с кокетливыми подвязками?

Не понимая, что с ним, где он и зачем перед его глазами расположились бесстыдно-белые, круглые женские коленки, Эдик с трудом перевернулся на другой бок, лицом к стене, и пригрезилась ему морская даль, покрытая чёрным громадьём туч, а в беснующихся водах красные косяки горбуши...

Но тут же опять, как в кино, замелькали, прыская ядом, тарантулы, превращаясь в шевелящиеся купюры и уползая через тесные горла стеклянных банок. Крикливые воробушки мгновенно пропали. И стало совершенно тихо, как за пятью замками. Огромная волосатая ручища, раздвинув кирпичную кладку стены, тянет наружу стеклотару – банку за банкой, числом с десяток, «свой глаз – ватерпас».

Людям не пришло бы в голову, что плывущее в чистом небе одно-единственное облачко, его облачко, – улетавшая на тот свет душа красных купюр Эдика, а ещё ранее – красной икры. Красные купюры достались задарма его любезной и чистокровной Саре, когда он спал невинным сном дитяти, отослав её на рынок.

«Хлебных крошек насыпьте воробьям», – прошептал Эдик еле слышно и провалился в выкопанную им самим яму.

3. «Вихри враждебные...»

Рома Бахтияров не мог найти себе места и судорожно метался по кабинету. Он то присаживался на кожаный диван, то лихорадочно вскакивал и, словно одинокий волк в кругу красных флажков, опять начинал свою карусель. В глазах вспыхивали недобрые огоньки, созвучные подсознательным всплескам мыслей.

«У-у-у... Гад-ы-ы!» – выл он.

Кинулся к телефону, выкрикнул без утаек и конспираций:

– Валера, можешь зайти ко мне?

– Конечно, Роман Давидович, мигом буду, – услышал в ответ и облегчённо плюхнулся в кресло.

«Повезло, Кликун на месте. Сейчас что-нибудь придумаем...» – сам себя успокаивал, чтобы мысли побежали по иному кругу. Хорошо! Не зря он обратил Кликуна в свою челядь! Пусть действует во благо фирмы, как любил говорить Давид Иванович с ударением на последнем слоге. Любил, да вот разлюбил: в одночасье сошёл на нет. И тем самым поддержал тьму, сбивавшуюся в стаю против семьи. Как без отца? Что без него? А всё – Сахалин! Не батюшка, как Байкал, не матушка, как Волга, а край дикой и необузданной природы, штормовых ветров, лосося и медведей, бро-

дящих, словно туземное племя, по берегам нерестовых рек, речек и речушек. Сахалин! Сегодня ты – его, а завтра... Кликун – топор Давида Ивановича, но как им пользоваться без отца?

Не надо теперь Давиду Ивановичу лесных полян с ягодным раздольем красники, брусники, голубики, жимолости! Не надо и грибков! Даст Бог, привидятся ему на том свете ядрёные грибы, каких не срежешь ни в одном краю до самой Одессы, впрочем, и на её Привозе грибков не сыщешь...

Несчастья случаются, когда народ благоразумен, ковыряет хрен на своей грядке, мечтая обрести крылья и с чувством блага хлестаться ими в бане, париться, поливая пивком раскалённые камни... Идиоты! Именно в такой момент вас любит несчастье и хомутает, как ему хочется. Жизнь для Давида Ивановича была парильней над кипой бумаг: когда одна не поддавалась другой, они громоздились и душили, затмевая ум. Но можно ли было передоверить решение Роме или Стасику? Можно, но нужно ли? Ведь себя перестанешь уважать: рассыплется и распадётся в пыль детище – холимый мирок. При собственном абсолютном величии Давид Иванович принял на грудь старого покроя весь гигантизм сахалинских междометий, мата и лакейства и не смог устоять на своих двоих – пал, подобно Гераклу, от власти неподъёмных чужих и собственных интриг.

На чёрном мраморе гробовщик высек:

> Вихри враждебные веют над нами,
> Чёрные силы нас злобно гнетут.

А враги, перебирая крохи от пирожка, до дрожи в коленках чуют, как их ещё с большей злобой гнетут те самые вихри, хоть соревнуйся, чья шапка тяжелее.

Полжизни, а то и более пробирались Бахтияровы по кустарникам и буреломам, чтоб стать единственными и полновластными хозяевами, подобно медведям в нехоженых распадках, постепенно взяв под контроль денежные потоки рек и речушек, сформировали костяк, семью «косолапых».

Вон с Кликуном как получилось ловко! Настроили Иванчика против Кликуна, де-юриста-прожектёра, Иванчик и давай гноить проныру по делу и без дела. А они, отец с сыном, присматривались и выжидали. Всё считали и лопатили, лопатили и считали. Тех, кто денег не любит, нужно опасаться. У Иванчика в компании десятая доля, а у Валеры пока что нулевая. Иванчик может взбрыкнуть и сам кого захочет уволить, а Валера не взбрыкнёт, цепко держась за должность, за весомую зарплату и бизнес.

Притянутый за уши в финансисты Алик Мурденович – связник Давида Ивановича с силовиками – после панихиды и оркестрового громогласья, стоя за спиной Ромы, нашёптывал на ухо: «Роман Давидович, ваш папаня наказал держать связь с генералом Сидорчуком. Генерал – друг его детства по Одессе. Вместе румынских оккупантов шмонали, тырили то сигареты, то шнапс немецкий. Понимаете?»

Руки рабочих поспешно орудовали лопатами, сыпалась земля, растекались люди, Рома не мог взять в голову: отвечать – не отвечать мелкой сошке, прилипале к бизнесу?

И вот Рома теперь крайний, уроки отца – на его шпаргалках.

В кабинет без стука, прикрыв пяткой дверь, пролез Кликун:

– Случилось что-то, Роман Давидович?

– Случилось, Валера, случилось... Министерство освободило от должности Раису, а без неё нам крышка. Что-то делать надо. Что?

Ах, Раиса! Несчастье наше! Раиса Невзорова – длань государства в совете директоров уже лет десять. Неза-

менима, неистребима, как островная дичь или бессменный председатель. Верой и правдой служила Давиду Ивановичу, а дальше что? Шутка ли? Треть акций компании казённая. Контроль за ними – в её маленьких, но цепких ручках. И никто никогда не вмешивался в её дела: Раиса сама везёт воз, сама с чиновниками якшается. Плати и получай. Без её хрупкого плеча не удержаться Кликуну, а за ним не конец ли владычеству Бахтияровых? Её плечико – воля государства. Российского, а не... ядрёна вошь какого.

Повисла тягостная пауза. Кликун, стоя у окна, как всегда посматривал на маяк, портовые волнорезы, суда у причалов: приходят корабли, уходят корабли... И всё в порту подвластно ему, Кликуну. А зарплата – свыше миллиона рубликов в месяц? А кредитная карточка компании? А левые деньги? Считай, левых, заработанных через откаты и вознаграждения, тоже наберётся на вторую зарплату. И всё это терять?

– Что можно сделать, Роман Давидович?

– Вот что, Валера... Раиса нахапала, теперь кто-то хочет приставить к кормушке своего кабанчика – и тут ничего не попишешь. Надо самим подыскать противовес: своего человека на роль Раисы.

– Из министерства?

– Вот именно. Конечно, сейчас это дорого, потому что президент страны собрался бороться с коррупцией. Придётся за риск доплачивать чиновникам, дорогой ты наш... коррупционер.

Выказывая невозмутимость, Валера при последних словах наморщил лоб, на мгновенье почувствовал себя пятиклассником, сошкой, клерком на побегушках. Но пересилил себя:

– На том и порешили, – сказал, готовый ко всякой новой каверзе по службе.

«Идиоты, – думал, возвращаясь к себе за стол, – юриста за последнего человека держите! Но кара небесная есть! Не зря в налоговой оттачивалось мастерство. Эдик лопнул, как пузырь, Давид испарился под тяжестью благ. Поймёте скоро, бумажка к бумажке в потаённом месте, а там и час кары нагрянет. Ишь, подозрение, и не на кого-нибудь, а на меня завелось, я дал утечку информации... Эдика накачали – он и сошёл с дистанции! Жена Сара – дурёха, почище вятской деревенщины».

Пошёл, однако, прямым и лёгким путём: Раиса устроила встречу. Высокий начальник из министерства, чиновник, оказался до конца ногтей понятливым. У государства свой взгляд, баталии акционеров его интересуют в последнюю очередь. Кликун знал от Раисы, за какие коврижки отдаётся чиновник, и набрал «500» на своём мобильном. Чинуша, словно персонаж японского театра кукол, благосклонно склонил голову:

– Позиции нынешнего руководства компании нам ближе и понятнее, чем предшественников. Но ещё и ещё раз надлежит всё взвесить. Решение будет приниматься наверху, – его указательный палец словно привстал или приготовился нажать на курок.

– Понимаю, Иван Иванович, – расплылся в улыбке Кликун, радуясь, что всё так быстро, без тряски уладилось.

– Вот и хорошо, что понимаете... Документы готовы? Бизнес-планы, обоснования, расчёты?

Но, чёрт возьми, чиновник показал на экране своей «нокии» «плюс 200 ежеквартально»! Маска недоумения застыла на лице Валеры. Где Раиса? Не для неё ли такой изворот? Что же получается? Пятьсот тысяч долларов – как входной билет и плюс ежегодно восемьсот тысяч платить с поквартальной разбивкой? Он не имеет полномочий на прибавку премиальных. Как быть?

И Кликун нашёлся:

– Я доложу, уважаемый Иван Иванович, главным акционерам и, если разрешите, приду через неделю с бумагами.

– Вот и договорились. Чтоб не тратить время впустую, без бумаг не приходите. Жду вас в четверг, в пять часов вечера, в этом самом кабинете. Через три дня.

Руки не подал, попрощался сухо.

Кликун сел в машину. Как быть? Ни прохода, ни выхода – кругом казна, режим. Иван Иванович-то показался вначале душевным и мягким. Милейший человек!.. Мягко стелет, да жёстко спать... А деваться некуда! Сумма названа, торг неуместен. Не тот случай. Не договоримся – наживём врагов.

Но деньги-то огромные! Такие деньжищи ещё отбить надо... Конечно, к Бахтияровым денежные реки и ручейки стекаются под столом. Но и от него, Кликуна, тоже потребуют новых схем вывода «зелёных» из компании. А это, извините, уже риск. Хотя кто не рискует, тот не греется на солнышке. Решил – Раисе ни слова, ни полслова, иначе и она взбеленится на такую же сумму.

Из гостиницы позвонил на секретный телефон Бахтиярова:

– Роман Давидович, я всё согласовал в принципе. Но есть сложности. Кроме оговорённой с вами разовой цены за продукт просят за услуги двести ежеквартально. Основную цену просят оплатить через три дня.

– Вот это да!.. – поразился Рома, словно зимний гром шандарахнул над головой.

Позже возникшая затяжная пауза вернулась: провинциал! Не мог догадаться о столичных вкусах?! Идиот!

Полночи Бахтияров не спал, ворочался, вздыхал. Под утро расшевелил жену:

– Лолита, вставай, проснись! Надо посоветоваться.

– Хорошо, Ромочка. Только чай поставлю.

На кухне сидели у окна, поглядывая в сереющее небо, и судили-рядили, как поступить. Жалели, что нет уже с ними мудрого Давида Ивановича. Стоит он теперь, мраморный, смотрит в морскую даль, оберегая бизнес семьи, но не подскажет, не научит, не упредит, не предостережёт. Есть, правда, сын Стасик, который умом и хитростью в деда пошёл, да опыта дедовского не нахватался.

На морском горизонте подымалось из воды огненно-красное солнце.

– Восход сегодня неприятный – кровавого цвета. Страшно, Рома... А вдруг это плохой знак?

– Не волнуйся, Лолочка. Всё будет хорошо. Наше, кровное, не упустим. Будем платить. Без помощи чиновников всё потеряем, иванчики снова вернутся и скушают нас, не поперхнувшись. Они же не лохи! Нас не пожалеют.

Через три дня Кликун, как условился с Иваном Ивановичем, предстал отутюженный, в форме с нашивками, бодр и весел, с пачкой прошений и резолюций. Искомая сумма в надёжном целлофановом пакете с красно-рыжими матрёшками.

Челнок сказал челноку лаконично:

– Сейчас читать документы не буду. Потом просмотрю и покажу начальству. Надеюсь, согласую кандидатуры в будущий совет директоров, хотя работа предстоит большая.

Многозначительный взгляд Кликун поймал на лету:

– Мы готовы, Иван Иванович. Не подведём вас.

Ушли восвояси полгода, мучительных и тревожных для Кликуна. Ведь известно, хуже нет, чем – ждать и догонять. Но всё образовалось для него как нельзя лучше: составился, словно по мановению волшебной палочки, совет директоров компании с Иваном Ивановичем, включённым в него чудесным образом. А дальше, извините, просто манна небесная – председательское кресло Раисы перепало натруженному заду сами понимаете кого... Да того же Ивана Ивановича! Раисе – приличную должность, а у Иванчика отняли

даже пропуск в офис, чтоб на своей шкуре чувствовал власть и тухнул, как рыба на берегу. Что из того, что Иванчик хваток? Он нарушил правила игры. Другой акционер, Михаил Оршанский, – тоже фрукт: бегает по министерству и настраивает чиновников против Кликуна и Бахтиярова, мол, нет веса и противовеса, стабильности, уверенности нет у них. В любой момент трах-тарарах приключится. А вдруг Иванчик козырей добудет покрупнее и поставит вопрос об увольнении Кликуна? А вдруг его поддержит Иван Иванович? Ведь стал намекать, что очень много у них проблем в компании. Да и жалобы Иванчика не так уж с потолка взяты, небезвредные... А однажды председатель прямо заявил: «Свои дела на Сахалине решайте сами, нас в скандалы не вовлекайте!» Кого – «вас»? За бешеные бабки в зелёных мундирах словно кожу с живых сдираете. За скандал на всякий случай приходится доплачивать, чёрт побери! За каждое заседание совета директоров выкачивают монеты, как насос на Гознаке... Разница с эпохой совдепов одна: тогда ещё были персонажи, готовые встать в позу закона, теперь их след простыл. Пусть неудачник плачет!

У Кликуна раздался телефонный звонок.

– Валерий Александрович, – не здороваясь, недовольно проговорил председатель, – когда вы разберётесь наконец с Иванчиком? Опять жалобу прислал. Начальство недовольно. Я ничего не могу гарантировать. Сами виноваты.

– Мы работаем, Иван Иванович. Пытаемся договориться с болванчиком, извините...

– Вот и ладно. Договаривайтесь. А заседание совета директоров проведём в Москве.

Вот это сюрприз! Вот это незадача! Что ещё придумали? Чего накропал Иванчик такого, чтоб выложить картой на совете директоров? Совет в столице – для отжима баксов, это вам не совет на Сахалине.

Вечером Бахтияров с Кликуном уехали подальше на берег моря. Ходили по песчаной полосе отлива и о чём-то долго ворковали.

Снег растаял, но в ложбинах лежали грязноватые пласты, побитые дождём, ещё живые. Необычно спокойное море. Огромное, бронзовое, закатное солнце в подтёках тёмных пятен.

«Опять красное солнце, – подумалось Бахтиярову, – как в то утро, когда с Лолитой у окна сидели. Зря она тревожилась. Всё вроде бы о'кей получилось».

– Погода, погода-то какая, Валерий! Папаня любил пострелять, старая закалка. Ну а с тобой договорились, выбьем козыри у Иванчика...

– Сделаю. Не попадёт Иванчик в Москву. На три дня его закроют в рамках моего заявления. Возбудят, не возбудят уголовное дело, а притормозят его.

– Вот и ладненько. А то неизвестно, что он там учудит на заседании. А так оно спокойней. Пусть здесь отдохнёт. А если ещё удастся закрыть его надолго, вообще хорошо будет.

– Веду работу с заместителем начальника управления. Смотрят, что к чему.

Далековато от машины отошли. На море тишь да гладь, но Кликуну захотелось вернуться назад.

– Давай, Валера, до скалы дойдём. Люблю я это место за поворотом. Там базальтовые породы и водопад. Полюбуемся, водички попьём. Жаль, фляги нет, набрали бы ключевой воды с собой.

– Я сейчас! – Кликун выхватил из кармана мобильник. – Позвоню водителю, пусть сюда едет. В машине есть фляга!

Кликун отстал, тыча пальцем по кнопкам аппарата, а Бахтияров продвигался дальше к скале. Вскоре он скрылся за поворотом. Шестое чувство Кликуна взошло, словно из тумана, – чувство опасности, присущее охотникам, а он был охотником, да ещё каким! Страх

обуял его с головы до пят! По песчаной косе бежал назад Бахтияров, на ходу сбрасывая пальто, молча, заплетаясь ногами, вот-вот споткнётся и упадёт...

Как только паралич страха схлынул, Валера кинулся ему навстречу. Ещё раз прозрел, когда увидел огромного медведя, гнавшегося за боссом, который улепётывал, держа в руках его, Валеры, жизнь со всеми причиндалами. «Шатун...» – мелькнула мысль, и Валера, резко развернувшись, пустился назад, к машине, крича: «Быстрей, быстрей... Володя, быстрей! Медведь!..» На счастье, водитель был дисциплинирован, привык держать аппарат на ухе, пока начальник не отключится. Истошные вопли Валеры добавили газу, и машина рванула с песчаным шлейфом позади, помчалась навстречу коротконогой дичи из «Восхода Сахалина». От беспрестанных завываний мотора, рёва сирены медведь остановился и как-то боком, неспешно подался восвояси, обратно к скале, подальше от людского шума-бума.

Бахтияров вскочил на переднее сиденье, наполнив машину зловонием медвежьей болезни.

Не сговариваясь, у ручья встали. Перво-наперво Бахтияров скинул брюки и выбросил их подальше, сколь хватило силы, затем переоблачился в штаны, завалявшиеся у водителя в багажнике.

Потом заспорили о случившемся. Почему медведь вылез на прибрежную полосу в мае? Скорее всего, море выбросило мёртвую нерпу на берег, а медведь, голодный после снежной зимы, соблазнился запахом и, пренебрегая опасностью, выбрался из леса на открытое пространство близ моря.

Вспомнил Роман кровавый рассвет, который он видел с женой в памятное утро, полгода назад. А какой был красный закат сегодня!

Солнце уже скрылось за вершинами гор, и он ничего не стал говорить Кликуну. «А каков Кликун?! Бежал в страхе, даже не оглядываясь. Молодой и резвый. Такой убежит, не спасёт», – думал неприязненно Роман.

Постепенно угар происшествия проходил. Роман задумался, набычившись, поглядывая исподлобья вперёд и не обращая внимания на тряску машины на каменистой супеси прибрежья.

– А знаешь, Валера, в чём вся мораль? В Эдике. Почему? Потому что Сара переправила его тело в Одессу. Ей одной хорошо! Поливает цветы на могилке, гуляет по любимым улочкам. Имидж еврейки бережёт как зеницу ока. А что написала она на надгробье Эдика?!

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут...

Списала с надгробья отца. Ослабила нас перед стихией Сахалина. А? Не думаешь? Энергию сосёт у нас, копеечная овечка! Зачем ей это надо? Вредничает.

– Завтра позвоню, найдут её телефон, – заикнулся было Кликун, но Роман прервал его:

– Зачем? Завтра закажешь другую плиту для отца с короткой, как выстрел, эпитафией: «Непобеждённый». Понял?

– Угу, – буркнул Кликун, подумав: «Нашли завхоза!»

Если что-то хорошее продаётся, то всегда найдётся тот, кто перекупит на рынке удачи.

Каким-то образом, не поддающимся воображению, Иванчик догадался, что его хотят задержать, и тайно пустился в Москву на два дня раньше: предупреждён – значит, вооружён.

Настал ещё один совет директоров. Его ждали, как весеннего равноденствия, как годовых премиальных, а он случился как непредвиденный ледоход: на Валерия Кликуна напали хулиганы, причём с утра пораньше. Ударили битой по голове. Неспроста, рассудили те,

кто посмекалистее: в повестке дня совета стоял вопрос перевода в Москву управления пароходством. Москва всех переварит, обращая людей в бомжей, а их имущество – в пыль и выхлопной газ.

Волна поднялась чуть ли не в рост цунами. Акционер из московских – сердобольный Михаил Оршанский – попытался навестить несчастного Кликуна, но медицина уверила, что у него лёгкие ушибы, и он отпущен на волю. Валерий же позволил себе уединиться и отлежаться в частной клинике, дорогущей до чёртиков, даже очень кабальной, сказал бы вольнолюбивый Давид. О случае покушения на президента судоходной компании с Сахалина кричали новости по радио, писали в интернете, приходили федеральные «тивишки», был заказан благодарственный молебен в храме на Поварской.

Да, совету директоров не подфартило: весеннее равноденствие пришлось отменить, сохранив ледоход и фигуры. Иван Иванович отменил заседание совета директоров именем казны и своей властью. Не имел права? А при чём здесь это? Тут судьба играет человеком в своей мыльной опере. А ещё говорили: Иванчик очень обрадовался уголовному делу по случаю нападения.

«Может, наконец-то найдут киллеров? – шифровал события для будущего Иванчик. – Ведь не первый раз уже... На Бахтиярова нападали однажды и – никого не осудили... Чует моё сердце, наш румянощёкий хомячок сам всё организовал».

Люди в коридорах компании ходили притихшие. Каждый волновался: что дальше? Какие-такие на их шее акционеры?

А что тут непонятного? Идёт делёж дарованных казной пирогов: такой у нас бизнес – без борьбы не ляжет ни под кого, кроме Иванов Ивановичей от власти. Оттого и бизнес плох, и дороги плохие, и воруют плохо – под видом нападения с целью ограбления. Вроде новые министерства, а чиновники всё те же наполняют их. А где же взять других? Не импортировать же из Европы или ещё откуда?

4. Сахалинская рыбалка

Когда Саша Кизюкин впервые попал на рыбалку, у него как будто открылись глаза на сахалинскую природу в осеннем окрасе: прозрачный воздух, наполненный нездешней грустью, в небе белые кучевые облака самой невообразимой формы, тронутые ночными заморозками листья деревьев, словно писанные разноцветными красками рукой талантливого мастера. Речушка небольшая, тихая и мелководная, а рыбы в ней – кишмя кишит! «Господи, что за сила в этой рыбе заложена? Бьётся посередине реки, пробиваясь сквозь вал течения, норовит попасть в узкую, падающую с лотка струю, чтоб прорваться в верховье и там заложить икру. Вот истинное чудо жизни! Вечный зов к продолжению рода, инстинкт, венчающий скорый век погибелью. Сколько энергии вызволено, выплеснуто ради нового поколения!»

Саша с берега наблюдал ход сахалинской кеты, прыгавшей из воды вверх, в совсем невеликий бассейн-отстойник. Иногда с первой попытки попадёт в него, а иногда со второй, третьей или десятой. Но всё равно преодолеет преграду на своём пути. Разве она догадывается, на что способен человек? А человек – способное существо: откроет задвижку бассейна с другого борта и выпустит пленников в реку, где они зароются узкой мордой в песок, отложат икру, а потом, махая плавниками, замоют её песком.

Саша не доглядел, как самец поливает икру семенем, да и зачем? Акт самоистребления пары – самки и самца – ясен и понятен как белый день. Сделают своё дело и умрут тихой смертью. Их тела со временем растворятся в воде, по весне становясь пищей для мальков. Но человек способен на большее! Выхватит сачком трепещущую рыбицу из загона-ловушки, лишит её жизни, ударив деревянной колотушкой, да по голове, по голове, и чтоб никак не мимо! И пораньше, до того, последнего мгновенья чародейства рыб. Этим совсем не правым делом увлёкся Стасик Бахтияров, заядлейший из заядлых сахалинских рыбаков.

«Какая, к чёрту, рыбалка? Это – примитивное убийство, на какое способен был ещё питекантроп. Ишь как завёлся! Таскает и таскает... Бьёт и бьёт... Куда ему столько? Не буду брать эту рыбу. Не хочу. Противно», – думал Кизюкин.

Вслух он сказал:

– Стасик, хватит уже! Вон сколь рыбы набил! Когда перерабатывать будешь?

– А что её перерабатывать? Брюхо распорол, икру в таз, а рыбу – в речку на кормёжку молодняка.

Прокорейской натуре Саши претило всё. Противно было смотреть на ликование Стасика, когда он вытаскивал особо крупную кету, обездвиживая её одним ударом по-медвежьи. Хотя внешне Кизюкин оставался невозмутим, в его душе горел огонь. Он тихо молвил:

– Пойду на мелководье, половлю удочкой подкаменку.

– Саша, лучше спиннингом кету таскать. Закидываешь блесну в реку и подтягиваешь леску. Кета бросается на блесну, и тянешь... Во азарт!.. А бывает, просто крючком за спину зацепишь. Смешно, как извивается рыба на крючке. Я своего Игорька научил. Шесть лет ему, а как заправский рыбак действует... Может, тебе спиннинг дать?

– Не-е-е... Я удочкой. Чтоб клевала... Пусть маленькая рыбка, но тянуть её интересней.

И Саша отправился вверх от забойки – среди рыбаков так зовётся место по отбору и забою рыбы, обустроенное в устье реки.

– Через час приходи, – распорядился Бахтияров. – Я сделаю икру-«пятиминутку», и тогда поговорим о деле.

Вскоре Кизюкин натаскал полведёрка шустрой рыбёшки, которая, он знал уже, и для ухи годится, и жарить хороша. Но главней всё-таки сам процесс: закинешь удочку – и сразу поклёвка. Дёрнул – и впустую. Тут всё тот же театр жизни, тут сноровка нужнее, чем на забойке. Тут человек – охотник, и рыба не в обиде: сама охотница.

Думал ли он, кореец из Средней Азии, не видавший в жизни моря, что приедет на Сахалин и будет заместителем президента судоходной компании? Что именно под его, а не чьим-то руководством будет флот компании? Что ему подчинятся маститые капитаны?

Незадолго до выпуска из политеха случай свёл его с Иванчиком, тогда всесильным президентом компании, и тот сманил его рассказами о Сахалине.

Прошли годы, ему пришлось выбирать между Иванчиком и Бахтияровыми. Разошлись старые друзья-партнёры, хотя вначале всё делали вместе. Он видел, как Бахтияровы используют капитанский характер Иванчика и набирают силу. Видел, как создают свои структуры, используя деньги компании. Как уводят активы из компании...

Ему пришлось выбирать, с кем он. Вначале отмалчивался, а потом Роман припёр к стенке: «Ты с нами, Саша, или с Иванчиком?» Он, Саша Кизюкин, не акционер компании, пришлый он, да ещё кореец, хоть фамилия у него непонятная. Выбрал, конечно, Бахтияровых и их назначенца Кликуна. Главный бухгалтер Клавдия

Ростова заартачилась... и что? Иные спят вечным сном, а те – далече.

Рыба устала клевать, и Кизюкин повернул обратно вниз по речке, пошёл по старому следу. А других следов здесь и не может быть, потому что нерестовая речка охраняется. И вдруг он заметил кроме своих следов чьи-то огромные оттиски на илистом грунте. «Так это же, наверно, следы медведя?! – обдало его изнутри, но он совладал с собой и сам себе приказал: – По осени медведи сытые и неагрессивные. По весне – да! Хотя было уже! Чуть Романа Давидовича не задрал...» Но затем он услышал шум в кустарнике. Теперь нутро похолодело, сердце бешено заколотилось, и он прыгнул в речку, на самую быстрину, где вода до колен и чуть не валит с ног.

– Саша, ты чего в речку полез? – удивился, появившись из кустов, Стасик. – Или ловишь руками?

– Испугался я. Думал, медведь. Там следы лап. Огромные.

Стасик внимательно посмотрел на следы:

– Да, это был медведь. Свежий след. Не больше пятнадцати минут назад прошёл. По осени медведи сытые и встречи с человеком избегают. Хотя риск есть, всегда есть.

Вернулись к забойке и расположись в домике сторожа, который накрыл им стол с икрой, ухой и жареной рыбкой. Пить не стали.

После обеда, поковырявшись в зубах, позевав на жёлтые струганые стены избы, Стасик приступил к делу:

– Саша, я раздобыл доверенность от офшора. Давай деньги делать. Пораскинь мозгами, чтоб комар носа не подточил.

– А что тут думать? Можно использовать офшор как посредника между «Восходом Сахалина» и клиентами. Будем платить ему комиссионные. Можно судно на имя офшора взять в аренду и гнать уголь в Японию. Полмиллиона «зелёных» навара в год.

– А ты, Саша, всё используй. Работай. Кликун в курсе. Отец сказал своё «одобрям». Нам нужны деньги – все и всем. Скоро казна продаст свой пакет акций. А это навскидку пятнадцать миллиончиков в баксах. Но компания-то наша! Значит, деньги в одну кучу – хоп. Иначе потеряем контроль. Московские бездельники вернутся и опять Иванчика поставят, – подвёл жирную черту Стасик.

– Кстати, из Владивостока агенты звонили. Просят пересмотреть агентское соглашение, увеличить комиссию. Грузы-то повалили. Так нынче наш «Санрайс Макику» по десять миллионов рублей на каждого заработает. А в следующем году удвоим, как пить дать.

– Вот это да! Обрадую отца. Надо думать, как налоги свести на нет.

– Тут я не помощник. Пусть Заира позаботится.

Друзья-приятели обговорили курс, облапили друг дружку и отбыли в город. Что же получается? Ещё одна афера... Сашу Кизюкина, словно рыбину, пришибли колотушкой – в душе поганее поганого. Подставы, одни подставы! Отвечать в случае чего ему, крайнему. До чего же хитры коллеги! Всех повязали деньгами и ответственностью. А с теми, кто не соглашается, расстаются, и не всегда по-хорошему.

«Нет, – решил для себя, – против Бахтияровых не повоюешь, но и работать с ними надо с большой оглядкой. Хотя... Нельзя войти в реку и не намочить ноги». Что это с ним? Приехал в дикий край и пойман, как пескарь-романтик, на блестящую блесну баксов? Но пескарь, знал он, не гонится за блесной – он мелок и живёт с мелочью. Многие приезжали на остров за романтикой, но оставались на всю жизнь. Кто-то полюбил остров всей душой и не смог с ним расстаться. А у кого-то обстоятельства сложились попроще: уехать не

сумел из-за нищеты. А кто-то прилепился к жирному куску, и никакими силами не отцепишь. Жадность, рассказывают, многих вполне разумных людей сгубила. А он, Саша Кизюкин, разумный ли?

От этого простого и понятного вопроса Саша весь вспыхнул, горячая волна ошпарила лицо, сердце, всё тело, да так, что он не сдержался и резко нажал на тормоза. Машина, не слушаясь руля, продолжала юзом ползти к прислонившемуся у дороги старому бараку, построенному ещё при японцах. Раздался скрежет, треск трухлявых деревянных досок, и джип остановился.

Никто не пострадал. Хозяевам дома Кизюкин выплатил приличную сумму на ремонт развалюхи, но в его голове крепко засело: что-то не так! Не звоночек ли был с Небес потаённых? Но как отказаться от миллиончиков в «Санрайс Макику», тем более что он, Саша Кизюкин, центровой в этом деле? Как отказаться от офшора? По каким тормозам дать, чтоб не попасть в полосу компании «Восход Сахалина»? Тот, кто подсел на большие деньги, перестаёт быть управляемым – он как машина со сбитыми тормозами, ползущая юзом к опасности по намасленной, скользкой колее Бахтияровых.

5. На Сахалине без перемен

В голову Александра Костина лезла попсовая песенка «Такого снегопада давно не знали здешние места...» И не выбросишь её, не избавишься, как от сугробов, что чуть ли не до крыши и сверх того.

Костин с любопытством рассматривал подворья. За десяток лет сколько всего наворотили: по обе стороны улицы стоят красивые дома, исполненные с изысками архитектуры, с баней, гаражом, домиком для дворни.

Александр оглянулся налево: дом Владимира Федоскина возвышался над оградой из вечнозелёных пирамидальных туй, как циклопический фонтан, бьющий из белого снега. Разливанное море солнечного света, ярко-оранжевое здание купается в брызгах палёного золота и солнечных лучей.

«Молодец Федоскин! – думал Костин. – Во как перекрасил дом! И когда успел? Красота!»

Костин редко бывал в посёлке, поэтому очень дорожил своими наездами. Гуляет по посёлку. Болтает о чём попало с соседями. По утрам кормит синиц, насыпая семечки в кормушку, а потом долго стоит, наблюдая за ними. Залетит синица в фанерный домик, выберет семечко и деловито вспорхнёт на отдалённую ветку, где добудет ядрышко, а шелуху пустит на снег. Бывает, не хватит корма, так подлетают пичужки к окну и стучат клювами в стекло: подсыпь, мол, хозяин, семечек, не жалей!

«Надо же, птичка и та понимает и ценит добро людское. Не то что люди! Ни благодарности, ни понимания... А может, так и должно быть? Кто-то для добра создан, а кто-то...» – продвигаясь по облюбованным давно местам, вздохнул Костин над суетой сует.

В последние два-три года нет покоя в его жизни. Вчера позвонил Рома Бахтияров с Сахалина. Врал без меры. Расхвалил новый менеджмент: работают под его теневым контролем, но поводов хвалиться не было и невесть когда будут. Хуже того, недавно успешная компания постепенно, в час по ложке, разваливается. Как такое мог допустить Михаил Оршанский? Как такое мог допустить он, Александр Костин?! Он, кто столько лет отдал пароходству! Почему в сумеречные годы неразберихи они не взяли под белые руки и не увели компанию от крутизны откоса? Так сделал приятель Михаила Оршанского – Кудыкин-Большекаменский. Он оказался занозистей, схватил кредиты банка и скупил

всякие там ваучеры. Люди избавлялись от рисованных бумажек за бесценок, а то сами допечатывали их мешками. Почти даром Кудыкину досталось больше половины акций нефтяного порта. Почти даром!

Потом сторговался с чиновниками и путём нехитрых финансовых схем, за чужой счёт, выкупил пакет казённых акций, собственно, не выкупил, а прикарманил. И стал Кудыкин солидным владельцем порта. «Все флаги в гости к нам...» Иностранные и свои, российские. А сколько возможностей для вывоза капиталишка за границу! А там – всё! Кранты, свободен от отечественной Фемиды. И как она будет доставать, если ослеплена катаклизмами и ломками? Кудыкин стал писать её имя с маленькой буковки. Кудыкин – герой, за ним выстроился целый хвост предприимчивых и ловких людей, желающих, чтоб к их пальчикам сами собой приклеились разного рода весомые бумажки, именуемые «правоустанавливающими».

Остров Сахалин – не Владик и не Находка. Хорошо то, что хорошо кончается. Поддерживают государевы люди Рому Бахтиярова. Он для них то рычаг власти, то конфетка с афиши! Бахтияров стал, как паук, теневым хозяином всего и вся, вокруг и около. Кто их сосчитал? отцов, сыновей, внуков, племянников, челядь, которой хоть пруд пруди?.. Один почил в бозе, тут же из травы или из воды подымаются головы других, усыновлённых, что ли? А как они дружны: горой друг за друга стоят! У них и у казны – общая душа.

Да... Сам виноват: не ты, так тебя. «Бизнес присмотра требует», – говаривал Давид Бахтияров, разумея президента, вперёдсмотрящего в море. Мог ли кто вообразить всю глубину смысла его смерти? Почему Кликуна кличут «Мясо»? Служит за хорошие деньги, делает грязную работу, всё, что прикажут, но в случае падения или посадки государева чиновника он будет первым кандидатом на соседнюю камеру. Его отдадут на съедение Фемиде, пусть слепой, но Фемиде. Вряд ли «Мясо» врубился, чем чревата его служба у Бахтияровых-Сахалинских. Его просто убаюкивают дружескими улыбками: Валера – молоток, Валера – с искрой дара...

«А может, Валера терпеливо выжидает своего звёздного часа, чтоб слопать и Бахтияровых, и всё нахапанное их руками?» – осенило Костина, и он, от удивления замерев, остановился.

Эта новая догадка – не бред ума по утренней свежести. Но она показалась Костину столь невероятной, что он тут же отбросил её в кювет. Впрочем, какая ему разница, кто кого слопает? Его фактически уже вытеснили из компании руками в перчатках. Держат в советниках, а фактически с ним не считаются. Нисколько.

В воскресенье Костин встал с утра пораньше и – на лыжи. Как и вчера, мир купался в ослепительном блеске. Акустика словно из Большого театра: в отдаленье – берёзовый околок, полный звонкого птичьего предчувствия весны с радостными хлопотами, хотя над сугробами ещё позванивает странное пенье, будто утренний морозец молоточком по серебряной струне постукивает. Сперва – длинный звук, потом без промедления короткий. Молчок. И опять – длинный с коротким в их неразлучности.

Вспомнил, как покойный тесть любил на исходе зимы остановиться и послушать птичий перезвон, их голоса, согреваемые недалёкой весенней вестью.

«Куёт-то как, куёт... Весна уже на подходе», – подмечал обычно тесть.

Пожалуй, верно, скоро нагрянет весна. Животворящая, упоённая, искренняя, подобно древнему божеству, вступившему в игру с человеком. Нет чтоб спросить у тестя, как зовётся птичка. Не успел. Но пение-то запомнилось, а с ним – чувство к старику. Порадовала пичужка.

Легко и свободно бежал Костин по наезженной, слегка скрипящей, подмороженной лыжне. Воздух свеж, наполнен запахом весенней хвои и ещё чего-то непонятного, но волнующего.

«Весной пахнет, весной, а я не сразу вчера приметил этакую радость», – думал Костин. Хотелось кричать «А-у!», словно вошёл в сахалинскую тайгу за грибами. «Во как меня разобрало, – вслух проговорил, улыбаясь, – давно у меня такого настроения не было».

Лыжня резко повернула в глубину леса, и он увидел впереди бегущую лыжницу в красной куртке. «Мишень. А что? Тряхну стариной, догоню». – Костин прибавил шагу и очень скоро настиг девушку. Она, услышав скрип снежного наста, остановилась, уступая лыжню мужчине.

– Здравствуйте! – вырвалось у Костина. – Отличная лыжня. А?

– Доброе утро! Прелесть погода. А я испугалась. Кто-то сзади бежит, лес всё-таки...

– А меня не боитесь? Спасибо. Будем знакомы: Александр Васильевич.

– Настя, – засмеялась девушка и поправила выбивающиеся из-под шапочки светлые локоны. – А вы не страшный, Александр Васильевич, а скорее – наоборот.

– Как наоборот? – хохотал Костин. – Какой оборот?

До обеда гуляли, болтали, шутили, смеялись.

Он розе наивной без устали пел,
И роза цвела и цвела.
Но время пришло, соловей улетел, –
Такие, сестрица, дела...

Как встретились, так и расстались. Но радость встречи переменила цвета жизни.

Он медленно катил на лыжах через посёлок, как будто хотел взлететь на крыльях. Как будто не было в его жизни Бахтияровых, Кликуна и всей камарильи, копошащейся под вертикалью чиновничества. Увидел Федоскина, гуляющего с внуками во дворе дома, с добрым десятком снеговичков, лица которых были устремлены вверх.

– Привет, Сергеевич! Что на лыжах не пошёл?

– Здравствуй, Александр Васильевич! А я вот сейчас внучат буду обучать на лыжах ходить. Купили специально для малышей.

– Слушай-ка, отличная идея. У меня тоже два внука. Может, старшего, Ваню, тоже на лыжи поставить? А?

«К чёрту этот бизнес и всё, что связано с пирамидой уродств. Лучше жить в деревне, питаться одной картошкой, но не знать этих интриг, этого обмана, этих драк и драчек. Не знать Бахтияровых, пропади они пропадом! Начну жить для себя, для семьи», – думал Костин, снимая лыжи.

Но не так-то просто отказаться от прошлого, оно опутало нас тысячами зримых и незримых ниточек. И тянут эти нити вниз.

Рано-рано, когда Костин досматривал последний сон, ему позвонили с Сахалина и сообщили, что возбуждено уголовное дело по факту нарушения законов в судоходной компании «Восход Сахалина» с причинением ущерба в особо крупном размере. «Кого подозревают? Кого обвиняют? Неужели Фемида обрела зрение? Или старый милицейский начальник ушёл на пенсию, а новый свою прыть показывает? Или под себя плацдарм создаёт? Чуден этот мир. Чудны дела твои, Господи!»

Пока распутица, неясно, кто кого, зачем и для чего он, Костин, выставляется крайним. И Костин тронулся, как льдина, сметая на пути мусор, шугу битых и недобитых... Энергии хватило для зачина: вылететь на Сахалин и попытаться наскрести по разным сусекам кое-какие сведения о начальствующих персонажах, связях и

связках их махинаций. «Посмотрим, – твердил ему внутренний голос. – Посмотрим!»

В аэропорту Южно-Сахалинска Костина встречал почётный эскорт из охраны Кликуна. Для чего? Зачем? Сам начальник охраны, из вятских, Воронов пожаловал. Недоумевающему Костину пояснил, сохраняя на лице подобающую моменту маску тревоги и озабоченности:

– Криминальная обстановка сложная. Валерий Александрович приказал беречь вас как зеницу ока.

– Ну-ну... – только и нашёлся Костин, представляя, что без соглядатаев Кликуна теперь ни с кем ему не удастся встретиться.

Всю дорогу от аэропорта Костин угрюмо молчал, делая вид, что дремлет, не отвечая на разные наводящие вопросы Воронова. Он открыл глаза, когда машина спускалась с перевала к морю. Весёлое сахалинское солнце в предвкушении весенних перемен залило ярким светом окружающий мир. Над городской свалкой в небе взвилась туча ворон, каркающих так зловеще-громко, что невозможно было их слушать даже в машине.

– Ишь зашлись как... И что им неймётся? – не выдержал Костин.

– А вас приветствуют... Наши сахалинские вороны – весёлые птички. В два раза крупней вятских. Зимой лисицу на снегу запросто заклюют. А прошлым летом мужика чуть не заклевали до смерти – гнездо разорил. Нарвался... Ворона, а защищает своё, родное.

– А ты-то откуда знаешь? Без году неделя на Сахалине, и тоже мне – «наши сахалинские вороны...» – не выдержал Костин, передразнивая Воронова.

– Так должность обязывает. Разобрался, кто есть ху, как говорится.

Как ни стерегли Костина, а всё-таки удалось ему встретиться со старым приятелем Михаила Оршанского, бывшим начальником милиции, и получить от него подарок, письмецо для Михаила. На словах старый служака сказал: «Передай Мише, чтоб не обижался на меня. Что я мог? У Бахтияровых связи повыше. У них на содержании областной депутат – генерал в отставке Родотей. Прямой выход на моё бывшее руководство, да и на надзорные органы. Коммуняка, тихоня, а ещё тот... Оборотень из оборотней. Меня вот турнули... Мог бы ещё служить и служить. В письме Миша найдёт много интересного... В Москве бахтияровская ниточка тянется к генералу Сидорчуку. Большие капиталы на семейку работают».

Недели две спустя возвращался Костин из краёв, где деньги лежат. Машина катила по блестящей от прошедшего ливня дорожке. Вот иллюзии природы! Даже не верилось, что ещё недавно, когда он уезжал из Москвы, вокруг лежал, затаившись, снег. Теперь на пригорках пробивалась зелёная трава, излучавшая весеннее великолепие и радость тепла. Как быстро мир меняется! Такой снежной зимы лет полтораста не случалось. И что? Пригрело солнышко, и сошёл снег. Весну не остановить. А на Сахалине всё ещё зима: метровые сугробы залегли вдоль дорог...

6. Падение Кликуна

Телефон задребезжал назойливо и нудно. Валера спал и спал как ни в чём не бывало, но звонок слышал. «Позвонит и перестанет», – не без строгости сообщил сам себе, не просыпаясь. Телефонная музыка трезвонила всерьёз. Нащупав на тумбочке трубку, он прохрипел в неё:

– Слушаю.

– Выгляни в окно, и увидишь чудо, – пропел мелодичный женский голос, ну прямо дикторши в аэропорту.

«Что за фантасмагория?!» – удивился Валера и заставил себя проснуться совсем.

Протёр глаза: где окно в номере? В последний момент спохватился и не раздвинул шторы балконного проёма, а глазком одним посмотрел сквозь щёлку и отшатнулся. На балконе – девушка, блондинка с широкой улыбкой и без одежды! Что это? Реклама новой формы персонала? Чушь собачья! Как она попала сюда?! Ведь пятый этаж! А если подстава? Уже учён бутылкой по дурной башке. Вспомнил ту старую антирекламу с нападением. Здорово он развёл всех! Ведь той полночью в баре сам подрался из-за этой блондинистой сучки. Викой, кажется, её зовут. Сидевший с ней за столиком верзила вскочил и огрел его пустой бутылкой, а когда он упал, ещё стулом сверху приложился. Хорошо, что по ногам попал. Рома и Стасик стали кричать: «Милиция! Сюда! Вот он! Бандит...» Верзила сбежал. А утром с подсказки Ромы сляпали заявление в милицию о нападении, с целью... За молчание бармену отвалили три штуки баксов. А девушку, не отходя, взъерошил, как петух, забрал к себе в номер в качестве трофея и рассчитался с ней щедрее щедрого.

Валера безотчётно раздвинул шторы и открыл дверь балкона.

– Вика, как ты тут? Как сюда попала?

– А ты что? Не рад? Случайность. Я в соседнем номере поселилась. У нас один балкон на два номера. Тебя увидела в холле, на ресепшен. Вот решила сюрприз преподнести. Так рад или не рад?

– Конечно, рад! Фантастика! Заходи.

Вика прыгнула ему на шею и стала целовать:

– Помнишь, помнишь? Как в тот раз?

– Помню, но тогда голова побаливала, а сейчас у меня утренний моцион.

От долгой дороги, почти суточного онемения тело ломило, но птичка прилетела не для массажа. Валера обнял её, скорее ухватил по-хозяйски за талию и, пританцовывая, повлёк на кровать, не успевшую остыть, покуда торговался. Раскрутил давнюю подружку как хотел: как она ни отбрыкивалась от душа, Валера настоял на своём, и они посетили душевую кабину вдвоём. Выпивать не стали, разойдясь пышно, фартово, с поцелуями и уверениями.

Окончен утренний моцион.

Однако скоро в дверь постучали, вначале легко и несмело, а потом всё громче и назойливей. Валера нехотя поднялся с кровати и побрёл, но, сообразив, вернулся и лёг обратно. И тут в его пареных мозгах прояснилось: вся эта белиберда, звонок, Вика на балконе, её поцелуи, всё это – продолжение сна, а правдашнее в нём то, что он на самом деле дрался в пустом баре с неким парнем. Ну и что? И тогда чувствовал слабость, тело болело, будто попал под колесницу, зато – «ой-е-ё» – какими утренними ласками одаривала пышногрудая Вика и в какую копеечку они влетели тогда!

В дверь опять забарабанили.

– Иду... Чего стучать-то? Ещё утро, восемь! – он глянул недовольно на часы.

– Разбудить в восемь вы просили. А телефон всё занят и занят, – раздался голос из-за двери. Мужской.

Он открыл дверь и увидел отнюдь не гасконца из бара, а обслугу в гостиничной форме.

– Занят телефон, значит, не сплю. Чего стучать?

– Ага... А если трубка сдвинулась? Так было. Гость опоздал на самолёт и нам претензии заявлял. Да и письмо для вас имеется.

Дав посыльному сто рублей на чай и не читая письмо, Кликун опять полез под душ. Долго стоял под тугими струями воды, то горячими, то холодными, и удивлялся новизне пронырливой Вики, стуку в дверь посыльного, какому-то письму.

Сколько плохо читаемых событий! Вечером прилетел с Сахалина, и тут же – нате вам, всем всё из-

вестно, приключения начинаются. Не ради них прилетел, а для встречи со следователем. Надо разбираться с претендентами в заказчики... Вот зачем столь долгая дорога с массажем, идиоты! В заказчики либо Иванчика, либо Оршанского поставлю, и решим наконец-то, кто есть кто! Всё норовят сковырнуть его. Теперь уж дудки! Государство – за него, поддерживает в лице своих чинов, чьи ранги, погоны и имена вслух лучше не называть. Вот они-то выкупят казённый пакет акций для себя. Но из моих рук. С ними и Бахтияровых прижмём к ногтю. Запросто! Но прежде следует с Иванчиком и с Оршанским разделаться. Да и Костина неплохо бы приструнить. И тогда рви когти вперёд! Доколе можно им, Валерой, помыкать? Сами принесут акции на блюдечке. А там черёд Бахтияровых настанет. Команда из преданных менеджеров вот-вот сколотится. Каков вес, скажем, финансиста Алика Мурденовича? Не пьёт, не курит, а деньги любит больше своей жены. Дорогой кадр, очень дорогой! У него принцип: любой вопрос имеет цену. Платите деньги, и у вас зимой на даче среди сугробов вырастут пальмы. Хотя Давидович рекомендовал, но Алик – его, Валеры, человечище! А Воронов, начальник охраны! Он один из самых доверенных, нашенский, вятский. Вот тут-то Бахтияровы сядут в лужу – тоже моряки нашлись! Пароль «Вятка» действует, хлопчики, уркаганы одесские... Самое время Иванчика и Оршанского – к ногтю.

В приятных рассуждениях Кликун встал перед зеркалом, растираясь полотенцем. «Разжирел, парень, разжирел!..» – улыбнулся своему отражению. Надо бы поменьше кушать. Но куда денешься? Приёмы, подъёмы, займы, отъёмы... Да и любит он пожрать, что говорить. Пока молодой – ничего страшного. А к старости, может быть, на ранчо будем жить где-нибудь в Америке. Своя яхта, свой самолёт... Охота, рыбалка...

На часах – время, пора собираться, иначе удачи не поймать. Уже убегая из комнаты, Кликун вспомнил про письмо и быстро вскрыл конверт. Пахнуло дурманом знакомых духов. На обрывке туалетной бумаги нацарапано несколько слов – страшных: «Валера, я ВИЧ-инфицированная. Вика». И мир в одночасье изменился: стал мертвенным и водянисто-туманным.

Кликун, задыхаясь, упал на пол: «Сволочи, подлецы Бахтияровы! Подсунули девку! Вычислили! Догадались! Упредили! У-у-у, бесовское племя!..»

Как изношенная, засаленная игрушка, он долго валялся на полу, причитая и плача. В какой-то момент он притих, затем, размазывая слёзы, встал и принялся названивать в больничку, где скрывался от заседания совета директоров. Поговорил. Опомнился. Задумался. Решился. А вдруг – шантаж? Сдать анализы и...

Неподалёку, за окном, раздался звон колоколов, и он, упав на колени, стал молиться, вспоминая где-то слышанную молитву. Потом погрузился в забытьё, ему померещилось, будто он падает с огромной высоты, и всё вниз, а под ним немыслимой крутизны волны, бьющиеся о скалы. Он летел не стремглав, а плавно, замедляя и замедляя падение. Его словно сам воздух жалел, поддерживал... Возможно, бабушка, которая умерла несколько лет назад, а он не смог даже на её похороны приехать. Говорят, есть ангел-хранитель. Он, это он! На стороне праведных! Разве Кликун – не праведный, все Кликуны были праведными... Что-то зашуршало в окне. Бабочка с ярко-жёлтыми крыльями пыталась вырваться на волю. Откуда бабочка? И где она пряталась до сих пор? Он попытался открыть окно, намертво запечатанное с осени. Выругавшись, подступился к балконной двери и растворил её настежь, а затем очень осторожно стал направлять бабочку в проём двери. Провозился с ней долго и добился своего: бабочка села ему на ладонь, и, довольный собой, он

понес её на балкон. И когда она взлетела, он долго наблюдал за полётом. Бабочка летела почему-то не вниз, к земле, а устремилась в небо, постепенно уменьшаясь и уменьшаясь, пока не растаяла в вышине под сумрачными тучами столичного утра.

7. «Торнадо»

– Кто сказал, что мафия канула в вечность? Кто сказал, что мы живём в государстве, где правит только закон? Сказки! Досужие вымыслы! Мафия была, есть и будет. Она жива и непобедима. Она меняется, холя и лелея свои мозги. Она прилипает к обстоятельствам, закону, выворачивая наизнанку мораль, надевая маску традиций... Она научилась себя подавать как благо для людей, – говорил тихо и уныло человек с беспристрастным лицом.

– Пётр Григорьевич, не тяни. Выпей коньячку. И мы выпьем, – нетерпеливо постучал вилкой по фужеру хозяин застолья.

На весу – рюмки с коньяком. Гость сделал глубокий выдох, после – вдох, втягивая воздух из рюмки медленно, с наслаждением. При этом глаза его жмурились, а на лице разлилось блаженство.

Так начиналось заседание секции «Торнадо», ставшее историческим для Сахалина. Разговор вёлся в столице – у грузина в личном кабинете под кулисой ресторации, или вывеской на манер Пиросмани.

Хозяин грустил:

– «Кодру»? Двадцать лет выдержки. Молдавский коньяк, а любому французскому фору даст. Жаль, нет в продаже. А у меня пара бутылочек сохранилась с тех пор, как Вельготин им торговал. Эх, прикрыли лавочку!.. Давайте, други мои, выпьем за канувший в вечность присной памяти Советский Союз. Были в нём, были хорошие моменты. Вот хотя бы этот коньяк взять... Двадцать лет выдерживали в дубовых бочках... А?! Вот то-то!

Что грусть для «Торнадо»?! Веночек над прошлым или на могилу Давида Ивановича? Не для Сахалина же?

– И мафия была. Но где-то в верхах орудовала. Нас, простых смертных, она не касалась, – добавил человек, доселе молчавший, черноволосый, с лицом педанта. Это был известный всей стране герой, правда, в своё время – хозяйственник Оршанский. – Но тост поддерживаю. За благополучно почивший Советский Союз! – и опрокинул рюмку одним махом.

Выпили. Оршанский продолжил:

– В советское время была партийная дисциплина, была ответственность, страх, если хотите... Боялись закона, партийного взыскания, народного контроля, прессы, и многого ещё боялись. Потому что партийцы все процессы держали в своих крепких руках, всё было под их присмотром...

– Партия была самой эффективной в истории мафии структурой, – не согласился Пётр Григорьевич. – Впрочем, любая правящая партия в любом обществе, демократическом и плутократическом, действует по установленным ею правилам... Но в России, в силу нашего особого менталитета, власть партии – это всегда власть мафии. Вспомните, как они начинали? Как сварганили переворот? А вожди? Ширпотреб, абреки, маски для быдла. В деле – жестокие убийцы, заставившие их власть почитать, словно овцы в отаре, – следовать за вожаком-козлом, хотя он и не нашей породы... Наше буйство, стихийность – физиологическая реакция на их умысел. Их право нас убивать имеет фундаментальное: «Учение Маркса – всесильно, потому что оно верно». Железный аргумент! А логика разве не супер? Недаром

сказано: желчный человек – не человек, а пророк с горящими глазами.

Однако долго разглагольствовать Петру Григорьевичу не дали. Его перебил хозяин имперского застолья, полного восточных яств:

– Хватит, хватит и ещё раз хватит! Надоело. Партия, мафия, рейдеры и прочие мерзости!

И он обратился к Оршанскому, восседающему, словно баснописец Крылов, на постаменте:

– Миша, когда «Торнадо» состоится, далеко занесёт нас?

«Торнадо»? Что за фигня в лице скрытого, никем ни в какие святцы юстиции не вписанного общества типа сталинского стройбата? Сами думают, они – союз единомышленников, когорта мужчин, один раз в году отправляющихся куда-нибудь, хоть к чёрту на кулички, на хлюпком теплоходике, чтоб там под мрачными елями по-мужски отрываться от сует мирских. Что творят они там, лишь Богу известно, жён с собой не берут.

Казалось бы, никаких слухов, побасёнок, информации оттуда не поступает, а желающих попасть в «Торнадо» – пруд пруди. Но не тут-то было! Новичков тайное братство не жалует. Уж Костина могли бы, но Александр Васильевич не догадывается, каким мёдом это самое «Торнадо» помазано.

– Вано, я пока не думал об этом, – отвечал Оршанский, – «Торнадо» состоится в июле или августе. Куда торопишься? Остынь после Астрахани. Не забывай, ты был главным героем. Пальму первенства отобрал у полковника Нащокина. Понравилось?

– Да, и снова хочется...

– Потерпи. Есть одна идея. «Блэк Бизон» из Находки обещался принять нас. Помнишь Толю Черновола? Вечно улыбчивый... А сейчас ещё и пузатеньким стал. В политику подался, вот и разжирел. Встряхнётся у нас, в «Торнадо».

О чём они говорят? Разве поймёшь? Может, о рыбалке? Может, об охоте? А может, ещё о какой-нибудь чернухе, где буйствует азарт, состязание и жажда первенства. Кто унёс свой зад от стихий «Торнадо», никогда не расскажет правды. На что Пётр Григорьевич человек неулыбчивый, не умеющий пользоваться прелестью земных благ, и тот после «Торнадо» осветился изнутри северным сиянием, отвечая на расспросы восторженной улыбкой с восклицанием: «О-о-о!..»

Оршанский предполагал ранее, будто сам Пётр Григорьевич – карманный вдохновитель неразгаданного действа «Торнадо». Вообразимо ли, каким макаром он ухитрился завести семерых детей от семи разных женщин? Разве не Семирамида, не семь чудес света? За что женщины любят угрюмого и не расположенного к шутке, изрядно побитого жизнью мужика? Неизвестно. Однако же новая любовь принесла ему последнего сына на его же шестьдесят и три года накануне заезда на «Торнадо». Отчего сейчас Пётр Григорьевич опять живёт один, пожелав для последней любви отставку в недальнюю провинцию и строго держась курса на «Торнадо»? Мистификации? В характере ли Петра Григорьевича? Этот вопрос, как призрак, бродил между участниками таинств древнегреческих богов, явленных природой для самосовершенствования.

Михаил Оршанский – несменяемый почётный председатель «Торнадо», в ближнем кругу друзей – Миша, – был не в духе. А почему быть в духе? Он вмешался в бесполезный разговор о мафии не зря. Что они знают о мафии? Общий трёп. Он попался в объятия сахалинских «братков» из новых волков, голодных и жадных. Влип, как муха в паутину. На днях только окончательно уразумел: бизнес, оставленный им по врождённой доброте партнёрам на поруки, постепенно отплывает от него, как отчаливший пароход, груженный по самую ватерлинию. Грузил, грузил он, Михаил Оршанский,

тот пароход, а теперь вся материя отплывает без него на борту. На капитанском мостике, где много лет он чувствовал себя полновластным хозяином, стоит розовощёкий малый с хитрющими глазёнками и кричит ему:

«Не волнуйтесь, Михаил Серафимович! Поплаваем немного и вернёмся. Куда мы без вас? Мы – вместе!..» Улыбчивый парень, слепок скульптора Герасимова с известного прихвостня, машет ручкой, шлепая губами подобно питекантропу: «Мы – вместе...»

После встречи с секцией «Торнадо» вокруг коньяка «Кодру» Оршанский поехал восвояси. С дремотой в пробках и безразличием к столице. Водитель помалкивал, но хозяин не спал. Переваривал в уме последний разговор. Не подозревая, Пётр Григорьевич затронул в его душе болезненные, заигранные струны. Вот они и продолжают отзываться эхом: иерархия доверенных! Доверился, и – на тебе. Как же! Вместе... Он и семейка Бахтияровых... «Дождёшься! Тихой сапой всё под себя подмяли под убаюкивающие заверения. Вместе? Как бы не так! Без мафии не решились бы. За их спиной вооружённая сила. Семья!.. Мошенники на доверии! Они ещё не вся мафия, а часть её, – вздохнул Оршанский. – Справедливым и медведь бывает, пока спит. Но человек в одиночку попрёт на мировое господство. Бахтияровым конца нет и не будет. Начинали с воровства, а закончат кровью. Ничего нового в подлунном мире...»

Машина с трудом ползла по сумеречной Москве в сплошном потоке таких же бедолаг. Кто изловчится, тот как-то вклинивается в прорехи между машинными рядами, по чуть-чуть развязывая узел отстоя. Под колёсами – месиво из московской грязи и снега, тонким слоем покрывшее асфальт. Дворники с лобового стекла не успевают счищать маслянистые брызги. Декабрь. Две недели солнца не видать. И сейчас над головой сплошь тёмная и давящая пелена, не поймёшь, то ли тучи, то ли небо разжижилось в сплошную взвесь из воды и тумана. Возможно, уже и звёзд нет там, наверху... С фонарей на столбах падает бледный свет, но тот или не тот у нас свет? Звёзды хочется видеть, звёзды... А впереди – скопление красных огней – свет задних фонарей машин.

Как-то студентом он попал на первую выставку американских товаров в Сокольниках: поразило громадное цифровое панно «Тормоза и фары». А сейчас вот... наяву это светоскопление...

Вспомнилось, как недавно приезжал в Москву Роман Бахтияров. Какие картины радужные рисовал!.. Сыпал убаюкивающими цифрами о скорых дивидендах, о выгодной продаже рыбного бизнеса, о больших перспективах, – только фары вставлял, одни фары, без тормозов.

– Вот ты, Роман Давидович, привлёк молодёжь к управлению компанией. А не предадут ли они? Не захватят ли бизнес? Не создадут ли структуры, через которые прибыль будет утекать в их карманы? Не накличет твой Кликун беду на бизнес?

– Что вы, Михаил Серафимович! Они – менеджеры европейского типа. Воровство им претит.

Как же! Претит! А он, Оршанский, уже знал о мошенничестве «европейского типа»: ворующих из хозяйства, которое он лично в своё время вынянчил. Организовал на базе судоходного предприятия целую корпорацию, даже с предприятиями, где верховодит иностранный капитал. Уехал в Москву, оставил руководство на Иванчика, на сослуживца, морского волка всё-таки... И что? Иванчик несколько лет справлялся. А потом привлёк на роль заместителей береговой балласт. И пошло-поехало – Бахтияровы наводнили компанию: сыновья, внуки, племянники, тёти, дяди... Постепенно оттянули на себя все важные посты, вытеснив Иванчика на уготованное ему место – припортовый пустырь. Ошибается один – хлебать всей команде «Торнадо».

Как послушаешь Рому Бахтиярова, то у них и русские, и украинские корни имеются, только о еврейском родстве – ни словечка... Кто из нас чистый ариец? А если судить по фамилии, то Бахтияровы – татары... Дело не в нации, а в спекуляции на ней: эти врут без меры, воруют без меры, ох, и менеджеры-европейцы на голову! Слово за слово – раздаётся визг: не тронь, мы – малая нация, ты нас ущемляешь... Вот она, мафия! Живая и успешная! Имеют три частные компании собственного покроя. И всем сходняком крадут у русских, татар и кого попало без разбору. А холдинг-то назвали как! «Санрайс Макику»! «Восход Макику», значит. Восход, понятно. Восходит солнце нового бизнеса. А что такое «Макику»? Что за абракадабра такая? В этом таинственном слове, наверно, и скрыт секрет новизны их бизнеса.

«Ищите разгадку в трёх слогах, – прокомментировал многомудрый Анатолий Житомирский и произнёс раздельно: – Ма-Ки-Ку». Ох, не зря Роман боится Житомирского. Выведал-таки тайну за семью печатями!.. Зашифровали свои фамилии супчики-голубчики. Но от житомирского вострого глаза ничто не ускользнёт. Ему доступны тайны воротил закулисного бизнеса... Пьёт, да ума не пропивает. Пьян да умён – три ума в нём!

От последней мысли Оршанский зашёлся смехом, вспомнив невысокого росточком Анатолия, бывшего при нём в своё время главным экономистом. Накопал-таки ключик к этим «макику», нашёл, как узелок развязывается.

Ещё свеж его ответ Житомирскому:

«А что тут искать разгадку? Азбуку, мафиозную перекличку? Чем больше откусят «Макику» у Миши, тем успешнее будут. Завысят цену в два-три раза на услуги, и потекут денежки, куда им путь заказал, – в личные карманы. Ничего нового ни под луной, ни под солнцем. Где надо, подмажут баксами, а кого-то на работу к себе примут. Имея власть в корпорации, нетрудно позаботиться о доходах «Макику». «Никуда не денется, – сказал Роман Бахтияров об одном представителе городской администрации, который не по делу совал нос в корпорацию. – Посадим на деньги. И не таких крутых приручали».

Кто? «Макику»? Японские щупальца – якудза, мафия... Триада запустила щупальца в Россию, а вы – «Торнадо»! Дурь ваше «Торнадо»!»

– Михаил Серафимович! Спите? Мы уже приехали, – водитель Дима тормошил за плечо. – Приехали уже.

– Хороший сон приснился, – пробурчал Оршанский, направляясь к двери небоскрёба с бессчётным набором окон. Какое – его? Не разберёшь, не помашешь рукой Лидуше.

Слава Богу, что есть место между небом и землёй, где тебя ждут и где можно хоть на время забыться, как птице в гнезде, отвернувшись от мирского. Но даже тут, где-то в грязном небе, наши души соприкасаются с духами Эдика или Давида, хотя и не вызывают их.

8. Московские рейдеры

В старинном московском особняке, отреставрированном для крупной компании, зазвонил телефон. Начальник службы безопасности снял трубку.

– Господин Рябов, вас шеф вызывает к себе! Через пятнадцать минут.

– Есть. Буду. Иду, – ответил генерал Рябов.

В отставке, штатский пиджак, но чтит свой чин, держась по-армейски.

Головной офис через дорогу, в другом здании. Ровно через десять минут Рябов стоял в приёмной всемогуще-

го шефа. Ещё через пять минут его пригласили. В кабинете важные лица: первый зам, незнакомый мужчина в строгом чёрном костюме и сам президент.

– Итак, Фёдор Акимович, перед нами очень важный вопрос. Мы намерены заняться морскими перевозками нашей продукции на Дальнем Востоке. Есть два решения проблемы: создать свою судоходную компанию с нуля или купить готовое предприятие. Вы имеете какую-то информацию о компании «Восход Сахалина»?

– Не так много, но кое-что имеется. Там у них обострилась внутрикорпоративная борьба. Сахалинские акционеры и менеджеры пытаются отбить бизнес у других акционеров, в частности, московских, которые владеют пакетом акций около тридцати процентов.

– Вот то-то. А государство? Госпакет – чуть более двадцати процентов?

– Да, двадцать пять с половиной. Госпакет фактически на стороне сахалинцев. Представитель государства в совете директоров помогал им. А сейчас Иван Иванович из министерства стал председателем совета. Мы с ним в контакте.

– С госпакетом вопрос решим. А с другими акционерами надо договориться, в крайнем случае выкупить один из пакетов: сахалинский или московский. Всё надо сделать грамотно, полюбовно и без лишнего шума. Стратегическое транспортное предприятие. С учётом островного расположения Сахалинской области и проблем по Курилам мы обязаны сохранить пароходство. Речь идёт о государственных интересах, о безопасности страны. Там у вас, Фёдор Акимович, помнится, свой человек финансами заведует?

– Так точно. Алик Мурденович.

– Хорошо. Кроме того, используйте известную нам слабость Ивана Ивановича. Понимаете?

– Есть. Займусь.

– Кстати, есть сведения, что депутат Родотей там шустрит. Прикрываясь мандатом, крышует сахалинцев. А в Москве ему помогает генерал Сидорчук. Провентилируйте вопрос.

– Есть.

– А товарищ вам поможет, – шеф кивнул на человека в чёрном свадебном костюме. – Кстати, он ваш коллега по прежней вашей службе. Совещание окончено. С товарищем познакомитесь сами. Приглашайте его в свой кабинет, и с Богом! Да, учтите связи сахалинцев с Одессой. Родственница одного из них – Сара – вывезла большую сумму наличности с багажом, скупает по Киеву доллары. Наезд за наездом. Её партнёров в совете директоров необходимо блокировать... Только Одессу не впутывайте, обрежьте все кончики осторожнее.

9. Голоса из небытия

Пока Михаил Оршанский, тревожась, добирался домой по запруженным московским улицам, на далёком Сахалине, где то ли начинается, то ли кончается Родина, среди ночи проснулся Роман Бахтияров. Его будто бы кто-то толкнул во сне, и он услышал голоса из небытия:

– Эй, бодрячок, вставай! Хватит спать!

– Вставай, Ромчик, вставай! Москвичи что-то замышляют.

Голосов было много, прямо хор какой-то. Что странно, Ромчиком его никто не называл дома: ни жена, ни тёща... Есть, правда, одна женщина, любившая имя Ромчик. Но она давно в Иркутске живёт. «Неужели Галя вспомнилась? Но откуда ей известно о моих проблемах?»

Он встал и зашаркал босыми пятками на кухню.

Пил чай и мучительно размышлял, почему Галя среди ночи разбудила его. Может, мужика получше не нашла, думает о нём? Да разве забудешь то, что случилось между ними? Была любовь, а при встречах и страсть была. И зачем она уехала в Сибирь за мужем, года два рубившим их спайку? Бухгалтер, каких мало. В своё-то время не только любовь, но и бизнес общий был. И муж-гадина был при деньгах! А теперь перебиваются с чая на воду в сибирской глухомани. Вспомнила, дурёха! Были у него женщины, были... С Ирой роман состоялся и до сих пор продолжается. Для всех – Заира Карловна, а для него – Ирочка. Палочка-выручалочка, профессионально деньги караулит в бизнесе. И в постели – высший класс. Но Галя – это другое...

И вдруг его пронзило. В сонном многоголосье он явно слышал: «Вставай, Бодрячок!» Так его в дни лихие, перестроечные, в очень узком кругу звали деловые друзья. Бодрячок! Он всегда был на взводе и нацелен на крупный куш. Занимал тогда приличную должность в органах власти. Распоряжался немалыми деньгами. Деньги лезли в руки сами – из казённой реки. Выпрыгивали на манер сахалинской кеты, а он, Рома, никому не позволял глушить их точёной битой, ни одна ассигнация не пострадала, мешками таскали...

Помнится, пришёл Корытин, руководитель кооператива по ремонту дорог. Прозывали кооператив «Подорожником». И сразу быка за рога:

– Давидович, дай мне заказ! Я тебе двадцать процентов отката наличными принесу в чемодане.

С Корытиным они не раз проделывали подобные штучки. Но бизнес есть бизнес, и он, улыбаясь, тут же ответил:

– Пак четвертинку предлагает.

– Набрось в цене, я тебе ещё больше дорог отмерю.

Договорились они тогда с Корытиным в два раза увеличить смету. Отец подсказал, подмог. Он уже тогда стал миллионером, ещё при совдепах – идиотах от сохи и партии.

А Бодрячком его прозвали одноклассники, ставшие влиятельными в разных завидных, но не видных глазу структурах. Чуть что: «Бодрячок решит, Бодрячок поможет, Бодрячок подкинет заказ...»

Роман Бахтияров силой воли вытеснил воспоминания и ту, минувшую жизнь, словно вытер салфеткой руки. Не зря Галя разбудила его. Ой, не зря! Так уже бывало раньше. Как-то под утро нашептала: «Не садись в машину. Иди на работу пешком». Не послушался, пропустил мимо ушей, ну и получай свою аварию: столкнулся с пьянчугой, обормотом с материка, очарованным медведями. Больше месяца провалялся. А крестьянина, балдевшего от Сахалина, зашибло насмерть. И сейчас Галя чувствует его на расстоянии. Не задумал ли чего Михаил Оршанский? Решился? Пока молчит. Самое страшное и непонятное – тупое молчание партнёра. Значит, замышляет что-то. Понятно, не смирился, ведь увели они, Бахтияровы, бизнес от него. Нет, от молчальника не жди добра. Надо меры принимать.

Рома сидел в тишине кухни и вспоминал прежнюю жизнь. Женщины приходят под утро... Лица, лица... Кого из бывших выкинешь за борт? Каждый из них как бетонная свая, удерживающая фундамент зыбкой жизни от погружения в болото, трясину... Вот отца уже нет, и дрогнул фундамент, но есть ещё сила подставить плечо куда надо.

Под размышления Бахтиярова о жизни незаметно наступило утро. Из окна открылось осеннее, свинцовое море.

Странное для поздней осени, тихое и зеркально спокойное. На рейде порта – сухогруз, недавно купленный корпорацией. «Вот так и живём, и в кармане густо, и

суда новые покупаем. Потому что работать надо! Контроль менеджеров, их личный интерес – вот моя формула успеха», – нащупывал Рома остывшими подошвами дно под собой.

Водителя вызвал раньше обычного. Окна кабинета – во всю стену, выходят на золотоносное, то самое спокойное, свинцовое море. Простор! И этот простор подвластен ему. Ещё чуть-чуть, и он окончательно закрепит свою победу в подковёрном противостоянии со старыми акционерами. Придурки! Из Москвы захотели управлять бизнесом! Нет уж, дудки! Хотя из Москвы можно контролировать бизнес, но не с их социалистическими мозгами. Вот он, Роман Бахтияров, знает, как это делать. Переведёт управление финансами в Москву и сам туда уедет. В порту приписки оставит только текучку руководства. В Одессе надо бывать – тоже довод. Сара скупает заводик на его имя, на его имя – акция к акции. Сара – одна, её надо удерживать, как белорыбицу, не то ускользнёт замуж, и пиши пропало денежки, да и всё, что пожелает, вместе с ними.

Спокойный ход мыслей прервала секретарша:

– Роман Давидович, из Москвы факс пришёл с досылкой оригинала по почте.

– От кого?

– От Оршанского. Собрание акционеров объявляет. Внеочередное.

– Что?!

Он вырвал из рук секретарши листок бумаги. Ох, как некстати! Не время сейчас! Не всё успел подготовить. Да и дело уголовное возбудили – под Кликуна копают? А может, и под него, Бахтиярова? Неспроста прилетал Костин! Ещё бы полгодика. Как же так? Ведь он, усыпляя бдительность московского молчуна, платит ему большие деньги, ублажает, когда тот приезжает на остров: приемы, рыбалка, почёт... И вот вам – битой по башке! Где он прокололся? Что тот вынюхал? Теперь борьба ожидается нешуточная. Не дай Бог, если Мишаня включит «Торнадо»! Значит, демонстрация пренебрежения к «Торнадо» не подействовала на него? Возьмут под контроль совет директоров, а дальше и генерального директора заменят. Выбьют все козыри из его рук. Ну нетушки... Ещё не вечер! Механизм власти пока в руках! Это – кнопка секретарши, совещание преданных соратников... «И Стасику, Стасику позвони, пусть зайдёт ко мне ровно через пятнадцать минут!» – крикнул вдогонку девушке. Жаль, нет с ним отца! Нет никем не побеждённого в земной жизни борца. Зато числится в обойме генерал Сидорчук, как в добрые социалистические денёчки.

В дверях возник сын Стасик – копия двоюродного братца Эдика, но повадками в деда. Они долго шептались, заперев дверь на ключ. Что они там планировали? Кто-то тотчас узнает. Ведь офис наводнён подслушивающими жучками для москвичей, всё – для их контроля, когда приезжают. Но и москвичи имеют в офисе свои уши. А к аппаратуре люди, понятно, приставлены. И поползли по маленькому портовому городку слухи, мол, Бахтияровы задумали неладное.

Что есть ладное? Что неладное? Слухи доползли до серьёзных ушей. Вызвали Романа, предупредили, чтоб ни-ни... Откуда известно? От верблюда, как говорится.

Вскоре Бахтияровы присмирели, лоск их потускнел на некоторое время «Х».

10. Где море сходится с небом

Пройдёт ещё некоторое время. Опять друзья будут сидеть за коньячком и обсуждать планы предстоящего проекта «Торнадо».

Пётр Григорьевич долго и нудно станет рассуждать о мафии. Оршанский будет молчать, загадочно и многозначительно улыбаясь. Видимо, ему известно нечто, неведомое другим. Откуда известно? Из мобильника!.. Застрекочет, запоёт маленький уродец – и всё: перед нами другой Миша Оршанский, говорливый, инициативный, деловой, весёлый и ещё много какой...

Вот недавно звонил ему Саша Кизюкин и доложил обстановку в судоходной компании: вместо Кликуна теперь новенький распорядитель, Алик Мурденович. А что? Не зря почти три года директор корпел над финансами и терпел полупьяное самодурство Валеры. Деньги Давида Бахтиярова для него ничто. Выжидал и дождался своего часа. Господин Рябов из московского особняка всё предусмотрел и с честью справился с задачей, поставленной своим всемогущим шефом. А Саша, став истовым буддистом, сохранил своё место. Не зря же он ежегодно ездит в Корею поклоняться статуе Будды, вознесшейся поверх голов высоко в горах. Хотя что в корейской головке зреет? Какой силой заряжается он там, высоко в горах?

Поживём – увидим, если представится возможность.

Кликун исчез. Куда? Кое-кому известно, куда... Осел он у чёрта на куличках, аж в Намибии, где африканской алмазной пылью лечат СПИД, при этом заманивая белокожих соплеменников в кресло из красного дерева или на праздник к зулусам. Он и сам, белый и мясистый, везде нарасхват.

Один человек без недостатков изрёк: мафия – везде, мафия – непобедима. Но в России, если действовать по тарифу, её можно без оружия сперва раздраконить, а потом узаконить! При чём тут «Торнадо», депутат Родотей и генерал Сидорчук?

Да и Бахтияровы теперь под другими – сами в услуженье наперегонки с Кликуном. Согласились на роль «мяса» в другом бизнесе. Усердствуют! Заира Карловна сошлась с Ромой. Вместе они то ли в Находке, то ли во Владике изводят финансы, выделенные казной на жильё для социально незащищённых детдомовцев, инвалидов, ветеранов, бездомных. Склёвывают крохи со стола, думаете? Нет, воровать, так с шиком! Заветы Давида Ивановича – заветы ещё приснопамятных времён всеобщего совдепа. Не пропадут Бахтияровы, ой, не пропадут!

Погода же на Сахалине – прежняя, неустойчивая: то тучи огромное небо покроют, то остров купается в солнечном свете... И такие перемены случаются по несколько раз на день. Как в последние времена. Другое чудо: на дороги выходят медведи, забредают в посёлки, случается, залазят в дачные домики, рассыпанные по берегам речек, и пакостят.

Не повезло очередному отпрыску Давида – Стасику: наглушив рыбы в одиночку, без незаменимого Кизюкина, и в одиночку же добыв икры сколь душе угодно, велел дачной экономке истопить баню. По местному обычаю, после пару-жару вздумал прыгнуть с берега в омутишко, так сказать, для здоровья, а вышло на беду: за дверью облизывался медведь, сшиб несчастного «макику» когтистой лапой. Что ж, судьба, рассуждали люди, играет человеком! Отец сбежал с острова, зато сын попался – судьба одна на двоих. Про Сару и её банки с красными ядовитыми червяками давно на Сахалине позабыли. Не медведь же её зашиб? Одесса далеко, и людям дела нет до тамошних сплетен.

Зима, опять зима, ледяной припай у берега и тишь с поднебесья, временная, до налёта свирепых штормов, которые запросто поломают лёд, сгонят его в торосы, более дикие и пустынные, чем лесные поляны и склоны сопок с застывшими темноликими деревьями.

Вот оно – разливанное море солнечного света, накрывшее сахалинскую землю и отражённое в алмазных

искорках бело-голубого снега! Местами дорога словно в туннеле снежных сугробов, вырвется из туннеля и бежит себе по равнине с её соглядатаями-сопками, уснувшими, считай, на полгода.

В кои веки побывал Александр Костин на острове зимой. И вот возвращается в напевный лес Подмосковья. До аэропорта чуть меньше часа пути, он из машины наслаждается видами солнечного снежного раздолья...

Много-много лет назад молодой специалист Саня Костин приземлился на острове. Из Южно-Сахалинска в Холмск добирался в вагончике с печкой посередине, в которую проводница подкидывала уголь совком. Настроение весёлой и беззаботной юности переполнялось ожиданием встречи с влекущей романтикой моря. И всё потом получилось, почти как мечталось! Романтика морской жизни, романтика любви...

Хотя по-всякому было! «Были бури, были ветры...» Мир природы менялся, но не изменял ему.

До чего же сегодняшний зимний день схож своей первозданной свежестью с тем, который он поглощал влюблёнными глазами из окна вагончика, мчавшегося в снежной пустоши! И какое дело миру природы до человеческих страстей?! Этот мир живёт своим умом миллионы лет и будет дальше жить, если человек не испортит его вторжением в хрупкую и звенящую чистоту.

Где-то в заснеженных берлогах пережидают зиму медведи, а Охотское море у Сахалинского побережья покрыто торосами льда. Но сойдёт снег, растает лёд на нерестовых реках, и будут опять бродить медведи вдоль берегов в ожидании, когда косяки горбуши, а затем кеты, подчиняясь законам природы, ринутся против течения к нерестилищам...

Прикрыв веки, Костин, покачивая в такт головой, напел строфу из своего дневника тех давних лет:

Здесь ветер моря пахнет хлебом,
Здесь начинается рассвет,
И море сходится здесь с небом,
И каждый здесь в душе – поэт.

«Слава Богу, что линия моей судьбы прошла через Сахалин», – думал Костин, а вслух сказал провожавшему его Иванчику:

– Завидую тебе, ты остаёшься.

– Так останься и ты.

– Нет, жизнь вспять не повернуть. Хотя сегодня мне на время удалось.

Иванчик посмотрел на него с удивлением, но промолчал: он – один и сам себе мафия. Сам себе приказывает, сам исполняет.

Машина легко катила по дороге, бежавшей среди снегов долины, обрамлённой сопками с чёрными и голыми деревьями, а Костин думал о весне, об осени, о том, как умопомрачительно прекрасны восходы и закаты на Сахалине. На Охотском побережье можно увидеть стаи белых и чёрных лебедей. Птицы останавливаются на отдых при перелётах на север, к местам гнездовий, а по осени возвращаются с многочисленным молодняком. Что может быть красивее этих величавых птиц, плавающих весной среди льдинок на восходе?

А красота осени, когда в спокойной глади воды отражаются гордо плывущие Божьи создания? С берега, словно девы в нарядных платьях, безмолвно и, может быть, с завистью наблюдают за ними берёзы, рябины и осины: скоро улетят лебеди на юг, к солнцу, а им, голым, судьбой уготовано пережидать долгую зиму под завывания ветра на виду у скованного льдами залива.

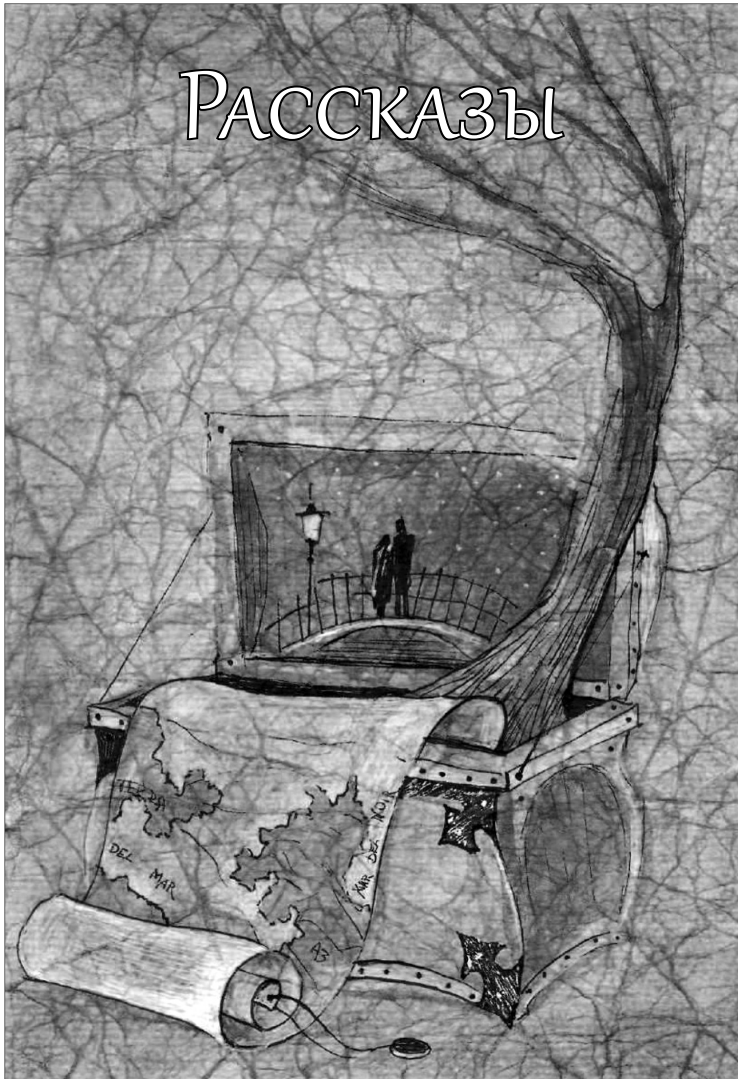
Увидит ли он, Костин, сахалинскую красоту в лучах закатного солнца ещё раз? Увидит ли низкорослый шиповник с огромными красными ягодами, что растёт на песчаной косе недалеко от маяка Слепиковского? А ту-

гие боровички, что прячутся под кустами среди берёзок и сосенок?

Говорят, в последнее время всё чаще встречаются медведи, даже на дорогу выходят. «Что-то случилось с природой. Изменился мир, ой как изменился, природа мстит людям», – подумал Костин и незаметно для себя стал дремать. И то ли привиделось ему в полудрёме, то ли приснилось: на берег Татарского каждый день осенью приходит одинокий человек и любуется закатом солнца. А над ним – чистое и ясное небо. Спокойная гладь воды, отражаясь в лучах закатного солнца, переходит в далёкую, но чётко выраженную линию горизонта.

Огромное красное светило опускается всё ниже и ниже, а затем постепенно погружается в солёные волны пролива. И вот наступает момент, когда красный краешек шара исчезает в воде, но горизонт ещё некоторое время продолжает отсвечивать заревом ушедшей жизни. Сгущаются сумерки, и тьма накрывает сахалинский мир. И каждый раз человек начинает сомневаться: вернётся ли светило из ночной тьмы?

Сахалин – Москва, 2010 год



БЛАЖЕННЫЙ КИРИЛЛ

Молчание Шурика

Рано утром в хату старика Степана Каведецкого без стука вбежала запыхавшаяся соседка, с порога крикнув по привычке: «Есть кто дома?» У нас в селе всегда без стука заходят в дом. А чего стучать? Хозяева и так слышат, как топают на крыльце и дверь ногой открывают.

– А где мне быть? – хмуро ответил Степан. – Чего в такую рань припёрлась?

На столе стояли бутылка с мутной жидкостью на донышке и две рюмки. Одна рюмка была накрыта тоненьким ломтиком ржаного хлеба. Обычно весёлый старик Каведецкий на этот раз не был расположен к разговору.

– Степан, говорят, что Кубасов вчера умер в больнице, в Хмельницком. Ты слышал что-нибудь?

– Вот поминаю. Налить?

– За упокой его души. Царство ему Небесное. Отгулял. Отмаялся сердешный.

Помолчали. Через окно на стол упал тяжёлый луч раннего августовского солнца, осветив пустую бутылку, рюмки, немудрёную закуску – кусочки сала на тарелке, хлеб и пучок лука.

– Степан, сама слышала, как он в прошлом году, когда его Веру хоронили, сказал на кладбище: «Долго я не

задержусь. Через год она меня к себе заберёт. Вот здесь моё место будет, в её изголовье».

– А я другое слыхал. Выпивали мы с ним. Я ему и сказал, не помню почему: «Доживи до моих лет, тогда узнаешь, что такое старость». Ему ведь только семьдесят семь исполнилось, а мне уже восемьдесят три стукнуло. А он возьми и ответь: «Когда мне будет восемьдесят, ты меня дома не застанешь». Вот и понимай сказанное покойным как знаешь.

– Наверное, думал, что вечно так будет по бабам бегать. Больно шустро бегал!

– Дура ты, Марфа. Теперь я его действительно дома не застану.

Для села смерть Кубасова была полной неожиданностью. Был он довольно крепким стариком. Последние пятнадцать лет один справлялся с домашним хозяйством. Первые годы после того, как жена Вера заболела, даже корову держал и сам доил. В хозяйстве были куры, поросёнок, огород. По весне воткнёт рассаду огурцов или помидоров в землю, разок-другой заглянет к ним летом – прополет, подвяжет, а урожай на загляденье. Лёгкий был человек, и все это знали.

Кладбище за селом вширь и ввысь растёт. Сколько поколений там лежит! Некоторые фамилии со временем бесследно исчезли – никого не осталось. Вот, например, род Лещенко, Веры – жены Кубасова, какой большой был! Отец её, Фёдор Филькович – глава семьи, лежит на кладбище уже почти полвека. И мать – Марта Николаевна – похоронена рядом в восьмидесятых годах. А теперь в селе только дальние родственники остались, близкие все ушли на кладбище. И Вера, добрая душа, в прошлом году переселилась к ним, не дожив несколько дней до восьмидесятилетия. Долго болела после инсульта. Всех жалела, всё понимала. Незаслуженно страдала. Жила – мучилась и умирала в муках. Перед самой войной семнадцатилетней девушкой выдали замуж за русского солдата-пограничника. Маленькая речушка Вилия разделяла Украину на две части: восточную и западную, на берегу реки стояла застава, на ней и служил Иван Кубасов, высокий и статный парень с Волги. Влюбился он в украинскую девушку, поженились, но не прошло и месяца, как война началась. Сгинул солдат в немецком плену. Аккуратисты-немцы даже справку прислали – умер. А Иван не просто умер: бежал из немецкого плена – поймали, били, от побоев и скончался. Кто-то видел солдата в немецком лагере, и весточка дошла до села уже после войны. Вера работала в колхозе, воспитывала сына, а в пятидесятых годах заехал в село младший брат погибшего мужа Трофим, чтоб свидеться с вдовой и с племянником познакомиться. Так и остался Трофим в селе, женился на вдове, и родила Вера от него сына Владимира. Трофим, в отличие от спокойного и рассудительного Ивана, был натурой вспыльчивой и любвеобильной. Обладал прекрасным музыкальным слухом и красивым голосом. Пел замечательно. Его звонкий тенор знали многие окрест: где свадьба или какое-нибудь другое празднество – обязательно приглашали Трофима. Без Трофима свадьба не свадьба. И физически был очень крепким. До самой старости за ним никто из молодых угнаться не мог. Пьяным его никто не видел, хотя выпить любил, но свою меру знал крепко. Светло-карими яркими глазами и звонким голосом Трофим притягивал к себе взгляды женщин. По всем окрестным сёлам имел подруг. А лет двадцать назад сошёлся с молодкой Фроськой из соседнего села, при живом муже, и практически жил на два дома. Приворожила, говорят, Фроська его. Муж потом умер, а Трофим продолжал тянуть на своём горбу Фроськино хозяйство. Хотя и Веру не бросал.

К одиннадцати утра сын привёз из Хмельницкого отца в гробу. Последнюю неделю Владимир не уходил из больницы. Ухаживал за отцом день и ночь и никак

не мог осознать случившееся. Странная история. Недавно был в селе, и всё было нормально. Отец не болел. А затем звонок, как гром среди ясного неба: упал дед с чердака в сарае и разбился. С улицы крики старика услышала соседка и нашла Трофима на бетонном полу. Медсестра Надя помогла, чем могла, и вызвала из района скорую помощь. Отправили деда в районную больницу, где в нейрохирургическом отделении ему сделали операцию с трепанацией черепа. Спустя какое-то время старик даже разговаривать начал, но не мог вспомнить, что с ним приключилось. Память как отшибло. Была надежда, что пройдёт время, поправится, и память вернётся. Но нет, потом ему стало хуже, потерял сознание. Отправили в область, в Хмельницкую больницу. Вот в этой больнице отец умирал тяжело и мучительно. С трудом можно было до него докричаться, и тогда он глазами или лёгким пожатием руки показывал, что слышит. Слышал-то слышал, а сказать ничего не мог.

Так и осталось тайной для сына и для всей родни, что случилось в том злополучном сарае. Может, село и знает что-то, но никто ничего не говорит. Из отдельных фраз, намёков, каких-то нестыковок Владимир понимал, что случилось что-то неладное, но истины добиться не мог.

Похоронили Трофима Петровича Кубасова под вечер того же дня. Были певчие, как положено. Провожали на кладбище всем селом. Приехал сын Веры Алексей.

Когда отпевали в хате, у гроба стояли соседи, в основном старые и больные люди. Здесь была и баба Мидора, жившая одна на противоположной стороне улицы. Муж умер, дети давно разъехались, вот и доживает век одна. Еле стоит у гроба, утирая слёзы уголком платка. Так же стояла со слезами на глазах, когда в прошлом году хоронили Веру. Жалко ей Кубасова. Безотказный человек был. А если что-то было не так, то – что теперь? Бог ему судья. Печально стояли старики и искренне

жалели покойного, и себя жалели. Жизнь вспоминали. Не было радости в колхозе в молодости, нет счастья и в старости без колхоза. Всё чаще на похороны приходится ходить. Невольно смотрят друг на дружку и думают: «Кто следующий?»

После похорон накрыли во дворе столы – стали поминать покойного. В селе не принято говорить речей во время поминок. Люди поднимают рюмки и закусывают. И перебрасываются между собой какими-то незначительными фразами. Хотя всё, что говорится, всегда имеет значение, но для внимательного уха.

– Говорят, лук рассыпал на чердаке сушиться и лазил на чердак проверить. Не удержался и упал.

– А чего тот лук проверять? Сушится и сушится. Чем ему поможешь?

– И то правда. Лук без нас и растёт, и сушится.

Невдалеке сидит дворовой пёсик Шурик и внимательно слушает, наблюдая за происходящим. Даже еда его интересует не очень. Бросят кусок – съест не спеша. И опять слушает. При жизни хозяина он молча, без показушного лая на чужих людей, служил деду Трофиму. Не за кусок хлеба, из любви к хозяину. Люди удивлялись его преданности и чутью. Уезжает дед Трофим на велосипеде в соседнее село – Шурик проводит хозяина до шоссе, вернётся во двор и ждёт. А если задержится хозяин, выбегает на дорогу и смотрит, не появился ли из-за бугра Трофим. Если Кубасов уезжал на автобусе, то Шурик выбегал к остановке и встречал автобус. Небольшой, рыжеватого окраса Шурик – скромный представитель беспородных собак, которые знают своё место и свою роль в хозяйстве.

– Шурик всё знает: зачем Кубасов на чердак лазил и как всё было. Да сказать не может.

– Пока Кубасов лежал в больнице, Шурик каждый день бегал на автобусную остановку, каждый автобус встречал.

– А что же он ел? Нелька-то тоже в больницу ездила. Помогала Володе за отцом ухаживать.

Нелька – это соседка, крупная, здоровая и ещё не старая женщина. При жизни Кубасова она помогала ему по хозяйству. Да и за Верой последний год ухаживала.

– Ко мне Шурик ходил. Я ему молока давал и так... разной еды. Придёт во двор и смотрит. Как не дашь? – вмешался в разговор немногословный Павло.

Павло – пятидесятилетний мужчина, среднего роста, худой. Он вечно чем-нибудь занят. То скотину пасёт, то корма на ферму подвозит, то в собственном дворе ковыряется, что-то ремонтирует, то помогает огород кому-то вспахать. Он один из последних и надёжных людей – колхозник: колхоз как был, так и остался, хотя на бумаге новая власть разделила и закрепила землю за селянами. Но кто её в одиночку обработает? Вот и передали землю по договорам в общее пользование. Так что колхоза как бы нет, но на деле он есть, потому что жив Павло.

– Две недели назад копали Ганке-костоправше могилу. Я из ямы не мог сам выбраться, а дядя Кубасов подтянулся на руках и выпрыгнул, – сказал вдруг молодой Старицкий.

Позднее, вечером, в узком семейном кругу стали обсуждать, как же мог покойный упасть с чердака.

– Как-то не укладывается в голове, что Трофим Петрович упал с чердака и разбился. Кто его видел в тот день? – вслух рассуждал Алексей, брат Володи по матери.

– Говорят, Фроська приезжала к нему с утра. И сын с ней был. Вроде они выпивали...

– Если выпивали, то без Нельки не обошлось. А она что говорит?

– Говорит, что в тот день была в селе Антоновке. Мол, алиби у неё имеется.

– Почему сразу – «алиби»?

– Знает что-то, а говорить не хочет, вот и ляпнула про алиби.

Научил кто-то.

– Так что же получается? Дело пахнет криминалом?!

– Вряд ли. Но много непонятного. Почему-то никто ничего не говорит прямо, а между собой шепчутся. Вон Андрон, что через три хаты живёт, сказал Мишке Косому, что видел, как Фрося со своим великовозрастным сыном убегала огородами на автобус, – сказал Владимир с горечью и добавил: – Живут по принципу: моя хата с краю, ничего не знаю. Пока самих жареный петух в задницу не клюнет.

– Если она видела, как Трофим Петрович упал, и убежала, то это статья уголовная – неоказание помощи человеку в беде, когда его жизнь находилась под угрозой.

– Откуда она про такие тонкости знает? Увидела, что разбился. Побоялась, чтоб не подумали, что она столкнула деда с чердака, и сбежала.

– Говорят, что Фроська домогалась, чтоб он деньгами помог её сыну. Вроде лошадь у того украли.

– А вот Хмарчук, он частенько на рюмку к деду забегал. Так на следующий день, как случилось несчастье, сказал, что никакой Фроськи там не было. А потом, когда выпивши был, стукнул по столу кулаком и рявкнул: «Была эта сука там, была! Но ничего никому говорить не буду».

– Бог им судья. Ничего не известно. Ничего не докажешь, – горестно проговорила Саша, жена Владимира.

На том и расстались, и все разъехались: кто в Киев, кто в Москву. Хату закрыли на замок и ключ отдали Нельке, чтоб присматривала.

Во дворе остался один Шурик. Как он жил и чем питался, никто не знает. Может, Нелька подкармливала, может, сердобольный Павло давал ему еду, но ког-

да Владимир приехал в село на сорок дней, то Шурик встретил его очень взволнованно. Он словно крутился вокруг невидимой оси, стонал, как бы пытаясь сказать что-то важное.

Оказалось, что Шурик каждый день бегал на кладбище и целыми днями сидел у могилы Кубасова. Посидит-посидит и бредёт понуро домой.

– Встретился мне как-то Шурик. Бежит, вижу, с кладбища. Посмотрел на меня, а в его глазах слёзы. Аж жутко стало, – рассказал Степан Каведецкий.

– Поминали Кубасова на девятый день. Пришли на могилку. Оставили там колбаску на газете, рюмку с водкой. Так я хотела переложить колбаску и протянула руку за ней. И что вы думаете? Шурик меня лапой по руке ударил, мол, не трогай! Я чуть в обморок не упала, – всхлипнула Нелька.

– Так, может, он сам колбаску съел? Шурик-то?

– И не понюхал даже... С нами убежал с кладбища.

На сороковой день пришли мужики, стали полукругом у могилы и спели деду Кубасову песню. Песню, которую он не раз просил, то ли в шутку, то ли всерьёз, спеть ему, когда он умрёт:

На рейде большом легла тишина,
И море окутал туман,
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:
Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море...

Почему именно эту песню? Ведь Кубасов никогда не был моряком. Может, в песне кроется тайна его несбывшейся мечты? Или тайна смерти? Кто теперь узнает?

Из-за тучи выглянуло солнце, щедро осветив кладбище, могилку и поющих мужиков, серьёзных и торжественных. Озарило во всю мощь тихое кладбище с современными памятниками и со старыми, почерневшими от времени крестами, свежий горб земли с новым деревянным крестом над ним.

На следующий день приехала в село милиция и стала опрашивать селян на предмет загадочной смерти Кубасова. Наконец-то спохватились. В частной беседе кто-то из милиционеров сказал, что не мог дед получить такую смертельную рану от падения с чердака. Мог, не мог, кто сейчас докажет или расскажет что-то? Разве что Шурик. Но Шурик смотрит на всех с тоской в глазах и молчит.

Безмолвная и несчастная собачья жизнь.

Через полгода, весной, колхозный сторож ночью выстрелил в бродящих возле фермы собак. Может, от скуки выстрелил, может, по пьяному делу, – кто его знает? Голодные собаки часто прибегали на ферму в поисках еды. Но по странному совпадению дробь попала только в Шурика и убила его наповал. Как единственного свидетеля. И ушла вместе с Шуриком на веки вечные тайна смерти жизнерадостного Трофима Кубасова. Бегал-бегал к могилке хозяина и ушёл вслед за ним в мир иной.

Рассветное утро старика Каведецкого

Старика Степана Каведецкого ничего в этой жизни уже не радует. Совсем ничего. Жена умерла, друзья-старики ушли в мир иной. Даже выпить толком не с кем. Дело ведь не в водке. Важно, с кем пить и что при этом происходит в душе твоей, а может, и во всём мире. С хорошим, всё понимающим собеседником и помолчать за рюмкой в радость. Одногодков в селе, считай, никого не осталось. Кажись, недавно похоронили Трофима Куба-

сова. Не старый ещё был, а вот и он отошёл, сердешный. Степан уверен был, что Трофим его хоронить будет, – почти на пять лет моложе. Трофиму под восемьдесят было, а он по бабам бегал, как молодой. А вот оно как получилось... Ведь вместе тогда выпивали. Эх, да что там говорить! Не хочется даже думать об этом. Если б он тогда не ушёл, может, и жил бы Кубасов. Упал с чердака. А эта, с Каменки, огородами сбежала. Как там было? Что там было? А Кубасова нет. И выпить по-настоящему, со смаком, с песнями, с шутками не с кем. А с молодыми разве посидишь? Пьянь подзаборная. Не успеет рюмку опустошить, а уже пьян. И до дому не дойдёт – уснёт на дороге. С таким ни поговорить, ни помолчать за рюмкой.

Степан Каведецкий сидел у сарая на бревне и с тоской смотрел на поленья дров. Готовит к зиме дрова, а пригодятся ли они? Всё делает по привычке: конец августа, днём ещё жарко, но он всегда в это время закладывал поленницу. В окне дома отражалось закатное солнце, словно пожар на селе где-то полыхал. Прислушался к щебету ласточек. Сидят, миленькие, рядком на электрических проводах и щебечут. Радуются последнему теплу. Вспомнил, как вернулся из армии и вот эту самую электролинию прокладывал. Своя электростанция в колхозе была, в селе Куневе, на реке Вилии стояла. Потом, конечно, отжила старушка своё, – село включили в общую украинскую систему электроснабжения. Где-то через год после армии женился на Нюре. Ждала его.

Печальное лицо старика Каведецкого осветилось изнутри, он даже слегка улыбнулся, но печаль снова, словно тучка солнце, накрыла его лицо. Два года уже как Нюры нет, а ему жить без неё невозможно. Дочь давно в городе устроилась. Наезжает с зятем по выходным, но нет радости от этих встреч. Ничего без Нюры нет.

– Степан, слышь, Степан! Володя Кубасов приехал. Просил передать, чтоб зашёл.

– А-а, Надька. Заходь, – оживился Каведецкий, услышав голос соседки.

– Не-е, не могу. Толик должен с заказчиком приехать. Пойду к столу соберу что-нибудь.

– А-а, тогда ладно. А я к Вовке пойду.

Он с непонятной для самого себя завистью посмотрел вслед соседке. Живёт при сыне. У того маленькая пилорама. Покупает лес, распиливает брёвна под заказ и продаёт. Дело есть. А что его зять? В городе ютятся в съёмной комнатушке, плохо им там, а никак от города не отцепятся. А он тут один кукует. Они его не понимают, и он их не понимает. Может, так оно и лучше, что врозь. Да почти все старики в селе без детей остались. Как будто вымело людей из села. Нина Ходунова, что у шоссе живёт, давно одна. Дочь где-то в Ростовской области, наезжает изредка в отпуск. А сейчас разве наездишься, дорого всё. Сын, правда, недалеко, в Луцке, по несколько раз в месяц наведывается. Хорошие у Нины ребята. Её к себе сманивают, но она не соглашается. Столько лет прошло после смерти мужа... Ни во что не вмешивается, ни в каких сплетнях деревенских не участвует. В хате чисто, опрятно. Правда, на село уже не ходит – ноги болят. Летом-то ничего. Можно на скамеечке во дворе покалякать с бабами. А зимой сидит в хате у окошечка, наблюдает за жизнью деревенской и радуется жизни, ждёт, когда дети явятся. Приедут дети – ещё большая радость. Вспомнил дальнюю родню – Катерину Подайрук, мать Саши, жены Володи Кубасова. Почти всю жизнь, считай, одна прожила. С тех пор как оставила мужа Валерьяна. И дочь воспитала и замуж выдала, и с внучками нянчилась. Хорошо жила. Никто о ней плохого слова не скажет. Но теперь она, как и вся её родня, на кладбище уже лет семь обитает.

Он долго ещё перебирал в памяти семьи сельчан. Получалось, что село стариковское. Рабочих рук раз-два, да и обчёлся. Заработков нет, что тут молодым делать? А с другой стороны, взять Надькиного Толика. Новый дом кирпичный заложил. Можно жить в селе, если с умом да не пить.

Стемнело, а Степан Каведецкий продолжал сидеть на бревне. Вспомнились молодые послевоенные годы. Село бурлило: танцы в клубе, игры, вон даже в футбол и в волейбол по воскресеньям играли. Каждый год на Ивана Купалу разводили огромный костёр за селом. Искры до неба взлетали, а потом, когда огонь спадёт, поутихнет немного, с хохотом прыгали через него. Он посмотрел на высыпавшие в небе звёзды. Вон маленький огонёк среди звёзд движется. Самолёт, наверное, а может, спутник. Этих спутников скоро будет больше, чем звёзд. Внезапно другой огонёк сорвался в вышине, полетел вниз и спустя мгновенье погас.

«Ещё одна земная душа улетела в бесконечность. Может, с моей Нюрой там встретится?

Огромное небо, огромный мир. Что там? Какие ещё миры за теми звёздами, что нам с Земли видны? И где тот другой, незримый мир, куда переселилось несколько поколений из маленького села Долочье? И Нюра там? И Кубасов? И Катерина? Сколько их там, и где они все умещаются? Вона сколько за тыщи лет ушло с Земли людей».

Он тяжело поднялся с бревна и пошёл к Кубасову. Володя с Сашей ужинать не начинали, ждали Каведецкого. За ужином старик оживился, пропустил пару рюмок. Рассказывал о послевоенном житье в селе. Лицо стало ласковым и добрым. Он перестал быть похожим на вечно колючего Степана Каведецкого, который любил подшучивать над всем и вся. Глаза его излучали тихий и печальный свет. Как будто он был здесь, за столом, но глаза видели что-то другое, может, это была вся его прошлая жизнь, или тайна какая звала и не отпускала. А может, он увидел то, что не могли видеть другие, – пришла пора, и ему стало возможным приблизиться к тому месту, откуда и прошлое, и грядущее как на ладони.

Назавтра утром Володя засобирался ехать на машине домой, в Киев. На улице было сыро – ночью дождик прошёл. Летом так бывает: днём жарит, спасу нет, а ночью пробежит скорый дождик, а то и короткий ливень. Утром благодать. Птицы поют пуще прежнего, солнце взойдёт в полнеба, а воздух, как говорится, – дышать и не надышаться.

«Эх, остаться бы здесь ещё на недельку! Так нет – ехать надо», – подумал, доставая воду из колодца, чтоб в дорогу с собой взять.

Перед отъездом забежал к Каведецкому занести продуктов. Была суббота. Старик сидел на кухне, как будто и не ложился спать.

– Дядя Степан, мы уезжаем. Позвонили на мобильный с работы. Вызывают. А вы что так рано встали?

– А я и не спал. С вечера не спалось, так до первых петухов глаз и не сомкнул. А потом заслушался. Ох, и поёт-заливается Надькин маленький пёстрый петух! На всё село голосит. Куда там моему увальню. Здоровый, а голос словно надтреснутый. Ещё Нюра, небожка, его завела. При ней пел на всю деревню, а после её смерти пропал у него голос. Хрипит.

Володя с удивлением посмотрел на старика: чтоб Каведецкий рассуждал о пении петухов? Такого представить невозможно. У него всегда были разговоры о делах сельских да воспоминания, как оно раньше было. А тут смотрит в какую-то дальнюю точку голубыми, выцветшими глазами, словно невидящими.

– Ближе к утру мелкий дождик пробежал, так я вышел во двор, а небо чистое. Откуда тогда дождик? Как думаешь, Володя?

Не дожидаясь ответа, старик продолжил:

– Я сегодня, Володя, словно в первый раз рассвет увидел. Жизнь прожил, а рассвет вот так не встречал. Всё некогда было, всё бегом. А тут сижу на кухоньке, а в окне вдруг лучик блеснул. Вышел, а солнце над верхушками леса встало. А птички-то как поют! Вот истинно создания Божие, невинные.

Володя молчал. Понимал, что надо молчать.

Старик вздохнул, умиротворённо улыбаясь:

– Не было в моей жизни таких рассветов. И Нюре не смог показать. Она, сердешная, солнце встречала на грядке. Не в небо смотрела, а в землю. Зато теперь, наверное, с неба смотрит, – он опять вздохнул и добавил: – Лучше бы ты задержался ещё на денёк, Володя!

– Самому хочется, но вызывают. Надо ехать.

На том и распрощались. Старик Каведецкий ещё долго стоял у калитки, словно ожидая кого-то.

В дороге Кубасов задумался о последнем разговоре со стариком. Рассвет как рассвет был. Что в нём необычного? Володя любил на рассвете посидеть с удочкой у речки. Но ему в голову не приходило любоваться рассветом и кому-то об этом рассказывать.

«Как-то странно дядя Степан говорил, – рассуждал он. – Как будто со мной говорил, а сам уже где-то в другом месте находился. Может, он по дочери заскучал. Так она сегодня должна к нему приехать на выходные».

Вечером ему позвонила Люся, дочь Каведецкого, и сказала, что отец умер. Приехали с сыном в обед и нашли деда сидящим за столом. Рука подпирала голову. Подумали, что уснул, а он уже холодный. Одет был во всё праздничное. Перед ним стояла полная рюмка самогонки, покрытая ломтиком ржаного хлеба.

На следующий день утром Володя Кубасов уехал в село на похороны старика Степана Каведецкого. Небо было затянуто сплошь тучами. Моросило. Погода повернула на осень.

Брошенная

В тёмном осеннем пруду кружились гонимые ветром золотистые листья клёна.

«Словно звёзды в ночном небе», – подумала Татьяна Петровна. Её печальные красивые глаза оживились.

Однако блеск в глазах тотчас иссяк, будто тучи снова набежали на лицо и, закрываясь от них, она отвернулась от пруда. Похожей красоты женщин можно встретить только в провинциальных русских городах, вдали от московской суеты.

Тонкие черты не молоденькой, но ещё очень привлекательной женщины... Прямой нос, маленький изящный подбородок, фигура тонкая и не потерявшая ещё своей гибкости. И большие карие глаза.

Татьяна Петровна смотрела на кружащиеся над водой листья, и жёлто-красный хаос мыслей метался вокруг. Покружат, покружат листья клёна и опустятся на илистое дно. Сгинет, пропадёт красота, превратится в частицу ила. А душа? Оголилась её душа и стынет, стынет.

«Брошена, брошена...» – била острой болью в сердце неотступная мысль.

Мужем брошена, отринута, не хозяйка дома, не жена. Вчера ещё был праздник: она гуляла в усадебном парке и любовалась багрянцем кленовой листвы, солнечные предзакатные лучи проникали сквозь золотое марево листьев и отражались в чистой и светлой воде пруда.

Приехал из Москвы муж Вениамин – чужой, отстранённый. И вместо приветствия и поцелуя тут же объявил, что он от неё уходит. На её недоуменный и встревоженный взгляд резко ответил:

– И не смотри на меня так, как будто я серийный маньяк. Нормальный я мужик. Не получается у нас с тобой. Да и влюбился я.

– Веня, ты шутишь? Разыгрываешь меня? Да?

– Какие уж тут шутки?! Бросаю я тебя. На Ленке, секретарше, женюсь.

И всё. Муж немедленно уехал в Москву. А она вот стоит у пруда и не может до конца понять, что случилось. Умом понимает, а душа не принимает. Не принимает никак, и всё. Ей почти сорок лет. Двадцать лет в браке. Дочь Катя на первом курсе театрального института учится. Как теперь вести себя с друзьями, со знакомыми? Весь мир, близкий и родной мир в одночасье стал рушиться. Как можно это принять? Неправда это, неправда! Она вдруг выпрямилась и побежала в дом, чтоб позвонить.

– Лена, это Татьяна Петровна. Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Простите, Татьяна Петровна. Я люблю его. Простите... Он сам вам всё сказал...

И в трубке набатом зазвучали долгие гудки.

За одну ночь мир стал иным. На траве светится изморозь. Подул пронизывающий северный ветер, по небу бежали тяжёлые рваные тучи. А клёны стали голыми, сиротливыми, совсем не похожими на себя вчерашних. За одну ночь!

Развелись тихо, без шума. Ушли в прошлое истерики и стыд от пронизывающих и всё понимающих взглядов бывших подружек. Большинство из них были жёнами друзей Вениамина, и все они тут же от неё отвернулись. Дочь восприняла развод родителей спокойно, сойдясь по-дружески с новоявленной женой отца. Это с мачехой-то при живой матери?! Татьяна Петровна не забыла, не простила, не смирилась.

Прошло время. Опять роняли клёны листву, опять подуло холодом, засверкали льдинки на лужах. Через год она стала уже подумывать о том, что их развод с мужем – развязка бабьего лета... И, может быть, в этом была её вина? Ушло влечение, осталась привычка: позаботиться о муже, встретить его с работы, проводить. Порвались те нити таинства, которые связывают мужчину с женщиной. Она вспомнила, как раздражалась по ночам, когда муж начинал во сне храпеть. А его нестерпимая привычка пить чай, втягивая со свистом жидкость! Как-то она мягко сделала ему замечание, но он с обескураживающей улыбкой ответил: «А мне так вкуснее!..» А ещё растущие волосы на мочках ушей. Когда она с ним разговаривала, то старалась не смотреть на уши, чтобы не видеть этот кустившийся пух. Может, она его первой разлюбила? Кто его знает? А может, никогда и не любила?

Ни шатко, ни валко стали переваливаться года. Она привыкла к положению брошенной жены. Ей стали нравиться свобода и независимость. Ей стало нравиться гулять одной или с новыми подругами по улицам города, всматриваясь в лица прохожих – мужчин и женщин. А ещё ей стало нравиться ловить на себе взгляды мужчин! И что самое главное: она как-то вдруг обнаружила, что с удовольствием всматривается в лица мужчин.

– Таня! Что с тобой? Ты вся светишься! С мужем сошлась? – как-то спросила приехавшая из Таганрога подруга. – Ты так помолодела!

– С каким мужем?! Чур на тебя! Я наслаждаюсь одиночеством.

– Ну, Танюха! Видно, тебе недолго осталось наслаждаться одиночеством. Мимо такой красавицы ни один стоящий мужик не пройдёт.

После развода она стала работать экскурсоводом в художественном музее «Наше наследие». Не из-за денег. Денег хватало. Муж оставил ей достаточно средств, чтоб жить безбедно. Да и усадьба с квартирой вблизи любимого пруда в переулке Гнилой Овражек осталась за ней.

Как-то она собралась к сослуживице отметить день рождения и взяла на работе отгул. Полдня потратила

на магазины, но купила миленький подарок – серебряные подвески. Возвращалась домой в прекрасном настроении! Представляла, как явится к подруге в новом розовом платье с подарком в коробочке, упакованной в магазине в ярко-синий пакет.

«Синий цвет на фоне розового платья? Должно быть красиво. Да и подарок что надо! Камушки из аметиста подходят к цвету чёрных глаз подруги», – подумала, входя в свой подъезд.

Времени до встречи было предостаточно, и она не спешила. У лифта стоял молодой парень в майке, с чемоданчиком, с какими обычно ходят слесари по вызовам. Высокий, с накачанными бицепсами, парень ей сразу понравился. Открытый взгляд широко поставленных глаз. Улыбчивый.

«Красивый парень, но очень молодой. Какого чёрта я на него пялюсь?» – подумала Татьяна Петровна и демонстративно отвернулась, бессознательно улыбаясь.

– Вы так хорошо улыбаетесь, что так и хочется прикоснуться к вашей улыбке, – вдруг неожиданно сказал парень и, поймав её взгляд, добавил: – Губами.

«Нахал!» – радостно подумала она и ничего не ответила.

От парня шёл какой-то незнакомый запах. Резкий и притягательный.

«Банальная ситуация: молодой слесарь и молодящаяся дамочка едут в лифте. И у них завязывается роман», – мелькнула мысль.

– Так это вы здесь живёте? Вызывали слесаря? – спросил парень, когда они вышли из лифта на её этаже.

– Я не вызывала. Наверно, соседи. А вы что? Слесарь?

– Нет, я – инженер. Но был срочный вызов. Никого из слесарей не оказалось.

«Чем же от него так приятно пахнет? С ума можно сойти!» – подумала она, открывая дверь квартиры.

Парень продолжал стоять, наблюдая за ней.

«А вдруг он бандит?» – она, резко развернувшись, посмотрела на парня:

– Вам что-то нужно?

– Да. А впрочем, нет. Я у соседей спрошу.

«Какого чёрта я вступила в разговор с незнакомым мужчиной? Дура! И почему он так смотрел? А запах, запах... Дура, дура! Да это просто запах пота молодого и здорового мужчины...» – и она отправилась в ванную принять душ.

Только успела раздеться, как в дверь позвонили. Наскоро набросив лёгкий ситцевый халатик, она побежала к двери, почему-то понимая, что это тот самый парень, и бессознательно желая, чтобы это был он.

– Я... я хотел бы позвонить. А у соседей никого нет. Можно? – спросил парень, когда она открыла дверь.

– Нет! Конечно, да... Нет. Входи, – забормотала она, теряя самообладание от звериного запаха его тела.

Её глаза заиграли золотистым цветом, словно кленовые листья на воде. Парень шагнул к Татьяне Петровне, она качнулась, падая и не понимая, что с ней происходит. Он подхватил её, прикосновение сильных рук обожгло тело, ситцевый халатик распахнулся, обнажились нежно-розовые крупные соски. Сознание обмякло, стон вырвался из груди, она стала хвататься руками за что ни попадя, пока не ощутила под цепкими пальцами мужские плечи.

С тех пор её жизнь как бы разделилась надвое: всё, что было до встречи с Олегом, не имело больше никакого значения. Как будто той жизни не было. Не было Вениамина и даже дочери. Была ли прошлая жизнь? Разве сразу вспомнишь? На счастье, дочь вышла замуж за американского фермера и почти перестала появляться в жизни Татьяны Петровны. Её жизнь – это Олег, маленький сын и любовь... И пусть разница в возрасте пятнадцать лет. Пусть... Олег влюблён в неё до бес-

памятства. И пусть их сын Олежка – одногодок внука. Неважно. Она тоже влюблена в Олега до беспамятства. А что ещё ей нужно? Муж, ребёнок и она, возлюбленная... До какой поры, до какого срока? Надо ли считать осени, зимы? Или пусть всё идёт так, как идёт? Кто знает, сколько продлится это блаженство: день, два, неделю? Разве хочется об этом думать, когда мир вокруг прекрасен? И счастье переполняет его.

На ажурном мостике, перекинутом через пруд, в старинной усадьбе, стояли мужчина и женщина. Сквозь золото листвы осенних клёнов пробивались лучи закатного солнца и освещали чистую и покойную воду.

Смысл всей этой жизни – в любви. И нет и не будет другого смысла.

Певица

И радость светящаяся, и скука суетная – всё есть в её жизни. Но радости намного больше. Два сына: младший ещё школьник, но уже музыкант настоящий: скрипка, флейта, гитара – всё ему подвластно. А всё она! Её настойчивость, её забота и, наконец, её уроки музыки сделали из Олега музыканта. А старший, Святослав – нет... он из другого теста, будет юристом. Вот муж... А что муж? Живут в любви и согласии. Как голубки, воркующие у весенних нечистых луж: вокруг месиво грязное, чавкающие ботинки, гарью дышащие авто, а им всё равно – у них любовь. Они не видят этой неуютной суеты, смотрят друг на дружку и воркуют, воркуют под ярким весенним солнцем.

Женщина лет за сорок, но статная, поёживаясь, смотрела в сторону Крещатика. Утреннее небо было затянуто сплошными тучами, такими низкими, что, казалось, они заглядывают в окна старинного доходного дома на Владимирской горке.

Мокрый снег вперемешку с мелким дождём. «Б-р-р... И это январь. Но хочешь не хочешь, а надо. Вперёд, Светик! – подбодрила сама себя. – Вас ждёт холодная купель, сударыня!»

Светлана Непейвода каждое утро, летом и зимой, купалась в Днепре. И не боялась простудить голосовые связки, хотя и была певицей. Окунётся в прорубь, и – будто бы родилась в водах – в глазах вспыхивают огоньки.

Светлана выбежала из дома и, перекрестившись на старинный костёл, пустилась вниз к реке. Пока семенила, перебирая камни тротуара каблуками спортивных ботинок, в голове складывался день: репетиция на студии, потом – запись песни. Как она пойдёт? Поэт Родин из Москвы будет на записи.

У дымящейся проруби быстро освободилась от спортивных брюк и свитера и в одних плавках решительно прыгнула в прорубь. Она начала купаться зимой ещё со студенческих лет, и всегда – без лифа. Говорят, что холодная вода делает груди твёрдыми. И действительно: её маленькие груди с ярко-красными сосками вызывали в студенческой среде зависть. А Георгию и сейчас нравятся! Хотя Георгию по статусу положено восторгаться. Муж всё-таки. А дирижёр оркестра, старый хрыч Леонтьевич? Так и норовит при случае прижаться. Или вот недавно в трамвае какого-то пьяненького мужичка качнуло, а он давай облизываться, как на масленицу кот, и бормотать: «Ну и ну! У тебя что там? Камушки? Давай в кино сегодня сходим, а?» – норовил привязаться.

Выскочив из проруби и не обращая внимания на зимних купальщиков, она стала, как обычно, растираться полотенцем до красноты кожи. И тут она увидела его: в красных узеньких плавках, под два метра ростом, му-

скулистый, с копной чёрных волос. Господи! Он стоял босыми ногами на льду и восторженно смотрел на неё.

– Ой! Мама родная!

Где полотенце?! Ну ёлки-палки! Прикрыться бы!

– Сеньорита, простите. Вы – Непейвода? Певица Светлана Непейвода? Ваш поклонник – Илья Гусаров. Не имел чести встретиться раньше. Но мечтал.

Она замерла перед ним в стыдливой неловкости под твёрдым взглядом мужчины...

«Илья Гусаров! – молнией пронеслось в голове. – Не может быть!»

Кто из артистической братии не слышал о знаменитом меценате Илье Гусарове? Геолог, нефтепромышленник, золотоискатель... А кто он на самом деле? Ловелас, сердцеед? Слухами о его деньгах полнилась вся земля киевская. И он легко их тратит. Тратит на артисток. Многие известные звёзды и звёздочки российской эстрады обязаны своим восхождением на желанный олимп ему, льву артистических тусовок. Зашуршали в голове мысли, словно золотинки пляжного песка, где некогда они встретились с мужем.

Гусаров, приложив руку к сердцу и слегка поклонившись, продолжил:

– Сеньорита, специально приехал из Москвы, чтоб познакомиться с вами. Вы – лучшая певица в Украине. Первый раз в жизни окунулся в зимнюю прорубь только ради вас.

– Сеньор, – оправилась Светлана от смущения, – благодарю вас за внимание. Я – не сеньорита, я – сеньора. Благодарю за честь.

Знакомство состоялось. Светлана легко побежала вверх из-под кручи, плохо замечая ступени, как олимпийский чемпион бежит с факелом, чтоб зажечь огонь в чаше. Вот так и она бежала, гордо неся свой восторг от встречи с красавцем, богатым и щедрым богом. Надо же! Будто ради неё приехал в Киев! Заранее выяснил, что она по утрам купается в этой проруби! И ради знакомства с ней нырнул в эту самую прорубь! И сегодня они встречаются! К чёрту запись песенки! Родин никуда не денется. Тем более что с молоденькой певицей недавно завёл творческие шашни. Предатель! Но что её Родин теперь? Возможно, она запишет наконец полный альбом с лучшими симфоническими оркестрами! Она представила, как она сама себе аккомпанирует на бандуре, а за её спиной – симфонический оркестр. И обязательно Олег тоже в оркестре. Выбежав на горку, она остановилась и пропела:

Ніч яка місячна, зоряна, ясная.
Видно, хоч голки збирай.
Вийди, коханая, працею зморена,
Хоч на хвилиноньку в гай.

Как будто не было бега по лестнице – голос летел легко и непринуждённо, как у вольной птицы в предчувствии весеннего гомона.

На кухне копошился Георгий, готовил завтрак – яичницу на сале с томатами. Любит она яичницу с салом, ой как любит! И не отказывает себе в удовольствии раз в неделю побаловаться этим деликатесом. У неё сумасшедшая энергетика: всё сгорает, никаких диет и никаких проблем с весом. Но на этот раз она отказалась от любимого блюда:

– Гоша, чашку кофе, и всё.

– Света, уже всё готово. Почему не будешь?

Но она, не отвечая, скрылась в душевой. Как?! Душа поёт, а тут – на тебе: яичница с салом. И как объяснить Георгию? «А не буду ничего объяснять! Да и нечего пока объяснять», – успокоилась она.

После контрастного душа долго стояла перед большим, во всю стену, зеркалом в ванной и внимательно себя рассматривала. Стройная, как у молоденькой де-

вочки, фигура. В углах глаз уже образовались морщинки, но они скорее красят её лицо, чем портят. Карие глаза с блеском влаги, как будто слезинки выступили, но в глазах нет грусти. Нет-нет, это, скорее всего, смешинки, чёртики, как говорится, прыгают. Нос прямой и тонкий. Повернулась к зеркалу спиной, нагнулась, легко достав ладонями пол, и посмотрела на отражение в зеркале. Тут же прыснула смехом. Увидел бы её кто в такой позе. Но сзади она ещё тоже куда как хороша. Вспомнилась польская поговорка: «Сзаду лицеум, спреду музеум». Нет, к ней это не относится. У неё «спреду» тоже «лицеум».

Наскоро распрощавшись с Георгием, убежала в салон красоты. Никогда не ходила по салонам. Всё сама научилась делать. А сейчас – нет, не тот случай. У неё встреча вечером с меценатом. «А как же концерт в Доме учителя?!» – внезапно ударила мысль. Она никогда не отменяла выступлений. Никогда. «А попрошу Стасю Донцову! Пусть подменит меня, споёт на концерте и запишет песню без слов Родина. Тем более они что-то втайне затевают вместе. Стася молодая да ранняя. Но голосище – дай Бог каждой. Будет, будет из девочки толк. На пятки наступает». Стася с восторгом приняла её предложение: ей – Родин, мне – Гусаров?

День прошёл как во сне. Ждала и не могла дождаться вечера. Звонила поэтессе Громошкиной, чтоб рассказать о Гусарове, но в последний момент стушевалась. Конечно, подруга порадуется за неё, но рано хвастаться! Да и поэтесса – баба холостая, не промах. Если захочет, то обернётся такой фурией! – отобьёт любого. Особенно когда начинает петь в компании или стихи читать. До сих пор ходит байка, как она несколько лет назад в Коктебеле свела с ума какого-то московского поэта. Жену чуть не бросил ради неё. Нет-нет, не нужно ей пока говорить. «Тьфу, я уже начинаю к Ларисе ревновать. Что же это такое? И кто он мне? Да и не собираюсь я с ним шашни крутить», – она гордо вскинула голову с великолепной причёской, сделанной в салоне красоты.

Вечером Гусаров прислал к дому машину – блестящий «ягуар». Георгий даже руками всплеснул:

– Света, кто же за тобой это прислал? Более двухсот тысяч баксов на колёсах.

– Гоша! Не доверяешь мне? Меценаты новые замаячили на горизонте. Сегодня показываю им новую песню.

С трудом удалось Георгия оставить дома.

Встреча была намечена в расписных интерьерах старинного ресторана в центре города, недалеко от Крещатика. Рядом с рестораном, через стенку, – великолепное экстрасовременное здание известного коммерческого банка. Вечер получился словно сказка из «Тысячи и одной ночи». Весь зал был выкуплен для них двоих. Повсюду охрана Гусарова: молчаливые парни на входе, в коридоре, у двери в подвал, на кухне. Со сцены лилась музыка, играл камерный оркестр. И везде цветы, цветы. Букеты её любимых белых роз. И рядом с ней этот бог в смокинге, предупреждающий каждое её движение. Он знал почти все ее песни, даже куплеты напевал на чистом украинском языке.

– Илья, мне, право, неудобно. Я не привыкла! Столько цветов! Мои любимые белые розы! Как вы узнали?

– Вы – украинская королева песни. А для королевы – королевский приём.

Как ответить ему? Чем? Светлана пошла на сцену. Две новые песни в сопровождении оркестра: «Зозуля» на слова поэтессы, известной на Украине, – Лужиной и «Зов любви», записанный с Александром Родиным. Вот чем она ответит сегодня Гусарову. «Зря я открещивалась! Родин пригодился! «Зов любви» – что надо! А Лужина как порадуется!» Пела единственному слушателю – Илье Гусарову. И ответный восторг был для неё едва ли не более значимым, чем овации публики в концертном зале

«Украина». Всё было деликатно, никакого намёка на что-то ещё. Илья Гусаров показал себя рыцарем. Втайне она надеялась – он пообещает финансировать запись её нового музыкального альбома в сопровождении Венского симфонического оркестра. Выпуск нового альбома в Вене! И Гусаров не разочаровал певицу: попросил подготовить тексты и ноты новых песен.

Далеко за полночь «ягуар» доставил её домой с охапкой великолепных белых роз. Хмурый Георгий посветлел, когда она ему рассказала о встрече с меценатом и о предложении записать новый музыкальный альбом в Вене.

На следующий день её вызвали в милицию. Оказалось, что в ту самую ночь, когда она пела песни для своего единственного слушателя, был ограблен коммерческий банк через подкоп, сделанный из подвала ресторана. Светлана испытала шок и потрясение. Её допросили и взяли подписку о неразглашении тайны вопросов дознания. Илья оказался ловким и успешным мошенником-грабителем: свои налёты он обставлял с великосветским шиком. И никогда никому не попадался в сети.

Дознаватель показал фотографию настоящего Ильи Гусарова – мецената из Москвы, невзрачного лицом, тщедушного господина. Далеко не красавца и не героя песен Светланы Непейвода, несомой волнами «Зова любви», бес его дери, Родина, с его записью... Как теперь в студии работать? Душа охладела, словно насовсем осталась в проруби.

* * *

Об этом ограблении не писали в газетах, не говорили по TV. Так захотел банк. Деньги шума не любят. Позже следователь, глядя на Светлану влюблёнными глазами, по секрету сказал, что денег и драгоценностей было украдено на десятки миллионов долларов США. И чёрт с ними, с деньгами банка! Наживут ещё. А был ли звенящий счастьем вечер? Неужели всё было наваждением? Но постепенно жизнь вошла в прежний ритм: записи новых песен, концерты и обязательное купание в Днепре, в любое время года, в любую погоду. Хотя нет, где-то глубоко в душе оставалась тоска по несбывшейся сказке.

Долго ли, скоро ли, но погода переменилась, и весеннее солнце обогрело её. Австрийский меценат, глава известной в мире фирмы хрустальных украшений, оплатил выпуск сольного музыкального альбома украинской певицы Светланы Непейвода «Зов любви». Вот и поверь после этого, что чудес на свете не бывает! Бывают, но только надо верить в чудо, и оно однажды обязательно явится к тебе. Неважно, когда и где это случится: в ледяной проруби или в русской бане с берёзовым веником, рано утром или ночью. Ведь певица Светлана Непейвода то в Вене, то с концертами на Сахалине, и по утрам ей готовит кофе и бутерброды с икрой морских ежей её муж, или, как его с любовью кличут в кругу друзей, – свет-Георгий. Но раз в неделю он обязательно подаёт ей любимое блюдо – яичницу с салом. Не соскучишься! Вена и Сахалин – такой далёкий и такой романтичный! Остров штормов и туманов. Остров тёплой и снежной зимы. А что нужно женщине-актрисе? Чтобы были поклонники, чтобы был восторг, чтобы её обожали.

Ходят слухи, будто бы на морском побережье недалеко от кипрского города Лимассол находится чудная белая вилла, скрытая от посторонних взглядов высоким зелёным забором и вечнозелёными зарослями китайских роз. Вилла кажется пустынной и необитаемой, но каждую весну, когда начинают цвести китайские красные розы, сюда приезжает моложавая стройная

женщина. Если бы можно было заглянуть за зелёный забор, то любопытствующий увидел бы накрытый стол на двоих и везде живые белые розы, а за столом – русоволосую красавицу и высокого атлета с чёрной копной волос, одетого в смокинг. И всё это на фоне спокойного морского простора. И, может быть, удалось бы даже увидеть сцену с симфоническим оркестром и услышать украинскую народную песню в исполнении русоволосой гостьи.

Великая сила кроется в песне, особенно когда она звучит в исполнении красивой женщины. У ног певицы может оказаться не только Сахалин, но и весь мир.

Приезжающие с Кипра туристы рассказывают, что на местном радио в Лимассоле можно заказать по заявкам песни в исполнении Светланы Непейвода на украинском и русском языках. Так скоро, глядишь, и на греческом запоёт. Скоро её весь мир услышит.

Блаженный Кирилл

Кириллу чуть-чуть за пятьдесят, а он всё ещё бегает трусцой по асфальтовой дорожке парка. Не от добра – здоровье сбой даёт. Результаты бурной жизни: в молодости, работая на Севере, спиртом согревался в количествах запредельных. После тянул долгую командировку в Индии и без виски не садился к столу: тропические бактерии обязывали – как-никак, желудок-то русский. Много чего в жизни было, а сейчас под старость приходится платить по векселям: утром – километров пять, по вечерам – диета: рыбка, овощи, а на ночь кефир.

– Не переедайте, двигайтесь больше, и до ста лет доживёте, – увещевала его миленькая врач-кардиолог, когда он жаловался на незнакомые ощущения, появившиеся в груди.

«И любите красивых женщин!» – добавил мысленно Кирилл, поглядывая на её бюст под белой стерильностью халатика.

На его предложение вместе поужинать она, кокетливо улыбаясь, твёрдо отказала:

– Если я буду принимать приглашения от мужчин-пациентов, то времени на работу и семью не останется.

Из-за деревьев выплыло большое красное солнце. Кирилл когда-то служил на морском флоте, ох и тяжелы были побудки: «Солнце красно поутру – моряку не по нутру».

Слава Богу, всё кончается! А погодка нынче превосходная, какая бывает в Подмосковье в середине лета: тепло, но не жарко. Внизу светилось зеркальной гладью озерцо. Ближе к другому берегу над озером стояло туманное облачко. Дорожка приближалась к воде. Дохнуло приятной свежестью раннего утра.

«Эх, побежать бы по этой глади озера, как это описано в библейских сюжетах», – подкралось вдруг ни с того ни с сего.

Но из туманного облачка возникло нечто похожее на старика, а в ушах послышался голос покойной матери: «А ты, милый, попробуй. Ступай на воду и беги, беги».

В прибрежных кустах он почувствовал, словно шелест, движение: себя увидел голышом, готовым нырнуть в омут. И мать, в полотняной сорочке, по колено в воде, берёт его на руки и опускает в тёплые воды. «Сколько же мне лет? – мелькнуло в голове. – Два-три годика?» А мать, поддерживая его под мышки, подымает и опускает в воду, словно полоща. Большие мамины груди под белой сорочкой колыхались перед его лицом. Захотелось припасть к знакомой груди! Но мать опустила его на горячий песок, а сама стала умываться, намыливая лицо.

«Почему я вспомнил это?» – и он повернул к воде, без опаски ступил на неё и, не ощущая провала, словно полетел, едва касаясь воды. Он почти парил над водой, но это был бег, бег такой приятный, что даже дух захватило, вокруг – светло от света не солнечного, а животворящего, ясного, невидимого.

«Господи, что же это такое? Неужели я и вправду бегу по воде? А может, это сон?» – поразился он.

Кирилл попытался открыть глаза. Он уже поверил, что ему снится сон. Но открыть глаза, несмотря на усилия, никак не удавалось.

Оставив бесплодные попытки проснуться, он сосредоточился на беге.

Но туманное облачко висело теперь над кустами, образ величавого старика совсем прояснился: он смотрел на Кирилла, призывно помахивая рукой.

– Беги, милый, беги. Я жду тебя, – опять послышался тихий и ласковый голос.

И вот старик рядом. Кирилл почувствовал на голове его руку. Светило яркое солнце. Где-то всплеснула рыба. Куковала кукушка.

– Боже, как хорошо! Счастье-то какое! Но как же долго я бегаю? – прошептал Кирилл.

И тут он заметил, что бежит по грунтовой тропинке, в то время как раньше всегда бегал по асфальтовой дорожке. Остановился и стал растерянно осматриваться. Он недавно поселился в этом подмосковном городке и плохо знал окрестности. Что же получается? Это ведь другая сторона озера. Он никогда не забирался так далеко, да и дороги сюда не знает. И тут увидел в лесу женщин, собирающих грибы, и подбежал к ним.

– Здравствуйте, уважаемые! Как мне перебраться на ту сторону озера?

– Эка куда тебе надо! – ответила та, что помоложе, дебелая и грудастая, ещё не старая женщина. – Ты, что

ли, из Подстёпок? Приезжий? Не Фроськи Заманихи ли зять?

– Да нет, городской я! Вон в том парке бегал, на той стороне!

Женщины переглянулись между собой и, не отвечая, пошли прочь.

– Эй, женщины! Подождите! А мне-то куда идти?

Но женщины припустили бежать, оставив его стоять на месте.

– Что делается-то? Может, они меня принимают за насильника?

«А старик-то где? – задал сам себе вопрос. – Может, он покажет, как отсюда выбраться? Получается, что я с другого берега перебежал на этот. По воде? А может, приплыл?»

Расстояние между берегами было очень большим.

Но футболка и шорты были сухие. Опять стал осматриваться вокруг и увидел тех же женщин, наблюдающих за ним в отдаленье. Грудастая помахала ему рукой:

– Ты что, сердешный, вправду заблудился? – спросила она.

– Да... нездешний я.

– Старики говорят, что болотный утопленник здесь бродит. Испугались мы тебя, вот и побежали. А на тот берег ты можешь только через Подстёпки добраться. Это километров десять крюку будет. А через болото не суйся: там и люди, и коровы пропадали.

Женщины довели его до Подстёпок, оттуда он добрался на попутной машине до городка, который в своё время поэт Александр Блок прославил, описывая красоту русских равнин: болота, топи, чахлые берёзки – мир богатый и скромный в простоте и в печали, мир загадочный и неизведанный.

Назавтра пошёл в маленькую местную церквушку и исповедался у отца Серафима.

– Сподобился ты встретиться с Отцом нашим Всевышним! Избрал Он тебя для неведомого нам промысла. Видимо, представится тебе случай исполнить Его волю на земле, – напутствовал его отец Серафим.

После этого Кирилл стал изучать жития святых. Ходил в храм к заутрене, к вечерне. Его нога не ступала больше туда, где суета сует важнее куска хлеба.

Как-то потерялись мальчишки, ушедшие в болота за клюквой. Три дня их не было. С милицией искали. Собак выученных привлекали. Бегают собаки у болотной топи, скулят, а дальше идти не хотят.

«Поглотила топь мальчишек, – сказала Марфа – местная вещунья. – Куда только родители смотрят?»

Марфе поверили. Знаменитость! К ней из Москвы заезжают богатые люди, чтоб судьбу узнать или приворот какой сделать за деньги. Но Кирилл, узнав о беде, молча засобирался и ушёл в сторону болот. А через три дня вышел и живых, здоровеньких чумазых мальчишек привёл.

– Как же ты не убоялся в болотах бродить? – спросил сосед.

– Верил, что найду. А в вере Бог помогает, – Кирилл троекратно перекрестился.

С тех пор люди стали говорить, мол, Кирилл явился неизвестно откуда, может, для помощи какой-то призван. Молились-молились, вот и вымолили. И прозвали его «блаженный Кирилл».

Блаженный Кирилл никому не отказывал в помощи, даже ночью отправлялся на болото, если случалась беда. Как он там находил пути-тропинки, одному Богу ведомо. В ответ на вопросы блаженно улыбался и отвечал: «Бог помогает».

Вечно пьяный рыбак Проня рассказывал собутыльникам, что видел, как Кирилл бежал по воде в сторону болота:

– Сижу я на зорьке у озера, клёва нет. И вдруг вижу – бежит этот блаженный по воде. Волосы развеваются на голове. А он даже на воду не глядит. Улыбается и бежит.

– Ну, Проня! Допился. Черти в глазах стали прыгать. Гляди, так и Кондрат придёт за тобой. Хватит тебя, – ухмыльнулся собутыльник.

Спустя время начальство занялось осушкой болот. Болота осушили, но после этого начались пожары: горел торф, и шлейф едкого дыма заполнил почти всё Подмосковье. Сколько людей пострадало от этих пожаров – в особенности сердечников и астматиков – никому не ведомо.

После этого никто Кирилла больше не видел. Извели болота, исчез и блаженный Кирилл. Пропал, как туманное облачко над озером: было – и нет его.

Ходят слухи, что в Карелии живёт отшельником странный старик – якобы бегает по утрам по водной глади озёр.

Комильфо

На перроне стоял видный мужчина – настоящий русский богатырь. В таких мужчин женщины влюбляются сразу и навсегда.

Таня нет-нет да и поглядывала в его сторону.

«Лет тридцать пять ему – не больше, может, в одном поезде поедем. Скоро рижский приходит. А вдруг ему тоже в Ригу?» – подумалось ей.

Мужчина глянул на часы.

«Какой спортивный! А может, известный спортсмен? – подумала Таня. – А может, он актёр?» На мужчине была необычная шляпа с широкими полями, которая ему очень шла.

«Комильфо», – подумала Таня, вспомнив фразу из старой пьесы, где дама говорила своему кузену: «Ах,

милый, вам надо сменить шляпу. Купите себе белую, с широкими полями. И трость купите – коричневую и непременно с ручкой из слоновой кости. Комильфо надо быть, батенька мой, комильфо».

Таня с детства мечтала стать актрисой. Но вмешались родители и после школы настояли на торговом институте. Теперь Таня – эксперт в области ковровых изделий. Очередная командировка в Ригу на выставку ковров пришлась кстати. После нудной и сырой зимы в Москве хотелось куда-нибудь поехать. Лучше бы в Париж, в котором никогда не бывала, но и Рига со старинными улочками, с черепичными крышами, чистыми и уютными кафе её тоже привлекала.

Объявили посадку. Незнакомец вольным движением подхватил красивый кожаный баул. Такие сумки Таня видела только в кино у голливудских звёзд.

Сердце ёкнуло от непонятного и радостного предчувствия, и Таня, порывшись в сумочке, вытащила свой билет.

«Тринадцатый вагон, тринадцатое место. Вот незадача! – расстроилась она. – Впервые еду в спальном вагоне, и всё тринадцатое».

Таня поискала глазами приглянувшегося мужчину, но его и след простыл.

«Посторонись!» – заорал носильщик с нагруженной тележкой.

Кто-то, неловко посторонившись, зацепил ногой пустую бутылку, и она звонко покатилась по перрону.

Миловидная проводница, проверяя билет, улыбалась слишком приветливо. Казалось, что она продолжала улыбаться кому-то другому, а Тане улыбка досталась случайно.

– У вас сегодня такой знаменитый попутчик, – сказала проводница, – седьмое купе в середине вагона.

Сердце Тани опять радостно ёкнуло.

В двухместном купе уже расположился тот самый незнакомец, без куртки и шляпы.

– Доброе утро! – сказал он, улыбаясь широко и открыто. – Давайте я помогу?

Этот голос нельзя было спутать ни с кем и ни с чем. И лицо. Сколько раз она видела его на экране телевизора! Да, без сомнений, это был он – Виктор Балашов. Известный всей России диктор Балашов.

– Доброе утро?! Ведь сейчас вечер, а не утро, – смутилась Таня.

– Вы как доброе утро, – ответил с улыбкой мужчина. – Разрешите представиться – Виктор Иванович.

– Да кто же вас не знает, Виктор Иванович?! – вырвалось у неё. – А меня зовут Таня. Таня Глобай.

– Красивое имя! Татьяна, Таня. Романтичное. Исконно русское. Но вы, наверное, украинка? Или украинская казачка. Ваша коса уложена так, как это умеют делать только украинские девушки. Я не прав?

– Да это всё мама! С детства восторгалась пушкинской героиней. Вот и настояла, чтобы меня назвали Таней. А родилась я, действительно, недалеко от Киева, в Фастове.

Поезд тронулся. Заказали чай, и беседы продолжались под мерный стук колёс. За окном мелькали то звёзды в темноте ночи, то огни вокзалов и полустанков, то огоньки селений. Шёл как бы обычный разговор, какие часто происходят между случайно встретившимися людьми в поездах.

Если бы Виктору Балашову кто-то сказал раньше, что его увлечёт случайная попутчица, то он ни за что не поверил бы. Всю жизнь он жил, как рыба в аквариуме. Под пристальным наблюдением миллионов людей. Были и женщины, которые ему нравились и которым он нравился, но не более того... Была семья. Но вдруг пришло к нему совершенно другое чувство, новое и незнакомое.

«Ведь я мог её никогда не встретить», – думал Виктор Иванович, всматриваясь в лицо Тани. Тонкие чёрные брови вразлёт, глаза какого-то золотистого, меняющегося цвета.

«Да эта девушка из другой эпохи! Из тургеневского времени. Таких девушек уже нет и, наверно, никогда больше не будет», – думалось Балашову.

«Никогда, никогда больше этого не будет, – думала Таня. – Приедем в Ригу, он уйдёт, и я больше не услышу этот бархатный голос. Не увижу этих больших и спокойных рук. Не увижу этой улыбки, этих васильковых глаз. Ничего больше не увижу, и ничего больше не будет в моей жизни. Всё кончится...»

А в её жизни ничего подобного раньше и не было. Была детская мечта о театре – не состоялось. Были неуклюжие ухаживания ребят из школы, были встречи в институте с однокурсниками, но не было любви. Она понимала, что так живут очень многие и так проживают всю жизнь, до самой старости. И прекрасно обходятся без большой любви. Неужели ничего не останется?

«Останется, останется!.. – кричало сердце, пела душа. – Он уйдёт в Риге, а радость останется со мной. Ну и пусть он этого не знает и никогда не узнает, но я-то знаю, я буду думать о нём. Он уйдёт, но до конца жизни останется в моей душе, в моих мыслях, в любви моей», – со сладостной надеждой подумала она.

Они помолчали, а потом проговорили в купе до утра. Иногда смотрели друга на друга, тайно прислушиваясь к тому, что смутно зарождалось в их душах.

Рано утром проводница принесла чаю. Посмотрев на них, на их сияющие глаза, на нетронутые постели, она всё поняла и как-то участливо улыбнулась. В уме проводница уже высчитала, что Виктору Ивановичу где-то за сорок, – он ведь и на фронте побывал. А девчонка-то молодая, видно, только что после института. И вот на тебе!..

На вокзале в Риге, когда расставались, Виктор Иванович, смущаясь, проговорил:

– Таня, я был бы счастлив, если бы мы смогли вместе сегодня поужинать. Если вы согласны, то встретимся здесь, у вокзала, в семь вечера. Можно?

– Да, – прошептала она.

С вокзала Виктор Иванович сразу направился к знаменитому в Риге портному Давиду Боренбауму. Тот принимал клиентов в квартире из пяти комнат, в старинном, дореволюционной постройки доме. Прямо за швейными столами сидели швеи и вручную сметывали детали будущих моделей. А сам мастер с сантиметром на шее любезно встречал клиентов в гостиной. Нужно сказать, что к этому мастеру непросто было попасть. Виктор Иванович приехал к нему по протекции. Как-то в летнем театре «Эрмитаж», беря интервью у Райкина и зная, что артист выходит на сцену в очень элегантных костюмах, он попросил у него адрес портного. Аркадий Исаакович не очень любил раскрывать тайну происхождения своей одежды, но всё же шепнул адрес в Риге.

– Вашему материалу нет цены, – приговаривал Боренбаум, обмеряя Виктора Ивановича. – Я не знаю, где вы это достали, но сейчас такого качества материал не делают. Ему сносу не будет. Раньше на фабрике Третьякова такую шерсть делали и поставляли ко двору его величества. Да и в Европе такая шерсть ценилась повыше аглицкого сукна.

К вечеру костюм был готов. Как обычно, Боренбаум исполнил заказ с первой примерки и точно в оговоренный срок. Да... умели раньше и материалы делать, и костюмы шить, и слово своё держать.

К новой жизни – в новом костюме! Он придаст уверенности артисту.

Вечером Виктор Иванович с Таней танцевали в ресторане «Луна». Там пел его приятель Лотер Лямбель,

солист знаменитого джаз-оркестра Эдди Рознера. Танцевали, слушали музыку, говорили и говорили, словно спеша куда-то... Куда? Виктор Иванович читал стихи. Таня с девичьей непосредственностью рассказывала, как она ещё в Москве, на перроне, заметила Виктора Ивановича и как мечтала с ним познакомиться. И рассказала всё, всё, о чём думала ночью в купе, когда молча слушала его и смотрела на него. Какие у неё были счастливые глаза!..

А ближе к полуночи, проводив Таню до гостиницы, Виктор Иванович уехал. Они договорились встретиться в Москве.

В Москве встречи продолжились. А потом, уже летом, вдвоём поехали в Карпаты. Жили в лесничестве, недалеко от сказочного Манявского монастыря. Надо знать, видеть этот дом лесничества в горах! Это был настоящий дворец из дерева, комнат на пятнадцать-двадцать, где были балконы, стеклянные террасы, бильярдная, маленькая кухня и другие прелести быта. И вот в этом деревянном дворце они оказались вдвоём. Рядом падала с горы небольшая речушка, и ровный шум водопада в ночи можно было слушать бесконечно. Сквозь ветки вековых сосен в окно заглядывали звёзды. Поутру на подоконнике стояли две глиняные крынки с парным молоком и кружка с горным мёдом. И две краюхи белого, домашней выпечки хлеба, прикрытые льняным полотенцем невообразимой белизны. От одного запаха хлеба захватывало дух!

«Прожить бы так всю жизнь, – думал Виктор Иванович. – По утрам видеть её глаза, видеть, как солнце тонет в глазах и превращается в золото».

Но отпуск закончился, и нужно было возвращаться. Таня поехала на три дня к маме в Фастов, а Виктор Иванович – в Москву.

– Виктор, как мы дальше будем? – спросила она на вокзале.

– Мы будем вместе, но прошу тебя – подожди немного, нам негде пока жить. Да и мне нужно подвести черту под своим прошлым.

Таня хотела сказать, что уже подвела черту, да не посмела.

И он, и она понимали, что это значит – «подвести черту под прошлым».

Родители настояли, и Таня вышла замуж за бывшего однокурсника, главного инженера ковровой фабрики. Ради спокойствия родителей она нашла в себе силы и отказалась от первой и единственной любви.

* * *

Мы сидели с Виктором Ивановичем вдвоём в купе спального вагона Москва – Киев. Я познакомился с ним три года назад. И всегда удивлялся ему. Меня поражала в нём и поражает сейчас его какая-то врождённая интеллигентность и деликатность. Этому никто не научит. Это либо есть внутри человека, либо нет, независимо от того, где человек родился, в Москве или в глухой деревеньке.

Но ещё больше я поразился, услышав от него историю о случайной встрече с Таней. Он, избегающий говорить на личные темы, неожиданно для меня сам начал рассказ, который я слушал, затаив дыхание и не перебивая ни одним словом.

– А где же Таня сейчас? – спросил я, когда Виктор Иванович замолчал. – Вы её больше не встречали?

– Где-то недалеко от Киева живёт, – ответил Виктор Иванович, не отрывая взгляда от окна.

Что он там видел, за окном, в непроглядной темноте? События двадцатилетней давности? Таню на перроне? Или ещё раз вспоминал рассказ Тани о том, как она увидела его на вокзале с кожаным баулом? Уцелел

ли тот костюм, который когда-то сшил ему знаменитый рижский портной?

«Боже мой, какая странная штука жизнь! – подумалось мне. – А я? Хотел бы я, чтобы всё сложилось в моей жизни иначе?»

– А вы бывали потом в Риге, Виктор Иванович? У этого портного? – спросил я, чтобы только не молчать.

– Да. Один раз. Ходил по тем местам, где мы вместе бывали. И знаете, зашёл случайно в Домский собор. Звучала органная фантазия Баха. Собор, музыка, воспоминания – всё совпало. Я люблю музыку, понимаю её, но такого слияния моей души и музыки, таких сильных душевных потрясений я больше никогда не испытывал. Я любил её по-настоящему. Никогда, ни до того, ни после того никого так не любил, – тихо закончил Виктор Иванович.

– Так почему расстались? Почему? – не удержался и спросил я, мысленно проклиная себя за излишнюю любознательность.

– Мы познакомились с Таней тринадцатого мая, ехали в вагоне номер тринадцать, и место у неё было тринадцатое, но я не суеверный человек, – ответил Виктор Иванович.

– Так что ваша встреча с Таней и расставание было предопределено Судьбой? – вырвалось у меня.

– Кто его знает, почему всё в жизни происходит по-другому, а не так, как нам хочется. И кто знает, как надо и как лучше. Допустим, если бы Судьбе было угодно, мы бы поженились. Тогда, наверно, не было бы этой светлой памяти о той необычной любви. Тогда всё было бы по-другому. Не знаю, как, – лучше или хуже, но по-другому.

После этого рассказа Виктора Ивановича и я стал иначе смотреть на свою жизнь. А может, Судьба умней всех нас, вместе взятых?

В Киеве состоялся мой бенефис как поэта. Виктор Иванович читал мои стихи. Когда он вышел на сцену и сказал своё знаменитое «Доброе утро», публика стала аплодировать. Так, как он читал стихи, теперь никто не читает, вернее, не умеют читать. У Виктора Ивановича абсолютный слух на слово.

Особенно произвело впечатление стихотворение «Комильфо»:

Вы – комильфо, и это слово
Передаёт мне стиль мужчины.
Вы – комильфо, и я готова
Навек влюбиться без причины.
Вы предо мною в шляпе светлой,
При модном галстуке и с тростью,
И под мотив щемящий ретро
Свою любовь зовёте в гости.
Как устоять пред этим чудом? –
Герой, в плечах сажень косая!
Как жду я встречи с Вами, сударь, –
Я Вас люблю, хоть Вас не знаю!

Сидящая недалеко от меня женщина сказала вполголоса соседке: «Да он сам – настоящий комильфо! Посмотрите, как на нём сидит костюм!»

– Виктор Иванович, – сказал я после концерта, – какой у вас замечательный костюм! Очень модный! Где вы его шили?

– Да это тот самый костюм, сшитый двадцать лет назад в Риге! Мастер ушёл из жизни, а мода вернулась. Мода – не жизнь и не любовь, она повторяется спустя какое-то время.

Помолчав немного, Виктор Иванович тихо сказал:

– А знаете, Александр Иванович, когда я был на сцене, у меня возникло чувство, что Таня находится в зале. А может, показалось?

Он глубоко вздохнул и добавил:

– Будьте комильфо, даже тогда, когда нет никакой возможности для этого. И никогда не жалейте о том, что не случилось.

Запонки

Виктор Балашов метался по комнате в растерянности: исчезли любимые запонки. Они же единственные. Не бог весть какая ценность, но для Виктора Ивановича потеря невозможная. Таня Глобай, последняя любовь, подарила в своё время! Зелёные камушки в позолоченной оправе, а на камушках – нотные знаки.

Куда же подевались? Перерыл все ящики стола, перевернул бельё в шкафу, а запонок как не было, так и нет. Мистика! Лет двадцать не расставался с подарком Тани. Он, народный артист России, всегда выходил на сцену в сорочке со сверкающими на манжетах запонками. Для него они были своеобразным талисманом, – если они с ним, значит, всё будет в порядке. А теперь как же? Сегодня торжественный вечер в Кремлёвском концертном зале. Чествование ветеранов Великой Отечественной войны. Вся политическая и деловая элита будет на вечере. Виктор Иванович должен представить публике президента России. И вдруг на тебе! Такой конфуз! Как же теперь быть? Сорочки-то все с манжетами, без пуговиц. Нужны обязательно запонки, без них никак!

– Да не пойду я без запонок на вечер! – воскликнул в сердцах Виктор Иванович.

«Витя! Ты же ведёшь концерт! Как можно не пойти?!» – послышался красивый тихий голос Тани.

Виктор Иванович оторопело оглянулся. Живёт давно один. С женой расстался. С Таней как-то не сложилось. Откуда голос? Дверь заперта.

«Стоп! Стоп! – приказал сам себе. – Нервы! Почудилось! Или слуховая галлюцинация?»

Нужно было что-то делать. Вот-вот машина из Кремля должна приехать. И тут его осенило: «Надо звонить поэту, старому другу Александру Родину, ведь он всегда носит запонки. Может, у него найдётся лишняя пара. Запонки раньше были в почёте у поэтов. Помнится, Сергей Есенин бывал и в галстуках, и при запонках. Хотя современные поэты всё больше свитеры да кофты носят. Новомодная молодёжь увлекается другими мужскими аксессуарами. Аксессуары?! Слово-то какое в моду вошло! Раньше так говорили о предметах сценической обстановки, а сейчас на ухо, а то и на нос прилепят кольцо с бриллиантом, шёлковым шарфиком шею раза два обмотают, и вот тебе: готов молодец. Тьфу! Нехристи! А другой ещё и хвастается, прилюдно объявив себя героем нетрадиционной сексуальной ориентации. Педераст и есть педераст!»

Балашов тяжело вздохнул и перекрестился на стоящую в углу икону Николая Угодника.

С надеждой ждал Виктор Иванович ответа Родина, но телефон молчал. Что делать? Где же Родин? Должен быть в Москве. Обычно он звонит и предупреждает, если куда уезжает. Виктор Иванович позвонил на дачу. Молчок. Позвонил по мобильному. Абонент недоступен!

– Что за жизнь настала? И поэты недоступны! – проворчал Виктор Иванович.

Может, пришить манжеты нитками? А как тогда сорочку надеть? И опять ему послышался голос незримой Тани: «Витя, ну успокойся! Одевайся. Найдутся запонки».

И он послушно начал одеваться. Белоснежная сорочка с закруглёнными уголками воротника была великолепной. Широкие, массивные, заворачивающиеся манжеты рукавов особенно нравились Виктору Ивановичу, но без запонок они болтались, как крылья подбитой птицы. Надевая свой концертный тёмно-синий костюм, он вспомнил, как когда-то появлялся в нём на экране телевизоров. И на первое свидание с Таней надевал его.

«Таня! Таня! Где ты? С кем ты? Как ты?»

Но мысли вновь вернулись к поиску запонок. А что же делать с манжетами? А может быть, заколоть их булавками, но булавка была одна.

«Глупо, но, может быть, закатать рукава?» И тут же ужаснулся этой мысли, представив себе, как он держит микрофон в руке, а рукав сюртука медленно опускается, и зрители видят, как голая рука показывается из рукава. Он даже вздрогнул от волнения.

И вдруг опять голос Тани: «Витя, верь мне! Не волнуйся! Всё будет хорошо».

– Что происходит? – воскликнул Виктор Иванович.

И тут раздался звонок в дверь.

«Всё. Машина пришла, а запонок нет».

Виктор Иванович открыл дверь, и перед ним оказался знакомый молодой человек из администрации Ивановской области, куда Балашов недавно выезжал по приглашению губернатора Михаила Меня. Область посетил президент России. Старинному городу русских ткачей указом президента вернули его прежнее название: город Иваново-Вознесенский, а область стала губернией. Президент на встрече пошутил, мол, был город невест – будет город-инвест. Значит, ожидается приток инвестиций. Балашов был ведущим этого вечера.

– Что случилось? – спросил Виктор Иванович неожиданного посланца из Иваново-Вознесенского.

– А вы, Виктор Иванович, галстук и запонки забыли в гостинице. Меня отрядили к вам, чтоб передать их из рук в руки.

Вот и верь после этого случая, что чудес на свете не бывает. Иногда бывают.

В тот памятный вечер в Кремлёвском концертном зале Виктор Иванович вышел на сцену, высокий, статный, в красивом костюме и в сорочке со сверкающими в белоснежных манжетах дорогими для него запонками. Каждый раз, объявляя концертный номер, Балашов мысленно благодарил свою любовь, Таню. Надо же! Милая! Она где-то далеко-далеко. Неизвестно где, но помнит о нём. Помнит. И пришла ему на помощь. Да... Любящие люди чувствуют на расстоянии. И неважно, рядом они или порой далеко друг от друга.

Фиолент

Это прозвище он получил в школе. Маленького роста, невзрачной внешности, он никогда не нравился девчонкам, но в десятом классе Фиолент влюбился. Да не в кого-нибудь, а в одноклассницу Соню. Впрочем, все мальчишки были влюблены в неё. Да что там мальчишки! Молодой преподаватель физкультуры Гаспаров прожигал взглядом Сонин купальник на уроках по плаванию. Если бы не вода, то Сонин лифчик четвёртого размера воспламенился бы от пламенных взоров ребят. Но девушка предпочитала неуклюжим ухаживаниям своих «желторотиков», как в шутку она их называла, высоких и уверенных в себе курсантов артиллерийского училища. По субботам она вместе с одноклассницами бегала к курсантам на танцы. Фиолент поджидал Соню после танцев у её дома и, прячась в кустах палисадника, с нетерпением ждал, когда зажжётся свет в окне комнаты. За тонкой тюлевой занавеской видна была фигура раздевающейся девушки, и Фиолент любовался ею и мечтал.

А вообще-то Фиолент имел вполне солидное имя – Ростислав Сергеевич Полётов. После школы Фиолент поступил в военно-морское училище. Видимо, где-то в подсознании им двигало уязвлённое мальчишеское самолюбие, и он, поступая в военное училище, как бы

доказывал себе самому, а может быть, Соне, что он чего-то стоит. Конечно, его мечтой была артиллерия, но физические данные – маленький рост и узкие плечи – идеально соответствовали параметрам будущего подводника. Такой, словно муха, пролетит в любой люк, а может, даже и через перископ просочится в случае необходимости.

– Орёл! – сказал военком, осматривая впалую грудь Фиолента. И добавил, смотря на синие, выступающие рёбра: – А мясо и жирок со временем нарастут.

После окончания училища Фиолент служил на знаменитой подводной лодке, где капитаном был известный контр-адмирал Подсвиров, поэт по призванию. Кстати, адмирал Подсвиров был уроженцем Орловской области, что само по себе символично, потому что впоследствии слова с корневой составляющей «орёл» тем или иным образом присутствовали в жизни нашего героя. Со временем Фиолент женился. И всё получалось как у всех. Квартира, жена, дети. В своей жизни Фиолент руководствовался с детства усвоенным принципом: «не хуже, чем у людей». Его практичная натура не претендовала на что-то особенное. В то время, когда другие мальчишки в школе мечтали стать лётчиками, космонавтами, моряками, Фиолент знал точно, что армия – это бесплатное обмундирование, продовольственный паёк, досрочный выход на пенсию и ряд других привилегий. Например, из казённого сукна жена может юбку пошить. Случайно попав в военно-морское училище, Фиолент радовался будущей хорошей зарплате и дополнительному отпуску, который полагался после автономного плавания.

Но одним Фиолент отличался от всех: в глубине его неудовлетворённой души жила давняя мечта о Соне. Иногда девушка даже снилась ему: Соня стоит у бортика бассейна без лифчика, крупные розовые соски смотрят на Фиолента и... улыбаются ему. В один из отпусков он попытался разыскать девушку, но с сожалением узнал, что она уехала на историческую родину своих предков, в Израиль, и там вышла замуж.

Случилось так, что Фиолента списали на берег по состоянию здоровья, и он стал служить в штабе флота. И продолжалась обычная жизнь, как у всех. Работа, то есть служба, дома – жена и дети, по субботам – баня и пьянки в кругу товарищей-сослуживцев. Фиолент слушал их рассказы о похождениях на стороне и завидовал им самой чёрной завистью. В этих рассказах были свободные и доступные девушки. У Фиолента никого не было. Доступные и свободные девушки почему-то продолжали его не любить.

Что самое странное – и в училище, и на флоте за ним сохранилось его школьное прозвище, словно прилипло к нему. Даже супруга, звавшая его Ростиком, и то иногда механически называла его Фиолентом, или сокращенно – Филей.

Тянулось и не отпускало его прозвище с того времени, когда он с мамой отдыхал в Крыму на мысе Фиолент.

Жизнь казалась скучнее вчерашнего прокисшего борща. Но, как это нередко бывает, в один из дней случилось нечто перевернувшее всю дальнейшую жизнь нашего героя. В грозу его поразила молния, да так, что бедняга трое суток провалялся в госпитале без сознания. После выписки Фиолент неожиданно для сослуживцев и для семьи написал рапорт об увольнении. Уволившись со службы, он поселился в Подмосковье. Стал заниматься бизнесом. Покупал и перепродавал самопальные музыкальные диски. Скромные доходы позволяли ему сносно жить и даже купить подержанную малолитражку. Фиолент изменился. Ранее тусклые глаза заблестели. Правда, лицо его изменилось не в лучшую сторону: оно приобрело какой-то нездоро-

вый желтоватый цвет. Может, оттого, что приходилось много мотаться по рынкам и пить дешёвый вермут. На коньяк или хорошую водку денег не хватало. И, как и раньше, успеха у женщин Фиолент не имел. Но времена стали другими. У него появились карманные деньги и возможность угостить даму сердца вином и шоколадкой в салоне своего ободранного авто. Появились и девицы, рождённые перестройкой, которые за небольшое вознаграждение предоставляли в его распоряжение на ограниченное время свои женские прелести. Однажды Фиолент написал небольшой стишок и посвятил его одной из случайных девушек. Стихотворение имело грандиозный успех. Девушка даже прослезилась. Там были такие слова:

Фигурка несчастной путаны.
Печаль растворилась в глазах.
Путан обижать я не стану.
Уйду на войну в Карабах.

После этого Фиолент стал поэтом. Жизнь приобрела новый смысл. Он любил рассказывать очередной девушке о том, что молния, ударившая его, была посланием Небес. И что самое удивительное – его стихи оказались действительно хорошими. Незамысловатые строчки о несчастной путане ушли в прошлое. Теперь это были стихи о несостоявшейся и нереализованной любви. Такие стихи пользовались особым успехом у женщин.

Жизнь Фиолента преобразилась. У него появился другой круг знакомств. Пришёл долгожданный успех у женщин. Хотя поэзия его не кормила, но душу грели внимание и известность среди пишущей и непишущей братии. Да и поэтессы в Союзе были ого-го! Вон одна Рублёва чего стоила... Глазищи, что два тазика с водой из Средиземного моря. И Фиолента потянуло на сладенькое, как шмеля после долгой зимней спячки тянет на первые весенние цветы.

Вначале он приударил за невысокой Лолитой с голубыми глазами и чёрными волосами. Лолита нашла в Фиоленте настоящего поэта и, будучи девушкой утончённой, привязалась к нему. Красавицей она не была и не смогла вытеснить из тёмных закоулков души Фиолента юношескую мечту – обнажённую девушку в вечернем окне.

Но и в новой жизни старое прозвище не отпускало нашего героя: Фиолент – он и есть Фиолент. Давно замечено, что прозвища часто становятся не только фамилией, но и судьбой человека. Иногда кажется, что от прозвища «не спрятаться, не скрыться» нигде и никогда. Куда бы человек ни поехал – в Африку, на Северный полюс, в тайгу, – везде прозвище следует за ним. Такое впечатление, что именем Бог нарекает, а прозвище дьявол цепляет. Прицепил, и всё тут. Ни за какие коврижки не отцепит! Но печататься Фиолент стал под красивым псевдонимом – Ростислав Орловский. Видимо, крепко засело в его памяти вскользь брошенное военкомом гордое слово «орёл». А может, в память об орловском адмирале взял себе такое имя. Фиолент и сам поверил в свой исключительный поэтический дар. Тайно он примерял себя к Есенину или даже к Пушкину. А что? Однажды, когда Фиолент читал своё стихотворение, весь зал встал и слушал его стоя. Такое самому Пушкину и не снилось. Душу Фиолента съедало желание стать самым-самым первым поэтом России. И второе желание – страсть. В тайных недрах его души всё еще хранился образ Сони с её улыбчивым бюстом. Опять она стала приходить к нему во сне.

И вот однажды, как гром среди ясного неба, как фейерверк в новогоднюю ночь, в квартире Фиолента раздался звонок. Ласково-нежный голос спросил: «Это квартира Полётова?» И Фиолент с замиранием сердца

ответил вдруг севшим голосом: «Да». И в ответ услышал: «Фиолентчик, ты узнаёшь меня?» Неожиданно для себя он воскликнул: «Соня?!»

Да, это была Соня. Она приехала в Москву из Израиля, и кто-то из её школьных подруг рассказал ей о поэте-однокласснике. Соня купила книгу его стихов «Незабытая мечта» и прочитала её тут же, на скамейке у магазина.

– Фиолентчик, – прошептала Соня в телефонную трубку, – ты – гений. Твои стихи – это откровение любви. Где ты берёшь такие красивые и чудные слова? Так о любви не говорил ещё никто!

Не помня себя от радости, Фиолент стал читать ей свои новые стихи. Без лишней скромности он назвался первым поэтом России.

И она, ахая и охая, не переставала восхищаться и удивляться его таланту. В конце, всхлипнув, она спросила:

– Фиолентчик, ты вспоминал меня после школы?

И тут его как прорвало. Он заговорил о своей юношеской любви к ней, о том, что всю жизнь её помнил, о том, как он благодарен небесной молнии, которая, поразив его тело, подарила душе настоящую поэзию, и что всё, написанное им о любви, абсолютно всё посвящается Соне.

– А как же жена? – спросила Соня.

Последовали обычные слова о заблуждениях и ошибках молодости, в общем, Фиолента понесло.

По правде говоря, Фиолент не любил ни жену, ни коллег-товарищей по поэтическому цеху, и, наверное, не любил он и Соню. Он любил себя в поэзии и жил в своей надуманной любви. Однако Соне было назначено свидание, на которое она с радостью согласилась. Более того, Соня сама предложила Фиоленту провести вечер вместе в собственном гостиничном номере.

Целый день он готовился к этому свиданию. Отменил даже намеченную встречу со своим редактором. Поступок для него немыслимый. Фиолент боялся редактора и никогда не опаздывал на встречу с ним. Редактор, известный поэт и прозаик Лев Колотилыч Недобрин, очень не любил, чтобы поэты приходили к нему без предварительного согласования. Но ещё больше он не любил, когда кто-нибудь не являлся в назначенное время. Но в этот раз Фиоленту повезло: редактор поверил в его несуразное бормотание о внезапной болезни. Предстояло ещё объяснение с собственной супругой. Он рассчитывал на целую ночь любви с Соней и поэтому соврал жене, что уезжает с ночёвкой на встречу с молодыми поэтами в город Железнодорожный. Но супруга вдруг изъявила желание поехать вместе с ним. Фиоленту пришлось долго врать и изворачиваться, чтобы отговорить жену от этой затеи, ссылаться на запрет Недобрина, который не любил жён, ни своих, ни чужих.

Итак, путь к заветной, выстраданной любви был открыт. В памяти всплыла прелестная фигурка Сони в вечернем окне и он сам, таящийся в кустах. Фиолент помылся, одел тайно купленные в интим-магазине трусы, надушился, покрутился перед зеркалом в трусах и без оных и остался доволен собой. Взял командировочный чемоданчик и к назначенному времени оказался у заветной гостиницы. В чемоданчике были две книги собственных стихотворений, бутылка армянского коньяку, бутылка шампанского и две традиционные плитки шоколада. Книги он предварительно подписал Соне. Последние препятствия в виде охраны – отставного военного, ловко запрятавшего в карман пять баксов, наконец были преодолены. Лифт. Дверь номера... Стук в дверь и нежный женский голос: «Входите, открыто». В голове крутились специально приготовленные строчки:

Забыты прежние страданья.
Себя стремлюсь преодолеть.
Ожили вновь воспоминанья.
Хочу в любви твоей гореть.

Из ванной доносилось журчание воды. На столе записка: «Милый Фиолентчик, раздевайся, выключи свет, я скоро выйду... Соня».

Фиолент поставил на стол коньяк и шампанское, аккуратно развернул одну шоколадку и, разломив на части, разложил её на маленьком блюдце. Он всегда всё делал основательно и продуманно. Вытащил из чемоданчика свои книги с посвящением Соне и поставил их рядом с шампанским. Выключив свет, Фиолент в полной темноте разместился в уютном кресле рядом с кроватью. Он ждал этого момента около двадцати лет. И вот сейчас свершится последняя мечта его юности. Фиолент не задумывался о том, что Соня, может быть, уже не та юная сисястая девушка, от взгляда на которую всё внутри дрожало, как вилка, воткнутая в фюзеляж летящего самолёта.

Наконец скрипнула дверь ванной, и к Фиоленту приблизилась женская фигура в белом. За спиной женщины щёлкнул выключатель, и от яркого света он на секунду зажмурил глаза, а когда их открыл, то увидел перед собой свирепое лицо собственной жены и её институтскую подругу Тасю. То, что произошло впоследствии, можно сравнить разве что с извержением вулкана. Шампанское и коньяк пролились на пол, а изорванные книги полетели в лицо Фиоленту. Журнальный столик был перевёрнут. Тася успела спасти от расправы одну шоколадку в обёртке, ловко засунув её в карманчик халата. Сам Фиолент спрятался в ванной и был оттуда выпущен Тасей спустя два часа, после того как Нина, его супруга, успокоилась. С трудом Тасе удалось помирить парочку, при этом Фиолент клятвенно пообещал Нине купить норковую шубу на Новый год, чтобы вознаградить за нанесённый моральный ущерб. После этого жестокого розыгрыша он страшно возненавидел телефон. И перестал писать стихи.

Может быть, мы потеряли в России второго Есенина или даже Пушкина. Говорят, будто по пьянке Фиолент жаловался собутыльникам на то, что поэтический дар покинул его после того, как жена ударила по голове бутылкой шампанского. А что тут скажешь? Бог дал, а жена лишила.

Опасайтесь женщин и телефонов! И те и другие отнимают наше время, деньги, а взамен приносят неприятности. Хотя, с другой стороны, как посмотреть. Может, в данном случае Нина – жена Фиолента – совершила правое дело: вылечила Фиолента от иллюзий. Говорят, что после этого случая коммерческие дела нашего героя пошли в гору. Жена выбила всю дурь из его головы одним ударом бутылки, хотя на самой голове никаких следов и не осталось. Чугунная голова. С того времени Ростика стали звать Фиолент Чугунный. Может быть, это была рука не супруги, а рука Небес.

Всё в руках Божьих – Он даёт, Он и отнимает. Конечно, с Фиолентом остались его книги, за исключением собственноручно сожжённой «Незабытой мечты», но всё, к чему он стремился, оказалось иллюзорным. «Мы метим все в Наполеоны», – сказал классик. «Но не все туда попадаем», – добавил от себя Ростик.

...Прошли годы. В ресторане «Визави», расположенном на Гоголевском бульваре, недалеко от станции метро «Кропоткинская», поздно вечером пела певица. Виртуозно играл на гитаре бородатый гитарист Алексей, и прекрасный голос меццо-сопрано пел о любви. Слушая романс в исполнении знаменитой Тамары Ркацетели, именитая публика затаила дыхание, не об-

ращая внимания на кулинарные изыски на столах. Бурей аплодисментов завершилось пение. Поблагодарив публику за тёплый приём, Тамара Ркацетели сказала, что она особенно благодарна поэту Ростиславу Орловскому, написавшему эти замечательные строки. «К сожалению, – добавила певица, – поэт вот уже несколько лет ничего не пишет, и никто не знает, где он находится». И никто не обратил внимания на упитанного, в дорогом костюме мужчину, сидевшего в одиночестве за угловым столиком с закрытыми глазами. По его щекам текли слёзы. Да, да! Это был наш Фиолент. Он в первый раз ощутил себя свободным и счастливым. И несчастным одновременно. Это были слёзы радости встречи и горечи прощания с давней мечтой – самой великой и самой загадочной Женщиной мира, имя которой Поэзия.

Поздним вечером Фиолент вышел из ресторана и пошёл куда глаза глядят. Шёл неторопливо и уверенно. Лицо казалось умиротворённым и счастливым. Даже красивым. Давно замечено, что счастливые люди прекрасны, даже независимо от их физических недостатков. Могло показаться, Фиолент принял какое-то важное решение. Сзади скрипнули тормоза мерседеса, и женский голос нетерпеливо окликнул его: «Филя!»

Он оглянулся и увидел свою жену, радостно махавшую ему из салона машины.

– Филя! Филя! – кричала Нина. – Прыгай скорей в машину! Мухаммед согласился! Мухаммед инвестирует пятьдесят миллионов баксов в наш завод!

Фиолент неторопливо оглянулся и спокойно ответил жене:

– Всё! Баста! Фиолент закончился. Есть Ростислав Сергеевич Полётов!

И он неторопливо продолжил свой путь, не обращая внимания на истошные призывы супруги.

Боль любви

Он сидел в полутьме бревенчатого чёрно-бурого дома на окраине Москвы и ждал Её возвращения. Были боль и радость ожидания, были надежда и сомнение: придёт – не придёт? А вдруг с ней что-то случилось? Была печаль и жалость. Печаль – почему они не встретились лет двадцать назад? Почему Она не появилась в его жизни в тот час, когда он был полон сил и уверен в себе? Он мысленно повторял это «почему», забыв, что двадцать лет назад Она родилась, а ему было тогда уже более тридцати лет.

Сердце внезапно зашлось от боли и жалости. Она должна была вернуться домой к полуночи или чуть позже, а время уже к двум часам.

Он сидел у окна неподвижно, уставившись в темноту, пытаясь увидеть её силуэт в калитке. Разве двадцать лет назад он знал любовь? Нет, не знал, хотя был молод и уверен, что всё знает, что всё ему по плечу. И ошибался, и ещё как! Он не знал, что любовь – это другая жизнь, это другой мир. Это – новая Вселенная, это – даже больше, чем новая Вселенная. Но теперь он знает силу любви: она – царица жизни, она – всепоглощающая воля. Но вдруг поймал себя на том, что повторяет общеизвестные, банальные вещи.

Начинался дождь. Он воспринял звуки дождя даже с радостью. Они прервали тяжёлую тишину ожидания. Он услышал или, скорее всего, почувствовал хлёсткие порывы ветра за окном. Тугие ветви белой бархатной сирени стали раскачиваться. Сердце дрогнуло. Неужели она? Она ведь знает, что он ждёт её у окна, что он смотрит во тьму. Она любит всё необычное. Порой спрячется в доме, в самом неожиданном месте, и ждёт, когда он почувствует её отсутствие и станет искать. Молодость так и играет в ней – и она играет своей молодостью. Первые капельки дождя стали шлёпать по кар-

низу. Пока редкие и несмелые, они как бы стеснялись нарушить тишину его ночных мыслей. Но вот дождь стал набирать силу и нахально застучал по стёклам, по наличникам, по листьям чёрных деревьев. Как она доберётся домой в непогоду? Он возненавидел сплошной шум, падающий с неба. Дождь казался ему главным врагом. Главным препятствием на её пути к нему. Все его чувства напряглись, внимание сосредоточилось на шуме за окном. И он стал слышать и понимать дождь. Ему казалось, что он слышит и ярость дождя, и его печаль, и даже плач его. Это не дождь, а оркестр: после осторожного вступления, а затем бурного всплеска возникла монотонная фаза расслабления и безысходности. Но монотонность была кажущейся – он стал различать гаммы и вариации в душе одинокого дождя. Билась в окно ветка сирени.

Почудилось, что кто-то стучит. Он резко вскочил. Но, понимая, что ошибся, тяжело опустился на стул. Сирень, сирень!.. Он посадил большой куст сирени два года назад, весной, когда встретил её, и загадал: если сирень примется и зацветёт в начале лета, то всё состоится. Что – всё? Он даже сам себе боялся говорить об этом. Он – известный профессор, исследователь поэзии Афанасия Фета, женатый и разведённый, имеющий взрослую дочь и внука. И она – молодая и красивая... В её больших серо-зелёных глазах, казалось, светилась сама Поэзия. Она читала фетовское:

Не избегай, я не молю
Ни слёз, ни сердца тайной боли.
Своей тоске хочу я воли, –
И повторять тебе «люблю».

Афанасий Фет – пел «благоуханную свежесть», а Она сама благоухала дивной свежестью и красотой золотой Весны.

Ему едва удалось сдержать слёзы. Он вспомнил её по-детски припухшие губы. Казалось, что Она произносила фетовские строки обыденно. Словесная нерасторжимость стиха становилась податливо-вязкой и липучей, переливаясь в печаль и восторг. Актриса! Ей веришь и не веришь, но больше хочется верить.

О Боже! Кто послал эту кудесницу из другого, неизвестного мира к нему на Высшие литературные курсы? Судьба? Евровидение? Если судьба, то почему так поздно?

И Она?! Она смотрела на него восторженно и, казалось, влюблённо. А он? А он, безоглядно влюбившись, даже не понимал, где Фет, где он сам.

Посаженная им сирень зацвела белыми бархатными гроздями. И он наконец решился. И уже два года они вместе. Два года немыслимого счастья. Два года любви. И третье цветение сирени. И первая ночь – врозь.

Сегодня у неё – встреча школьных друзей, и вот её нет, как будто не было никогда.

Он просидел перед окном всю ночь. Дождь затих. К рассвету мокрый куст сирени седым облачком выплыл из тьмы. Он переменил позу, но боль не проходила. Более того, она переместилась под левую лопатку и стала ещё острее. Левая рука онемела, и он стал растирать её вялыми пальцами. Лоб покрылся испариной, а в голове заколыхались в ритме сиреневых веток строчки:

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты в тайне поняла души смешную муку.
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.

И вдруг боль отдалилась, стала глухой и менее острой. Но когда он дошёл до строки «Мы оба молоды, но с радостью старинной...», острота боли вернулась,

вновь завладев сознанием. Ненадолго он потерял чувство реальности – и выпал из пространства. Сквозь смутную пелену он увидел Веру Арсеньевну, жену, появившуюся из дождливой ночи. Она стояла в проёме двери, жалостливо смотрела на него и вытирала платочком слёзы в уголках глаз.

«Не может быть! – подумал он. – Ведь мы развелись более двух лет назад, и Вера живёт на другом краю Москвы. Как она здесь оказалась? Не может быть!» Он открыл глаза – и образ Веры Арсеньевны исчез в мгновение ока. «Почудилось!» – прошептал он, озираясь.

Он вновь закрыл глаза и прислушался к боли. И опять наступило забытьё. Он отчётливо увидел Веру Арсеньевну, лихорадочно набирающую номер телефона.

«Куда она звонит? Что случилось?»

И тут раздался телефонный звонок. Он поднял правой здоровой рукой трубку. В сознании мелькнуло: «Слава Богу! Это она. Она едет домой и решила предупредить».

Но услышал голос старой жены:

– Вася, как ты? У тебя всё нормально? Ты не болеешь? Мне плохой сон приснился, и голос был, чтоб я тебе позвонила.

– Плохо с сердцем. Тяжело дышать.

– Я вызываю скорую помощь. И сама еду. Вася, держись, родной! Я еду!

После этих слов он провалился в темноту. В себя пришёл на третий день в больнице. Первое, что увидел, – лицо жены.

– Вера, почему ты? Где я?

– Не волнуйся. Уже всё позади. Мы в больнице. Вася, ты заболел, но сейчас всё нормально, кризис миновал. Я с тобой, Вася.

Василий Дмитриевич провёл в больнице три недели. Его многие навещали. Но та, которую он ждал всю ночь, ни разу в больницу не пришла.

Иногда, глядя на Веру Арсеньевну, он думал: «Неужели это случилось с нами? Неужели я мог расстаться с этой женщиной? Дороже её никогда и никого у меня не было и не могло быть!»

И он вернулся к жене. Вернулся, наверное, навсегда и неожиданно стал писать стихи о любви.

Сам себе удивился Василий Дмитриевич. Он, известный литературный критик, написавший несколько книг о великих поэтах и русской поэзии, никогда раньше стихов не сочинял, а тут понесло, будто прорвало. Появилась его первая книга «Боль любви» со строчками на обложке:

...Любовь приходит ниоткуда,
Любовь уходит в никуда.

Знакомый композитор написал на эти стихи музыку, и песня «Сирень любви» имела триумфальный успех – и у пожилых, и у молодёжи.

Однажды Василий Дмитриевич услышал свою песню по радио в исполнении очень знакомого женского голоса. Это был Её голос, голос потерянной любви. Его рука рванулась к телефону, чтобы позвонить той, чей номер он старался позабыть. Но внезапная боль в сердце объяла сознание – и тьма поглотила всё: и песню, и стихи Фета, и образ любви – вечный и непостижимый.

ЛЮДИ ИЗ НИОТКУДА

Случай под текилу

Времена изменились – иностранный язык ой как нужен! Клинкин очень жалел, что нехорошо расквитался с английским языком. В школе учил, в институте учил, всё без толку, а к сорока пяти годкам растерял даже те крохи, которые наскрёб чудом. Махнул на учёбу рукой. А зря. Преуспев в бизнесе, он стал ездить за границу и общаться с зарубежными партнёрами. Конечно, в переводчиках недостатка не было, но бывают случаи, когда без языка как без рук!.. Ещё какие случаи бывают!

Клинкин с женой возвращался из Мексики. Впечатления переполняли чету. Мир древних инков! Эти самые инки поразили его, инженера-строителя: вот вам водопровод, вот вам канализация, прямо из серии «чудеса света», а купальни, а познания инков в математике, философии, астрономии?! Обсерватория с картой звёздного неба. Звёздное небо отражалось в бочках с водой против окон-щелей обсерватории, и эти отражения неба наносились на карту. А знаменитая пирамида Солнца! Как они вдвоём с Лолитой ползли вверх по каменным ступеням, отдыхая на уступах для тех, чьи коленки жидковаты.

В пути домой – времени хоть отбавляй. Авиалиния – знаменитая «Люфтганза», но развлечений никаких. Скукотища. Не по возрасту молодое лицо Клинкина, розоватое, как у новорождённого поросёнка, светилось довольством и затаённой радостью. «Эх, Мексика! Страна чудес! Обязательно приедем когда-нибудь в Мехико ещё раз», – думал он, присматриваясь к жене. Лолита вынула из сумочки маленькие статуэтки фривольного характера и, улыбаясь, в который раз осматривала их. Из дерева, из металла нагие мужчины и женщины совокуплялись в разных позах. Такие маленькие фигурки, а всё при них. Все органы, мужские и женские, есть! А лица какие! Вон у той полногрудой с короткими ногами лицо прямо кричит от страсти. Статуэтки – очень умелые, маленькие копии с поделок древних мастеров. Что-то вроде японских нэцке, которыми любовались суровые самураи. Может, для них это были духи, приносящие тайную силу от женщин накануне схватки с врагом.

– Аркаша, посмотри на эту парочку. Во дают! – засмеялась Лолита.

– Лёля, а вот... – Клинкин покосился на сидящего рядом иностранца, вдруг понимает по-русски, и, наклонившись к жене, что-то прошептал ей на ухо.

– А умывальник из бронзы в Мехико помнишь? Чтоб воду пустить, надо было ручку в форме пениса повернуть. Кажется, в те древние времена на размножении помешаны были?

– Другие времена – другая философия жизни. То, что христиане считали таинством, сохраняющим энергию жизни, витальную силу индивида, для инков было возвышенным, публичным действом.

Лолита – филолог и продвинута в литературе и в искусстве. И стихи сочиняет! Чем Клинкин гордился, хотя и не показывал виду. Понимающе переглядываясь, они шутили и смеялись. Иностранец был глух и нем – значит, не понимал языка их шуток.

Под самолётом – нужная высота, табло, запрещавшее хождение, погасло. Клинкин посмотрел на соседа. Кто он?

Может, немец? Самолёт летел во Франкфурт-на-Майне. Поговорить бы с ним! И по рюмке не помешало бы. Но сосед, должно быть, ни бельмеса по-русски. Вспомнил про текилу – на верхней полке сумка с двумя бутылками парится. Самая дорогая текила, высшей пробы. Представив её вкус, аж покраснел, а его глаза, светло-голубые от природы, стали ещё голубей.

И он решился:

– Мусье, можно я выйду? – сказал он, обращаясь к иностранцу.

Он и сам не понял, почему выбрал такое обращение. Иностранец улыбался, поглядывая на Клинкина двусмысленно, а затем что-то буркнул.

– Хрен его поймёт, что он лопочет, – сказал Клинкин жене. – Хочу встать и бутылку текилы из сумки вытащить. Смотри, как он на Лёшу Жеребцова похож. Такой же маленький и худенький. Поди ещё, как и Лёша, кучу детей наклепал.

– Лёше надо было во времена инков жить. Там бы его таланты оценили, – засмеялась Лолита.

Наконец до иностранца дошли жесты соседа, и он привстал, пропуская Клинкина. Вот она – заветная сумка!

– Дринк будешь? Текила! «Дон Хулио» называется. Класс!

– Ноу, – заулыбался иностранец. И показал рукой, что будет спать.

– Спать так спать!

Примерно через час Клинкин проснулся. К этому времени подали ужин, он ел, переговариваясь с Лолитой, и даже не посмотрел на иностранца.

– Жеребцов Лёша, точно он! Даже такой же молчаливый! Молчун гнусавый! От выпивки отказался! – обидчиво пожаловался он Лолите.

– А ты ему предложи после ужина. Я слышала, что иностранцы после еды потягивают текилу маленькими глотками, зализывая солью.

После ужина, передохнув, Клинкин вытащил бутылку и медленно провёл ею перед глазами соседа, показывая золотую этикетку. И – о чудо! Флегматичное лицо соседа с бесцветными маленькими глазами вдруг оживилось и расплылось в улыбке. Клинкин протянул ему бутылку:

– На, посмотри! Что скажешь?

Иностранец внимательно рассмотрел этикетку и, улыбаясь, сказал:

– О'кей!

– Ну, Лёша! Это другой коленкор. Давай дринк! По рюмахе?

Но не было рюмок.

– А давай, Лёш, попросим стюардессу принести нам водки. Водку выльем в туалет, а в порожние стаканы текилу плеснём?

И опять иностранец, или «Лёша Жеребцов», как его прозвал про себя Клинкин, одобрительно закивал головой.

– Давай заказывай! Ты же лопочешь по-ихнему!

Иностранец нажал кнопку вызова стюардессы. Спустя какое-то время она принесла им в пластмассовых стаканчиках две порции водки.

– Вылей в туалет! – попросил Клинкин, показывая жестами, что нужно сделать.

Он вошёл в раж и стал командовать соседом, будто подчинённым. «Жеребцов», как ни странно, всё понял, молча ушёл и вернулся с пустыми стаканчиками. Развернули столики, и Клинкин налил граммов по семьдесят пять в стаканы.

– Рашен, – представился Клинкин, показывая рукой на себя и на жену. – А ты?

– Портюгис, – ответил «Жеребцов», смущённо улыбаясь.

– Вот так! Португалец он. Улыбается точь-в-точь как Лёша Жеребцов, – сказал Клинкин Лолите и добавил в сторону португальца:

– Поехали!

Но тут рядом нарисовалась стюардесса:

– Ноу. Проблем! Проблем!

– Какой проблем? Свою пьём! – непонимающе смотрел Клинкин на «Жеребцова».

Португалец, как и раньше, виновато заулыбался, а стюардесса ухватилась рукой за бутылку. «Налить хочет! Культура!» – осенило Клинкина, но, посмотрев на раздосадованное лицо стюардессы, всё понял и перехватил бутылку:

– Не отдам!

Стюардесса принялась нервно квохтать по-своему и, покачав укоризненно головой, побежала в пилотскую кабину.

– За бутылку сразу хватается! Ишь, мода! Как раньше при совдепах! Чего ж она стаканчики с текилой не забрала?

– А текила в стаканчиках – это уже чужая собственность. У них – за границей – трепетное отношение к чужой собственности. Бутылку она, видимо, хотела забрать и потом вернуть на выходе из самолёта. Я слышала, что на линиях «Люфтганзы» не разрешается выпивать своё спиртное, – вмешалась в конфликт Лолита.

Со стороны кабины показался командир корабля и нервно жестикулирующая стюардесса. Но, посмотрев в сторону Клинкина с португальцем, командир махнул рукой и повернул назад.

– Поехали, Лёша! – и Клинкин чокнулся с португальцем.

Оба выпили, и, не сговариваясь, каждый убрал свой стаканчик со стола. Португалец стал что-то нервно объяснять. И Клинкин его понял:

– А-а-а... Боишься, что высадят за пьянку. Не бойся. Под нами океан. Не высадят!

И пошла беседа под текилу. За ночь они вдвоём выпили две бутылки. Самолёт летел над Атлантикой. Говорили о жизни, о море, о профессии. Лолита после первой рюмки отрубилась и спала, а они пили и говорили, говорили и пили. На каком они языке общались, Клинкин впоследствии никак вспомнить не мог. Но отчётливо помнил, о чём говорили. Он запомнил, что у «Жеребцова» трое детей. Сын окончил морской колледж и работает помощником капитана на судах. Дочь похожа на жену. Вторая дочь пошла в бабушку по линии жены. Красавица! А сын, к сожалению, пошёл в него. И лицом, и фигурой, и всем остальным. Что он имел в виду под «остальным», Клинкину оставалось только догадываться. Но «Жеребцов» объяснил, что у сына проблема: нет отбоя от молодых и немолодых женщин, – они прямо добиваются его. Сыну уже под тридцать, а жениться никак не может. Клинкин узнал, что у португальца есть собака палевого окраса. И пошло-поехало... Оказалось, что португалец, как и Клинкин, гидростроитель. После этого разговаривать стало ещё легче. Потом, как это обычно бывает у мужчин, заговорили о женщинах.

Я услышал этот рассказ от Аркадия Клинкина, когда гостил у него на даче, на берегу Татарского пролива. Собралась приятная компания людей, знакомых с незапамятных пор. Был Лёша Жеребцов, ухватывающий мысль с полуслова. Разговор шёл лёгкий, с шутками-прибаутками. Но, пересказывая эту историю, Клинкин, наверное, утаил некоторые детали его беседы с португальцем о женщинах. Хотя вывод сделал:

– О, этот португалец – дока в женском вопросе. Он сказал, что его фамилия Хорс, один из его предков англичанином был. А Хорс – это лошадь, или жеребец, по-английски. Так он мне пояснил. Так что не зря я его Жеребцовым прозвал.

– Зря, Аркаша, ты не взял его адрес! Чёртова португальца. Пригласил бы его к нам, на Сахалин, – сказал Жеребцов.

– И правда, Аркадий! – поддержала Оля, жена Лёши Жеребцова, лукаво улыбаясь. – Если человек хороший, почему бы не подружиться? И мы к нему в Португалию съездили бы.

– Какой там адрес! Мы перед прилётом уснули. Проснулся я во Франкфурте-на-Майне. Лёля растолкала. А португальца уже и не было рядом.

– И что? Даже не попрощался?

– Нет, попрощался! Он ждал нас на выходе, у багажной стойки.

Бросился обнимать, что-то лопотал, а я ничего не мог понять. Раньше понимал, когда выпивали, а тут не пойму, и всё. Как отрубило.

– А на каком же языке вы общались, когда пили?

– Братцы, не спрашивайте. Не знаю. Помню, что там звучали молдавские слова. Я молдавский немного знаю. Но я понимал его, а он понимал меня. А когда протрезвели, всё ушло. Перестал я понимать его.

– Со мной тоже так бывает, – опять встряла Лёшина жена, – выпью бокал шампанского и начинаю говорить по-английски. Откуда-то слова сами приходят. Помните – Дженкис из Лондона приезжал, страховой агент. Так на приёме я неожиданно для себя обнаружила, что понимаю всё, что англичанин говорит. И стала отвечать ему на английском.

– Оля, а вдруг ты и на португальском сможешь?

– Девки, едем в Португалию к Хорсу. Берём с собой ящик шампанского, – Оля будет переводчиком.

– Да вроде бы этот Хорс давал мне визитку. Где-то валяется. Надо поискать, – вспомнил Аркадий. – Надо бы его поблагодарить, португальца. Не поверите, братцы. Эта история так на меня повлияла, что я отдал старшего сына в английский колледж. Да и младший сын отлично знает по-английски, что к чему. Я этому Хорсу очень благодарен, и если найду визитку, то обязательно приглашу на Сахалин.

Ещё год ускользнул, как угорь в тёплые воды. Опять собралась та же самая компания, что была год назад. Пили виски под сахалинскую тройную уху на море, возле маяка Слепиковского, что в Татарском проливе. Смотритель маяка предупредил, чтоб далеко не отходили, так как волны выбросили на берег нерпу, и медведи там пируют.

Вот она, первозданная природа. Песчаные дюны, на них растёт шиповник с красно-бурыми ягодами, похожими на мелкие помидоры. Тихая заводь речки. И закатное солнце в полнеба. Красное огромное солнце постепенно уходило в море. Казалось, что вот так можно стоять вечность и любоваться этим фантастическим зрелищем. «Солнце красно к вечеру – моряку бояться нечего», – вспомнилась старая морская примета. Но всё хорошее в этом мире когда-то кончается. Закатилось солнце за горизонт, и наступили тихие сумерки. Вспомнилась старая история про португальца, и я поинтересовался, нашёл ли Клинкин его визитную карточку. И тут все оживились, стали рассказывать, как Хорс гостил на Сахалине.

Заурядный случай в самолёте непостижимым образом повлиял на жизни многих людей. Дети Клинкина получили отличное образование. Лолита выучила португальский язык. Её подруги подружились с Хорсом, и некоторые из них тайно побывали в Португалии, хотя какая может быть тайна в маленьком приморском городке? Зато сам Клинкин продолжает любить текилу и не думает учить языки. С текилой можно обходиться и без иностранных языков, особенно если переводчиком является собственная жена. Хотя кто знает, отчего вдруг она овладела языком древних мореходов? Может, заинтересовалась древними португальскими манускриптами, в которых рассказывается о скрытой витальной силе, таящейся в маленьких фигурках древних ацтеков? Говорят, что в семье Клинкиных недав-

но появился внук, очень умный мальчик. Копия деда. Сами Клинкины вроде бы ожидают рождения дочери. Хотя, возможно, это только слухи. Поживём – увидим. Слухи, уверен, не возникают на пустом месте...

Как-то приснился Клинкину странный сон: встречает он Хорса на берегу Татарского пролива и протягивает ему руку. И вдруг – о ужас! – рука Клинкина оказывается медвежьей лапой. Хорс в страхе бежит к дюнам. А за ним бежит маленький мальчик, похожий на Хорса, но с медвежьими лапками, и кричит: «Папа, папа! Куда же ты? Я твой сын...»

Утром Клинкин сказал жене:

– Ночью хрень какая-то приснилась: якобы приехал Хорс, я с ним здороваюсь и вижу, что у меня медвежьи лапы.

– Ой, может, сон в руку? Может, Хорс приедет?! Надо девочкам позвонить.

– А лапы медвежьи при чём? – удивился Клинкин.

Но жена, ничего не ответив, побежала к телефону звонить подругам.

Маруся

«Летят гуси, летят гуси...» – напевал Чистюхин. Других слов из народной песни он не помнил. А слово «гуси» рифмовалось со словом «Маруся».

«Ах, Маруся! Ах, Маруся!» – пела душа.

В его жизни недавно появилась девушка. Маруся! Появилась – громко сказать: случилось так, что он ошибся телефонным номером, и ему ответил приятный девичий голосок: «Маруся. Слушаю вас». Потом позвонил ещё раз и ещё раз. И вот уже неделю он, мужчина за сорок, озадачен ею.

И что он знает про девушку? Ту малость, что сама рассказала: двадцати лет от роду, студентка, и всё. Но нет, он знает самое главное: она – кореянка, рост полтора метра и вес сорок четыре кг. Он представил её миндалевидные глаза, раскосые и с влажным блеском. Статуэтка! Представил её учтивую манеру ведения беседы, и сердце от радости зашлось. И вдруг неожиданно для себя он пропел совершенно новые слова:

Ах, Маруся, где ты, где ты?
Над землёй мой зов летит.

Было воскресенье. Чистюхин сидел в потёртом плюшевом кресле и предавался мечтам. Появились сомнения. Если она кореянка, то почему Маруся? Хотя мало ли корейцев живёт в России с давних пор? Многие родились здесь, и имена у них – русские, а языка корейского не знают. А как хорошо она разговаривает по-русски! И какая вежливая! Нет, что ни говори, а восточная девушка, где бы она ни родилась, сохраняет свою особую натуру. Это у них в крови. Покорность, услужливость, почитание культа предков.

И в очередной раз захотелось позвонить далёкой, неизвестной, но уже любимой им Марусе. Набрал номер, но на том конце никто не отвечал. В этот день всё у него валилось из рук. Теперь он и думать не мог ни о чём, кроме как об этой загадочной восточной девушке. Звонил ещё несколько раз, и ничего. Молчание.

«Куда она подевалась? Всегда отвечала», – волновался Чистюхин.

Вечером телефон был всё время занят.

«То не отвечает, то телефон занят», – Чистюхин разволновался.

Наконец ответил приятный женский голос:

– Салон «Афродита». Слушаю вас.

– Какой салон?! Я звоню Марусе.

– Одну минутку.

– Да! Маруся. Слушаю.

– Маруся, это я, Кирилл. Здравствуйте.

После продолжительной паузы последовал ответ:

– Кирилл, что вы хотели?

– Маруся, я хотел бы встретиться.

– Я согласна.

– Завтра в восемь вечера. Пойдёте в кино со мной?

– Что? В кино?! Вы шутите. Приходите к нам. Я зарезервирую время.

И Маруся назвала адрес салона чёрт знает на какой окраине Москвы.

Чистюхин был в недоумении, слушая короткие гудки. Что за салон? И почему раньше не говорила, что работает в салоне?

Со школьных лет Чистюхин был влюбчивым. Уже в первом классе он мечтал о пухленькой девочке Любе. Белокурая, с двумя косичками и с огромными голубыми глазами. Он постоянно думал о ней. И даже тетрадку для рисования подарил. Но однажды увидел, как Любочка, чавкая, уплетает котлетку в буфете. И любовь закончилась. На смену пришла длинноногая и худосочная Настя из параллельного десятого класса. Он долгое время пялился на Настю, боясь к ней приблизиться и сказать хотя бы слово. Весь класс знал о тайной любви Кирилла, и это длилось до тех пор, пока как-то они не остались вдвоём под мостом во время грозы. Настя вдруг прижалась к нему и стала мелко и часто дышать. И эта любовь закончилась ничем. Потом были другие женщины, но к сорока годам он так и не женился. Он был зациклен на возвышенной и чистой любви и платонически мечтал о чистом божестве в образе женщины.

На следующий день он не пошёл в конструкторское бюро, где служил. Взял отгул. С утра погладил выходной костюм, а чёрный галстук с вековечным затёртым узлом развязал и постирал. Взял томик Анны Ахматовой и перечитал стихотворение «Любовь», повторяя наизусть полюбившуюся строфу:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует...

Подошёл к зеркалу и оценивающе осмотрел свое отражение: выше среднего роста, остроносый, лоб высокий, серые, глубоко посаженные глаза, седина незаметна на фоне русых волос. Не красавец, но и не уродина. И возраст нормальный: всего на двадцать лет старше Маруси.

Ровно в восемь вечера Чистюхин приехал по указанному Марусей адресу. Над входом висел рекламный щит с улыбающейся прекрасной дамой, выходящей из моря. И надпись «Салон красоты “Афродита”. Работает круглосуточно».

«Вот в чём дело – красоту наводит», – отлегло от сердца.

Открылась дверь, и широкоплечий парень в модном костюме с чёрной бабочкой вежливо спросил:

– Вы по записи?

– Я, собственно, к Марусе. Мы договаривались.

– Значит, по записи. Ваше имя?

Прошли в уютный холл, обвешанный фотографиями голых красавиц. Парень сверил имя Кирилла по компьютеру и предложил рюмку коньяку:

– А Маруся где?

– Подождите минут пять. Она приводит себя в порядок.

И действительно, скоро из боковой двери вышла миниатюрная кореянка а, может быть, японка или китаянка. Именно такая, какой её представлял Чистюхин: кра-

сивая, учтивая, улыбчивая, с потупленным взглядом. О Небеса! Так не бывает. Он почувствовал, как сердце бешено заколотилось, – это была любовь с первого звонка, с первого взгляда!

Из стоящего на полке магнитофона лилась тихая восточная музыка. На душе стало покойно.

Но вдруг с грохотом открылась входная дверь, и в салон ворвался милицейский спецназ. Чистюхина и администратора уложили на пол. Рядом разместили ещё нескольких мужчин, вытащенных из других комнат. Марусю и полуодетых плачущих девиц посадили на пол отдельно.

Лежащий невдалеке от Чистюхина верзила, похожий на таджика, всё время икал, что раздражало до невозможности.

«Пусть арестуют, пусть побьют и отпустят, но лишь бы не слышать этого иканья».

Некто в маске с автоматом ткнул ботинком Чистюхину под бок:

– Давай паспорт! Лежать! Я сам возьму!

– Я, собственно... У меня свидание.

– Конечно, свидание! В бардаке! Теперь это называется свидание. Придурок.

Чистюхина стали обыскивать. Он лежал, задыхаясь от стыда и обиды.

Всех погрузили в милицейский автобус и отвезли в отделение милиции, где посадили в так называемый обезьянник. Толстый и неприятно пахнущий таджик продолжал икать. Впоследствии у него нашли бумажный пакетик с наркотиками и задержали. Остальных, включая Чистюхина и кое-кого из размалёванных девок, выпустили. Марусю, или по паспорту Чен Гы – китаянку, содержательницу притона, а с ней нескольких подружек, китайских подданных, тоже задержали.

Он вышел из отделения милиции и поплёлся к трамвайной остановке. Было холодно. Зима только начиналась. Небо затянули сплошные тучи. Дул промозглый ветер. По бесснежным улицам ветер гнал обрывки бумаги, целлофановые пакеты, пожухлые листья, пыль. Он еле успел на трамвай, видимо, последний. В трамвае было две пары: пожилой забулдыга с женщиной и сидящие на переднем сиденье парень с девушкой, слившиеся в поцелуе.

– Гадость, гадость! Маруся, Афродита! Какие имена поганят! – шептал Чистюхин сквозь слёзы. – Всё – гадость. Жизнь – гадость.

С ненавистью посмотрел на целующуюся парочку: парень русоволосый, а девушка восточного типа. «Ишь, разбирает их. Страсти восточные. Скоро все мы будем с раскосыми глазами».

На конечной трамвайной остановке все вышли. Подвыпивший парень продолжал тискать хихикающую смуглую девицу.

– Свиньи! – громко крикнул Чистюхин.

Парень оторвался от девицы и удивлённо посмотрел на него:

– Что ты сказал? Это ты мне?

Забулдыга с женщиной остановились и молча стали смотреть.

– Тебе, тебе! Тискаетесь на виду у всех. Свиньи!

И он с ожесточением плюнул под ноги парню. Тот, резко развернувшись, пружинисто, как это делают каратисты, ударил Чистюхина ногой в горло. В последний миг своей жизни Чистюхин ясно увидел Марусю – она учтиво улыбалась, зазывая его в салон «Афродита». За дверью струился свет, чистый и нежный восточный свет. В лучах восходящего солнца, словно в сетке, беспомощно трепыхались гуси с утками – столкнулись две стаи, летели пух и перья, ломались крылья, и стояла тишина.

Пауки

Из засады выскочил паук и ловко стал пеленать липкими нитями осу, неосторожно зацепившуюся за белёсую сетку крылом. Секунды – и оса превратилась в недвижный кокон. Словно по воздуху, добытчик потащил осу волоком по сетке.

«Вот как надо! Класс! Терпение, долгое ожидание и стремительная атака», – восторженно шептал мужчина с худосочным лицом, наклоняясь над паутиной.

Лицо мужчины светилось удовольствием, голубые глаза блестели, а на кончике крючковатого носа выступили маленькие бусинки пота. Пальцы, толстые и короткие, непроизвольно то сжимались в кулаки, то разжимались. Он осклабился: «Вот так и надо! Выждал, напал. И всё!»

Мужчина стоял посреди скромного дачного участка, наслаждаясь солнечным днём. Вот как подфартило! Схватку паука с осой увидел! Он довольно потёр руки и запел, нещадно фальшивя:

Милая, ты услышь меня...

Потом спохватился, настороженно оглядываясь. Вот бы удивились сослуживцы, увидев тихоню Леонида Семёновича в экстатическом возбуждении. Подтянул узел галстука вверх с видом, что всё по жизни решено.

Он всегда носил галстук. И даже в редкие минуты отдыха на даче ходил при галстуке. За долгие годы работы в советских и партийных органах выработалась привычка всегда быть настороже, в форме. И вот теперь он подошёл к финишной черте: ещё рывок, ещё одно усилие, и он будет недосягаем как для врагов, так и для друзей: сегодня он получит контроль над морским портом Большой Кут. А там другая жизнь!

Можно жить где угодно: на Майами или в солнечной Одессе, в Москве или в Париже, – денег хватит. Он представил себе эту огромную, день и ночь работающую махину, которой он посвятил всю свою жизнь: стоящие у причалов морские суда с разными флагами, угольный терминал, контейнерный терминал, лесной терминал, красивое здание заводского клуба... Да что там! Порт Большой Кут – это хозяйство российского масштаба. И сегодня он, Леонид Семёнович Закутепский, получит долгожданные семьдесят восемь процентов акций порта. Получит акции и расставит своих людей на важные участки. Сумеет! Не зря пятнадцать лет парился в первых заместителях разных генеральных. Вытерпел, выдержал, крупица за крупицей готовил долгие годы операцию по скупке акций порта. С первых дней приватизации он понял, что это его шанс, и стал скупать не нужные никому бумажки – ваучеры. Скупал за небольшие деньги у своих же недотёп, докеров порта, а то и просто выменивал ваучеры на водку. Учредил инвестиционный фонд на подставных лиц, и – сработало.

Осталось всего чуть-чуть. Вот-вот должен приехать Степан Заморук – отнюдь не иждивенец фонда – ведёт операции покупки последнего небольшого пакета акций. Прежний начальник порта сошёл с пути, по-стариковски осел в посёлке под Москвой. Зачем ему этот пакет? Долго сопротивлялся, и наконец Заморук уговорил его, укатал, замотал. А куда денется, сердешный? Здоровье уже не то, из Москвы на Дальний Восток не наездишься. Везде его, Закутепского, люди командуют: и в бухгалтерии, и главный инженер, да и совет директоров тоже состоит из подставных фигурантов. Сидят на заседании безмолвно и поднимают руки, когда Закутепский поднимет.

Невдалеке шумел мелкий ручей. Светило яркое послеобеденное солнце. Пели птицы. Закутепский бла-

женно улыбался, перебирая в памяти события последних лет жизни. Живёт на виду в портовом посёлке. Куда, на что тут потратить деньги?! И надолго уехать нельзя! Ни на пляж, ни в вояж. За всеми и за всем хозяйством надо присматривать постоянно, иначе уведут, украдут... А вот когда он станет главным собственником, тогда можно будет и расслабиться. Изберёт Заморука генеральным, и будет порядок. Пятнадцать лет верой и правдой служит Заморук. В какие передряги ни попадали, а он никогда не подводил. Врождённое чувство честности и порядочности. Копейки чужой не возьмёт. Да и не сможет взять, даже если бы и захотел. Главным бухгалтером сноху Закутепский поставил, а она без его визы ни одного перевода не сделает.

Недалеко от дачи проходила железная дорога. Прогрохотал поезд, нещадно гудя перед переездом. В грохоте поезда пропал сухой звук выстрела, сухой, как треск гнилой лесины. Двое крепких мужчин завернули безжизненное тело Закутепского в кусок брезента и поволокли к машине за углом. Волокли споро и деловито, очень похоже на то, как недавно паук волок жертву, осу. Брезентовый свёрток забросили в багажник японского джипа и уехали. И навсегда исчез Закутепский из маленького портового посёлка. Ходило много слухов по поводу его внезапного исчезновения. Был человек – и пропал.

– Наворовал Леонид Семёныч денежек и сидит где-нибудь за бугром на берегу моря. Пьёт пиво и в ус не дует, – беззлобно сказал как-то в бане падкий до пива водитель Заморука. И пошла гулять байка по посёлку. И не только по посёлку. Среди сообщества моряков и портовиков укоренилась.

А через полгода состоялось внеочередное собрание акционеров порта Большой Кут. Генеральным директором порта был избран Степан Заморук. В порт пришёл новый стиль руководства, а в портовый посёлок пришёл новый стиль жизни. Заморук жил открыто, на широкую ногу.

– Деньги нужно уметь и зарабатывать, и тратить, – говорил он. Выстроил добротный посёлок из коттеджей, в которых жили главные менеджеры порта и другие люди, сильные сего маленького мира.

По телевизору шла передача из мира животных. Ведущий, худой старик блаженного вида, увлечённо рассказывал о жизни пауков, самых древних обитателей Земли. Заморук сидел перед огромным экраном телевизора, стоящего на подставке из аквариума с живыми золотистыми рыбками, и с удовольствием смотрел передачу. Ведущий как раз комментировал сценку, когда огромный волосатый паук подкрался и схватил другого паука, поменьше.

– Вот так и надо! Выждал. Подкрался и схватил, – восторженно воскликнул Заморук, озираясь на молодку-супругу. – Муся! Хочешь, возьму тебя завтра с собой в Москву?

– Ой, как хочу! Но завтра открытие нашего салона красоты.

«Умница! Красавица! В бизнес вписалась! И хватка есть! Повезло мне», – он с одобрением посмотрел на супругу.

Утром водитель доставил Заморука в аэропорт и вернулся в распоряжение супруги. После церемонии открытия салона он отвёз молодую хозяйку на охотничью заимку Заморука и остался там с ней до утра.

«Что посеял – пожал; потерпел, что содеял...» – две с половиной тысячи лет назад сказал знаменитый греческий трагик. Жизнь продолжается во всём первозданном многообразии её форм. Пауки пожирают пауков. И паучихи...

Франческа

Потёртая японская красная «хонда» выкатилась, как игрушечная, из Южно-Сахалинска и легко побежала по дороге среди первозданных снегов, но Франческа была в полном смятении ума.

Подумать только: ещё каких-то десять лет назад она, продавщица продовольственного магазина, училась заочно на каком-то юридическом факультете... И вот добралась до немыслимых высот бизнеса. Но в бизнесе ей ничего не принадлежит. Она – наёмный менеджер. Да и членом совета директоров рыболовной компании она является номинальным. Избрали, как назначили. Завтра – не угодишь, и дадут пинка под зад? Недавно провели заседание совета директоров без участия московских директоров. И на тебе! Из-за этого самого совещания и возникла война между акционерами.

– Фиг его знает, что делать, – вырвалось у Франчески со вздохом.

– А давайте заедем на дачу к Ваське Кривому. Здесь недалече. Ключи у меня есть, – пророкотал водитель – молодой, но уже тучный, расплывшийся на пивных дрожжах.

– Рома, придётся потерпеть до вечера. Не до того мне сейчас. В Холмске сегодня такие дела... Уцелеть бы!

Через два часа начнётся заседание совета директоров. Как себя вести? Главные акционеры разделились на два лагеря: с одной стороны команда бывших менеджеров компании, а с другой стороны команда новых... Собственно, они – новая команда, они и управляют! А те, другие, сидят в Москве, но, имея акции в компании, претендуют на то, что они и есть единственные и правильные хозяева компании.

– Чёрт знает какая расстановка сил! И на кого ставить? – забывшись, воскликнула Франческа.

– Не понял, Франческа Кимовна, – отозвался водитель.

– Рома, я не тебе. Это я о своём, девичьем. Если сегодня всё нормально закончится, то вечерком заедем к тебе на квартиру.

Франческа почувствовала, как по телу прокатилась жаркая волна, и поправила пышный бюст. Рома умом не блещет, но как любовник выше всяких похвал. Сколько у неё этих любовников перебывало, пока делала карьеру! Помнится, в молодости даже практиковали с подругой любовь на троих. Хорошо было. Дурачились от избытка силы и страсти. Но сейчас другое время. С водителем иногда побалуется. А так – ни с кем. Ни-ни. Положение обязывает. Да и чин президента инвестиционного фонда что-то да значит! Хотя какие там инвестиции! Куда скажут главные акционеры, туда и переводит денежки.

Конечно, она числит себя в команде новых менеджеров. Это им она обязана своим карьерным ростом. Но и бывший генеральный директор рыболовной компании Туманин тоже для неё немало сделал. Во-первых, пригласил когда-то на работу в компанию. Во-вторых, в своё время личные отношения с ним сложились. Помнится, как в прошлом году, произнося тост на его юбилее, она сказала, что всеми успехами компания обязана ему, Туманину. И в заключение произнесла:

– И наш Яков Георгиевич как мужчина видный из себя! Я бы сказала, что он ещё о-го-го! Пожелаем ему оставаться «о-го-го» ещё долгие годы.

– Поддерживаю, – закричал фальцетом всем поддакивающий начальник рыбного цеха.

– Молчи, дурак! – зашипела супружница.

Но шипенье завистливой супруги потерялось в дружных криках зала: «Гип-гип-ура!»

До Холмска – не более получаса пути, а Франческа так и не надумала, какую позицию занять на заседании совета директоров. Кого поддержать?

«Позвоню я Нетёмному. Алексеич – председатель совета директоров всё-таки. Может, что подскажет?» – ухватилась за новую мысль.

В телефоне раздался голос Алексеича:

– Слушаю. Нетёмный.

– Алексеич! Это – я, Франческа. Где вы? Как обстановка? Заседание совета состоится вовремя?

– Франческа, всё нормально. Голосуем за предложения менеджмента. Смотри не подведи. Тебя подозревают, что ты можешь москвичей поддержать. Туманин явно на их стороне. На тебя надежда, Франческа.

– Алексеич, может, мне вообще не приезжать?

– Да ты что! Без тебя наши не смогут провести решение. Смотри, проиграем – по головке не погладят.

Франческа выключила телефон. Что делать? Она ведь пообещала Туманину, что будет, как он, голосовать. Как узнали?

Маленькая «хонда», словно божья коровка, медленно поднималась на перевал. Что там за перевалом? Увидеть бы!

– Остановись, Рома. Я выйду на минутку.

– А давайте в тупик заедем? А? Там нас никто и не увидит.

– Рома, перестань. Не до любви сейчас.

С перевала было видно море. Вокруг – до боли в глазах сверкающий снег яркой белизны. Внизу – чистота синего моря. Невинность свежего снега. И грязь корпоративной борьбы за влияние в бизнесе. Франческа не любила конфликтов, просто избегала их. Лучше заниматься любовью, чем конфликтовать. Не будь каменных глыб напряжения, могла бы с Ромой махнуть на холодную дачу Васьки Кривого. Да и в тупике на полчасика можно задержаться. В машине, среди белого снега. Класс!

К счастью, конфликта не получилось. После заседания совета директоров, под вечер, Франческа отправилась домой, в Южно-Сахалинск. На банкет не осталась, как её ни упрашивал Алексеич. У мужа отметилась, сказав, что будет поздно.

Остановились на перевале. Заехали в тупик – улавливатель аварийных машин. Рома оставил двигатель работающим, отключил фары, но включил габаритные огни. Красный свет отражался на поднимающихся ввысь белоснежных стенах, создавая иллюзию окон в пространстве. Прямо-таки замок! И в этом замке они вдвоём: она и сильный, молодой мужчина! От дороги слышен гул проезжающих автомашин, освещающих на повороте вершину сопки. Салют любви! Франческа, постанывая, шептала:

– Рома, приоткрой окно. А? Ножка на волю просится. Жарко!

Потом «хонда» катилась по серпантину дороги, вырываясь из снежного царства; водитель насвистывал «Мурку», а Франческа, засыпая на заднем сиденье, думала: «Какой, к чёрту, совет директоров?! Какие акционеры?! Ночь, снег и любовь под ночным небом. Кайф!»

Затем – дача Васьки Кривого, в долине у ручья, с зарослями вездесущего сахалинского бамбука.

«Учиться нам нужно у природы жить без зауми, – рассуждала Франческа, ожидая в окружении бамбука и снега, пока Рома достанет из сумки бельё. – Спит бамбук беспробудным сном, спят заросли шиповника до разгула южных ветров, до океанских штормов. А потом – взрыв весеннего буйства».

Позвал Рома, и она, на ходу расстёгивая шубёнку, побежала в домик.

Разливанное море любви – что ещё надо женщине? Франческа с нетерпением нырнула под рыхлого и большого Рому, как рыбаки ныряют под лодку, чтоб расплести запутавшиеся снасти. Ей хотелось вытянуть свою сеть с уловом, не бросая её, не неся убыт-

ков... «Жизнь есть борьба за жизнь», – мелькнуло у неё в мозгу.

«О море, о море!..» – напевала потом, вспомнив картину моря, открывавшуюся с перевала, когда они ехали в Холмск на собрание.

Настроение было прекрасное. Выкрутилась из щепетильного положения номинального директора. Номинальный директор – это нулевой директор. Нелегко выживать в бизнесе, особенно когда представляешь интересы других, а у мужиков – одно на уме. Но ей везёт. Имя у неё такое – везучее. Благодаря матери у неё это необычное имя – Франческа. Из прошлой далёкой жизни. Из старого лирического фильма о любви «Роман и Франческа».

Когда-то её молодые родители, посмотрев в деревенском клубе романтическую любовную историю, мечтали, что у них будет много детей – девочек и мальчиков. И первую девочку назовут Франческой, а мальчика – Романом. Но Бог дал им только её, Франческу. С внуками тоже не получилось, поскольку у Франчески детей не было.

Впереди показались огни Южно-Сахалинска, как будто скопление звёзд с чистого неба спустилось и осело на горизонте. Но один огонёк продолжал плыть в небе, удаляясь от города. То ли это был самолёт, то ли, может быть, НЛО? Франческа заворожённо наблюдала за удаляющимся огоньком.

«И я одинока, как та звёздочка, что в небе плывёт, – подумала и горько вздохнула. – Зато в карьере преуспела. Должность. Зарплата. И муж! А что муж?! Простой работяга. Пусть радуется, что жена попалась добытчица. Дом – полная чаша».

– Может, ещё ко мне на часок заедем? – подал голос Рома.

Но она промолчала, на глаза навернулись слёзы. Представила себе далёкий деревенский клуб, родителей, их мечтания о чистой любви, о детях. «Роман и Франческа», – горько прошептала, не сдерживая рыдания.

Она проплакала до самого дома, не обращая внимания на водителя и не отвечая на его недоуменные вопросы.

На следующий день Романа вызвали в отдел кадров и вручили приказ об увольнении по сокращению штатов.

Коготок

Витя Виторзан был из тех мужиков, которые, как говорят в народе, нигде и никогда не пропадут. В воде не утонет, из дерьма выплывет, на пожаре не сгорит, на работе не сократят. А тут на тебе! Уволили! Витя был в отпуске, поехал в родное село Замутяево под Одессой. Не пробыл и трёх дней, как позвонила Нелли Матвеевна: его, Витю Виторзана, уволили! Ужас!

Ещё вчера вечером он сидел в своём селе в старенькой деревянном доме и блаженствовал. Пришли бывшие однокашники, изработавшиеся и спившиеся сельские мужики. Какой был вечер! Витя смотрел на постаревших друзей и думал: «Слава Богу, что уехал из села!»

Витя не любил пить. Тем более водку или ещё что похуже, например, пахнущую пережаренной свёклой самогонку. Если самогонку правильно сделать да пропустить через фильтры, а потом настоять на клюкве и в конце добавить берёзовых почек или заправить молочной спелости грецким орехом и дать настояться месяц-другой, то такой напиток лучше любого заморского виски будет. Да разве утерпят?! У них в селе ничего

не настоится. Самогонку тёпленькой хлыщут, прямо из-под аппаратного крана. Но вчера пили Витины напитки: красное вино из собственного подвала! Мать сберегла к приезду Вити. Брат Дима налёг на виски из Москвы. Витя радовался. В селе его уважали. А что? За границей проработал около десятка лет. А теперь работает в солидной московской конторе. Колька Зацепин, дружок Витин из далёкого детства, без всяких экивоков спросил:

– Витёк, ты кем сейчас там, в Москве? Видимо, тоже неплохо пристроился, судя по твоему виду.

– В торговой фирме! Руководитель! Вице-президент! Слышали, может быть, фирма такая есть – Союзспецэкспорт. Вот после Лондона меня в неё и пригласили.

– Говорят, Витя, ты оружием торгуешь?

– Оружием не оружием, а специальную технику продаём. Одно плохо – загранкомандировок много. Надоело ездить – всё-таки за пятьдесят...

– Эх, мне бы с тобой, Витёк, хоть на месяц поменяться работой! Хоть бы раз поехать в Англию или, на худой конец, в Болгарию. А то дальше нашего села Замутяево не попадал. В Одессе всего раз был. Вся жизнь на тракторе прошла, – вздохнул с завистью Колька, – увяз коготок, так и птичке пропасть!

Потом долго вспоминали детство, как в школе шалили. Витя подшучивал над друзьями, сам же смеялся долго и залихватски после своих шуточек. У него был талант смеяться по любому поводу: палец покажи – и Витя будет смеяться громко и от души.

Но то было вчера. А сегодня всё изменилось. Не до смеху. Уволили. Где он сделал ошибку? Что случилось? Интриги сослуживцев? Или что-то пронюхали про его комиссионные от сделок? Нет, насчёт комиссионных – невозможно. Кое-что знает Нелли Матвеевна, менеджер по торговле металлоломом, но Витя с ней делится – подкидывает денежки под разными предлогами. Не в её интересах болтать.

Витя срочно выехал в Москву поездом, погружённый в свалившуюся незадачу. Что делать? Рядом сидела попутчица – красивая блондинка с соблазнительным бюстом. В другой раз Витя не прошляпил бы, поухаживал за дамой, а тут даже разговаривать не стал.

Москва встретила сутолокой. С генеральным директором Витя был на короткой ноге:

– Дим Димыч, это я – Виторзан. Вернулся досрочно из отпуска. С вокзала звоню. Мне сказали, что вы меня уволили.

– Тебе кто сказал, Виктор Анисимович?

– Нелли Матвеевна. Позвонила в село.

– А! Тогда понятно. Заходи завтра с утра. Всё.

Витя попытался позвонить Нелли Матвеевне, но та трубку не брала. Становилось всё тревожней. Неужели что-то пронюхали о последнем контракте на продажу плавучего объекта давнему партнёру Шарме? Да нет! Индус перевёл своевременно оговорённую комиссию на кодовый счёт Вити. Не в интересах Шармы раскрывать закрытые детали сделки. И Нелли Матвеевне он отвалил солидный куш. Хотя она ничего не знает о комиссии. Правда, намекнула, что с ценой прогадали.

В пять утра Витя был на ногах. К восьми, как вахтёр, встал в приемной Дим Димыча. Зайти к начальнику сразу? От волнения завелась медвежья болезнь, живот, как у особ королевской крови, отреагировал на неприятность. Витя помчался в туалет. Еле дождался, пока уборщица закончила уборку и освободила помещение. «Чего же я так волнуюсь? – размышлял Витя, рассматривая себя в зеркало. – Уволили! Подумаешь, невидаль! Не пропаду. Подамся в бизнес. Надоело служить в чиновничьей корпорации».

Холёное, породистое лицо теперь стало мятым, землистого цвета. Мешки под глазами. Крупный и мяси-

стый нос покраснел, и от его крыльев потянулись к уголкам рта глубокие складки. Из уверенного в себе мужчины Витя превратился в озабоченного и испуганного мужика.

«Тьфу! До чего дошёл! Распустился. Соберись и иди к Дим Димычу!» – подал команду себе и чуть не ткнул кулаком в нос человеку из зеркала.

Хлопнув дверью туалета, Витя ступил на ковровую дорожку, ведущую к кабинету босса. У Дим Димыча тоже рыльце в пушку, хотя он работает осторожно и по-крупному. Но Витя-то знает, что он открыл недавно ресторан в Греции вместе с партнёром. Конечно, ресторан записан на иностранного партнёра, но если копнёт кто-нибудь...

В приёмной уже сидела строгая секретарша. На приветствие Вити ответила:

– Проходите. Дмитрий Дмитриевич ждёт вас.

Разговор получился короткий:

– Явился, Виторзан? Уволили тебя. По сокращению штатов. Лучший для тебя выход.

– За что, Дмитрий Дмитриевич? Верой и правдой служу...

– Хватит, – морщась, как от зубной боли, сказал босс. – Воровать не надо.

– Да вы что? Как вы смеете? Да я...

– Не нужно, Виктор Анисимович. Хуже будет. Раскрутила тебя бухгалтерия на представительских расходах. Не постеснялся списывать с кредитной карточки суммы на покупку виски. А виски домой относил. А дальше и с твоими контрактами разобрались. Да и Нелли Матвеевна кое-что подсказала. Всё известно. И про Шарму. И про комиссию. Повезло тебе – решили не выносить сор из избы. Мелочный ты человек, Виторзан. И жадный. При таких комиссионных на дармовое виски позарился! Иди, и... чтоб я тебя больше не видел!

Пулей вылетел Виторзан из двери. С багровым лицом отправился в отдел кадров получать документы на увольнение.

«Комиссионные не докажут. И виски не докажут – по акту списал как подарки Шарме. Ещё посмотрим, чьи козыри выше. Восстановлюсь», – думал бессонными ночами, ожесточённо глядя в темноту.

И Витя пошёл дальше – поехал прямо к юристу: не согласился с увольнением! Посоветовался и подал в суд на восстановление в должности.

После сутяжного, занудного спора да при помощи двух адвокатов удалось доказать свою правду-матку. В один чудный день лета, знойный, как распаренная дебелая женщина, Витя с гордым видом явился в отдел кадров и вручил решение суда о восстановлении на службе. Ему выдали, словно в обмен, копию отксеренного приказа о восстановлении на работе, но не в прежней сокращённой должности, а в равноценной по зарплате – менеджер по туалетам.

«Чёрт с ним, с названием должности, лишь бы прежнюю зарплату платили», – подумал Виторзан, но настораживала формулировка: «Определить место работы В. А. Виторзана в кабинете номер тридцать три».

Не зря насторожился! Кабинет номер тридцать три оказался туалетом, тем самым туалетом, в котором в то приснопамятное утро он спасался от медвежьей болезни.

«Ну, погодите, немцы вы этакие!» – стиснув зубы, Витя пошёл домой. Написал заявление. По собственному желанию! Кому, собственно, желать, как не себе самому?! Пошли они вон!

Прохожие без тяжёлых зимних одежд казались нарядными и беззаботными. Прыгали на тротуарах стайки вездесущих воробушков. Пробежали, порхая бабочками, девчата в лёгких разноцветных куртках. А Виторзан шёл, понуро опустив голову, не обращая внимания

на весну, на хохочущий народ. Ноги тряслись, вот-вот, не дай Бог, медвежью болезнь вытравит нутро. Витя в бессильной ярости кипел: «Гады! Свиньи! Не ожидал, что Дим Димыч удавится, как говорится, за бутылку виски! Из-за представительских денег придрался. Мелочь всё это. Что возим, то и едим. Вон в деревне. Возьмёт Колька себе доску или налево сработает, например, распашет соседу огород, так что? – надо его из колхоза выгонять?! Или на кол сажать?! А меня за какую-то мелочовку – вон из конторы? А сам – этажом повыше, чистоплюй нашёлся! Кто миллионы ворует, а с кем за бутылку виски готовы поквитаться. Ярлык наклеили».

И пошла после этого случая жизнь Вити, как говорится среди моряков, наперекос. Много в Москве контор, но нигде Витя не задерживался. Дольше всех его терпел грузин – хозяин частной судоходной компании. Когда терпение кончилось, расстался. Отчалив от грузина, Витя, словно столетней давности пароход, поплыл по жизни, пыхтя и вываливая из трубы дымящиеся клубы. Никчёмный работник, да ещё и нечист на руку.

Эх-ма, увяз коготок, так и птичке пропасть?..

«Нет же, нет, я – не из таких, – подумывал Витя. – Придёт мой час! Узнаете ещё Витю Виторзана!»

Но смеялся он теперь не громко, как некогда в студентах – на всю Дерибасовскую, а тихо и заискивающе.

Судья

Поезд Москва – Киев уже отходил, когда я вскочил в тамбур вагона.

– Ой, пассажир, осторожно! Что же вы так припоздились? – посочувствовала мне проводница.

В купе сидел пассажир – худощавый мужчина лет за шестьдесят. Я его толком и рассмотреть-то не успел, когда он вместо ответного приветствия вдруг властно спросил меня:

– Вы олигарх?

Растерявшись от такого напора, я промолчал.

– Чего молчите? Олигарх вы или нет? Отвечайте!

Худощавое лицо желтоватого цвета с блёклыми глазами смотрело на меня в упор. Вначале я подумал, что это шутка, но незнакомец явно не шутил.

Оправившись от шока, я ответил:

– Нет, я не олигарх. А что?

– А то, что я олигархов ненавижу! – был категорический ответ, и мужчина заулыбался какой-то неестественной улыбкой, но протянул мне руку.

– Николай Аркадьевич. Вместе, значит, и поедем. А я думал, если олигарх попадётся в попутчики, то попрошу проводницу перевести в другое купе.

– Чем же вам так олигархи досадили? И почему вы решили, что в одном купе с вами будет ехать олигарх? Они ездят в специальных вагонах и с охраной.

– Э, мил человек, всякое бывает. Я насмотрелся и наслушался за свою жизнь много чего. Если олигарх едет, к примеру, к любовнице тайно от жены и сотрудников, то зачем ему охрана? Конфиденциальность! – он многозначительно и с явным превосходством посмотрел на меня.

Проводница вошла без стука. Без суровой железнодорожной шинели она оказалась статной молодой женщиной с аппетитными формами. Карие глаза в пол-лица искрились доброжелательностью. Встретится такая красавица на улице или ещё где – и сердце зайдётся, как в юности от первой любви. Почему эта красавица – проводница? Такой любушке место в театре, на подиуме или на великосветских приёмах. Я даже боялся смотреть в её сторону. Отдал билет и уткнул-

ся в газету. А Николай Аркадьевич стал ей улыбаться и задавать совершенно нелепые вопросы о предстоящих остановках в пути, об украинской таможне и ещё о чём-то.

Заказали чай. Мой сосед дотошно выяснил, входит ли чай в стоимость билета, и, получив утвердительный ответ, опять улыбнулся мелкой и быстрой улыбочкой.

Проводница ушла, и мы продолжили разговор. Я решил сам перейти в наступление, проверить на реакцию моего попутчика.

– А вы, Николай Аркадьевич, наверное, в милиции служите?

– Горячо, милейший. Но не точно. Я – бывший судья. А сейчас на пенсии, как бы в запасе...

– Ходорковский – не ваших рук дело?

– Не привелось, не посчастливилось. Не будь я на пенсии, кто знает? Может, и доверили бы. Я был на хорошем счету. Мои дела никогда не отменялись в порядке пересмотра.

– А за что же вы так не любите олигархов? – спросил я и тут же пожалел о своём вопросе, так как Судья стал подробно аргументировать свою позицию, а в конце своего монолога подвёл итог:

– Всё украли у государства и у народа. Абсолютно всё! За что их любить?! Да их и расстрелять мало.

Я понял, что затронул вулкан, который, если не предпринять мер, будет бурлить до утра. И прощай тогда сон. В Киеве весь день был расписан, и я собирался последним вечерним поездом в тот же день выехать в Москву. А тут на тебе! Дискуссия об олигархах. Я попробовал смягчить разговор.

– Каждому, как говорится, по заслугам, по делам скажется, Николай Аркадьевич. Кто украл, тот в тюрьме сидит. А некоторых ждёт тюрьма. Нашим олигархам собственность за политическую поддержку по номинальной цене подарили, так сказать. А дарёному коню в зубы не смотрят. И назад подарок не отбирают.

– Пусть так! И что? Они приумножили эту самую собственность? Построили новые нефтепроводы, новые заводы? Новые дороги проложили? Царь вон хоть и дурак был, а Дальневосточную железную дорогу построил. А эти что? Качают нефть из разработанных ещё в советское время скважин, вырубают леса. Эксплуатируют самолёты, пароходы, нефтяные трубопроводы времён Советского Союза. И набивают собственную мошну, которая находится за пределами России.

«О боже мой, – подумал я, – сколько мне предстоит поддерживать эту тяжёлую беседу?»

Но из вежливости ответил:

– А новый газопровод, который прокладывают по дну Балтийского моря? А на юге газопровод, с выходом на Болгарию и другие страны? А Москва как похорошела?

– Ну, милейший, вы загнули! Так это, слава богу, у нас умное руководство страны появилось. Это всё государство строит. Олигархи только разворовывают. Они строить не умеют, да и не хотят.

Продолжать было бесполезно. Я вышел в коридор и стал смотреть в тёмное окно, думая о предстоящих встречах в Киеве.

После чая я засобирался отдыхать. Впереди были суетные стоянки на пограничных пунктах: российском, а потом на украинском. Ночь предстояла хлопотная, шумная. Мой попутчик, полулёжа на диване, читал Уголовный кодекс РФ.

– Николай Аркадьевич, вы дверь, пожалуйста, закройте на защёлку, когда спать будете ложиться. Говорят, что жулики своими ключами открывают купе. У меня знакомый всегда с собой верёвку в поезд берёт. И на ночь завязывает дверь изнутри, – сказал я.

– Я, мил человек, столько этого жулья пересадил! Знаю, знаю повадки этой братвы! Будьте спокойны. Я их насквозь вижу. Всё сделаю.

– Для чего же вы на ночь читаете Уголовный кодекс?

– Поддерживаю форму. А вдруг призовут?

И вдруг неожиданно для меня он перешёл на другую тему:

– А бабёнка ничего? Как считаете?

– Какая бабёнка?

– Проводница. Хохлушка. Одни буфера чего стоят.

«Ну и ну, – подумал я, – ну и выраженьице – буфера! Вот так Судья! На пенсии, а поди ж ты...».

Сон сморил меня. В сонном забытьи я услышал громкий стук и голос проводницы, но продолжал дремать, решив, что Судья дверь откроет.

И снова провалился в сон, и оказался в детстве. Иду с бабушкой Мартой по сельской пыльной улице. А навстречу идёт улыбчивый мужик.

– Здравствуйте, Марта Николаевна. Как ваше здоровьице?

– Иди, иди своей дорогой, Петро. Чего тебе до моего здоровья? Спрашиваешь попусту. Сам будь здоров да не попадайся.

Мужик покланялся и пошёл дальше.

– Встретился не к добру, окаянный, прости Господи! Небось наметил уже украсть что-то: курку али с огорода что.

– Бабуль, а почему ты его назвала окаянным?

– Подрастёшь – поймёшь. Нельзя доверяться каждому первому встречному.

Опять раздался громкий стук, и сон прервался. В нём было замечательным то, что увидел я покойную бабушку, увидел себя, босого, в белой холщовой сорочке ниже колен. Как наяву увидел драчливого петуха в соседском дворе, где жила моя подружка Нинка, по кличке Марамоныха. Почему Марамоныха? До сих пор не знаю. Я во сне выклянчил у бабки, чтоб провела меня мимо петуха к Нинке. Благостный сон! Как будто в селе родном побывал, как будто в детство вернулся. Но при чём здесь предостережение бабки – не доверяться первому встречному?

– Открывайте дверь! Пограничный контроль! – в дверь настойчиво стучали.

Поезд стоял.

«А почему Судья не встаёт?» – подумал я.

Включил свет. Открыл дверь и обнаружил, что никакого Судьи в купе нет.

«А кто же дверь изнутри закрыл, пока я спал? Где он?» – пришла новая мысль.

Чудеса, да и только. Словоохотливого попутчика в купе не было. Зашёл пограничник, проверил мой паспорт, пожелал спокойной дороги и пошёл дальше.

Я подумал: а может, Судья по какой-то причине перешёл в другое купе? Не выдержал и окликнул проходящую по коридору проводницу:

– Извините, а мой попутчик, Николай Аркадьевич, куда делся?

– Как куда делся? Он же с вами едет.

– Может, в туалете он? – решил уточнить я.

– Туалеты закрыты, – чётко ответила проводница.

И тут ко мне пришло предчувствие чего-то нехорошего. Я поднял крышку нижнего места, на котором спал, и увидел, что моего портативного компьютера, походной сумки и кошелька с деньгами – нет.

Я уже всё понял, но поверить в происшедшее никак не мог. «Как? Как он мог вытащить вещи из-под меня? Как же он вышел через закрытую дверь?»

На помощь пришла проводница, и вскорости появился сержант милиции и ещё какой-то милицейский чин в гражданском костюме. Меня наскоро опросили и составили протокол. Слава богу, что с поезда не сняли для дачи показаний.

Оказалось, что Судья – матёрый рецидивист, промышляющий в поездах. В определённых кругах он был хорошо известен по этой кличке.

Вот и не верь в дурные приметы и в вещие сны!

Поезд мчался в тёмной ночи, а я сидел и размышлял, где в Киеве перехватить денег на командировочные расходы. Но мысли почему-то упорно возвращались к Судье и его нелюбви к олигархам. Бедные олигархи! Никто их не любит. Уголовник и тот их не любит.

Денег и вещей, конечно, было жалко. А с другой стороны, с бабушкой повидался во сне и услышал её золотые слова: «Не доверяйся каждому первому встречному!» И вдруг я заметил на полу маленький клочок бумаги. Поднёс к свету и увидел написанные печатными буквами слова: «До встречи, Олигарх! Твой Судья!»

«Упаси Господи от встречи!» – подумал я и представил себе забор с колючей проволокой, лай овчарок и Судью, шагающего в колонне зеков. Но послание от уголовника томило душу. Ой ли придётся свидеться?! Не зря в народе бытует пословица: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»...

«Чур-чур!» – опомнился я, отгоняя дурные мысли. Стал думать о пышногрудой участливой красавице-проводнице.

И тут, не постучавшись, она сама вошла в моё купе и предложила помощь в Киеве.

Ведьма на метле

Добродеев проснулся среди ночи. Из окна в комнату падал яркий лунный свет. Лаяла соседская собака. Попытался уснуть, но сон как рукой сняло. Какая-то неясная тревога гнездилась в душе. По белой стене в лунном свете перемещались тени. Он подошёл к окну, чтобы закрыть штору, но увидел нечто такое, от чего впервые в жизни перекрестился. Над крышей соседнего дома – большая метла, с женщиной в чёрном балахоне, с поднятым торчком высоким меховым воротником, и метла будто бы кружила, подыскивая местечко для посадки. Добродеев даже увидел следы, которые она оставляла на виражах, – дымок такой сизый. «Словно форсажный след двигателя...» – промелькнула несуразная мысль. Перевёл взгляд вниз и увидел на земле обыкновенные стальные двухсотлитровые бочки, которые сосед расставил на углах своего участка со стороны дороги для ограждения. В каждой бочке стояло по метле, прутьями в небо. Но сейчас одна бочка была пуста. Видимо, на метле из этой бочки и летала ведьма. Посмотрел ещё раз на крышу. Ведьма сделала крутой вираж и с ходу нырнула в дымоход.

– Свят, свят, свят, – прошептал Добродеев, – почудится же такое! И выпил вчера всего ничего.

– Не ничего, а литр водки! На двоих с Кузьмичом, – услышал он голос жены с постели.

– Да что ты брешешь! – возмутился Добродеев. – Кузьмич почти всё и выпил, а я только пригубливал.

– Соседская собака брешет, и ты – с перепою. Чёртики уже в глазах прыгают. Что тебе там почудилось? – сварливо спросила жена Изабелла.

– Тебя увидел. На метле залетела в дымоход к соседу.

– Дурак пьяный, – не осталась Изабелла в долгу и закрылась одеялом с головой.

А Добродеев продолжал стоять у окна, переводя взгляд то на дымовую трубу, то на бочку, стоящую на углу соседского участка. Метлы в бочке не было. Может, опять почудилось с перепоя? Но ведьма на метле тотчас выскочила из дымохода и снова начала летать над крышей. Собака залаяла пуще прежнего. Жена опять подала голос:

– С ума сошли. Ты и собака. Не спится вам.

– Изабелла, иди сюда! Быстро! – сиплым голосом прошептал Добродеев.

Что-то такое было в его голосе, что Изабелла, не задумываясь, соскочила с кровати и, подбежав к окну, тут же грохнулась на пол без чувств.

Добродеев перепугался ещё больше и нагнулся к жене.

«Святой Боже! Святой крепкий!» – вспомнились обрывки молитвы, которую он слышал в детстве от бабушки.

Побежал в ванную, набрал в рот воды из-под крана и, вернувшись к окну, побрызгал в лицо жены. С трудом привёл Изабеллу в чувство и отнёс на кровать, впервые радуясь тому, что она была небольшого росточка и худенькая. Сам опять вернулся к окну. Но над крышей ничего не было, а метла, как и раньше, стояла в стальной бочке на углу соседского участка, иссохшими прутьями в небо.

Жена вновь заохала, запричитала, очухавшись:

– Знаменье! Наказанье Божье! И откуда она взялась?

– Ты это о чём? – спросил Добродеев.

– Ты что, не узнал? Так это Верка Квасючка на метле летала. Певица.

– Час от часу не легче. Ум за разум заходит. Какая Верка Квасючка? Почудилось это нам.

– Почудилось? А что же ты меня позвал к окну? Отчего я на пол грохнулась?

– Да ты представляешь, что говоришь? Верка Квасючка на метле в полночь к этому обормоту Пузырю залетела через трубу? – разозлился Добродеев. – Всё. Больше ни слова! Спим.

И Добродеев притворился спящим. А сам всё перебирал в памяти происшедшее, веря и не веря в то, что он видел летающую на метле ведьму. Рядом ворочалась жена. Вздыхала. И что-то тихо шептала. Может, молилась. Как-то незаметно Добродеев уснул.

Проснулся он к обеду. Подошёл к трюмо и посмотрел на себя в зеркало. Всклокоченные волосы на голове, русые и наполовину седые. Маленькие, близко поставленные к переносице глаза. Но лицо, хоть и немолодое, вполне ещё приличное.

«Ничего, ещё попрыгаем! – подмигнул сам себе Добродеев. – Душ. Йога на часик. И будем в порядке».

И тут он вспомнил ночной ужас. Подбежал к окну. Небо было затянуто тучами. Моросило. Черепичная крыша соседского дома блестела. Асфальт тоже блестел от мороси. На углу стояла стальная бочка с воткнутой в неё метлой, и рядом, у ворот дома, стояли две такие же бочки, покрашенные в зелёный цвет. И мётлы были. Обычные, берёзовые.

«Вот урод! Нефтяной магнат, мать твою так! – выругался Добродеев. – Пузырь чёртов! Мало того что кусок территории от дороги оттяпал, так ещё и вид испоганил! Додумался – мётлами огородиться. Вот и летает над ним нечистая сила».

Сосед Пузырёв не понравился Добродееву сразу, как только появился в посёлке Новозоряново, и он прозвал его Пузырём. К тому времени половина посёлка уже была застроена. Пузырёв купил три участка и вместо трёх домов поставил один, но очень большой, с зимним садом, с громадным двухэтажным флигелем для прислуги, с гаражом на три машины. На втором этаже гаража сделал помещение для охраны. Договорился с местной администрацией и выкупил часть прилегающей к дороге земли, предназначенной для устройства тротуаров. Свою территорию огородил трехметровым сплошным забором. А по углам забора поставил уже упомянутые стальные бочки с мётлами.

– Человеческая жадность не имеет границ, – как-то встретив на дороге Пузырёва, сказал Добродеев.

– Что-то произошло?

– Что тебе, мало трёх участков? Что же ты дорогу обрезал?

Пузырёв хмыкнул что-то неопределённое и ушёл на свою территорию. Таких непробиваемых пузырёвых с десяток в посёлке наберётся. То все деревья вырубят на своей территории непонятно зачем, то отхватят кусок общественной земли и разными уловками стараются не платить сборы на содержание посёлка. Вскоре Пузырёв сдружился в посёлке с Мухоплётом. Откуда такая фамилия – Мухоплёт? Очень редкая... Но надо же, как соответствует натуре человека! Летает этот Мухоплёт, словно муха, жужжит и баламутит людей. Одному одно скажет, другому – другое. И пойдёт сплетня гулять по посёлку. Пузырёв и Мухоплёт, или Пузырь и Муха, как их прозвали в посёлке, даже внешне похожи друг на друга. Бывшие спортсмены, но уже порядком обленившиеся и заплывшие жирком к сорока. Оба имеют своё особое мнение по каждому пустяшному вопросу. Говорливые, аж жуть! И большие любители погулять с выпивкой.

Пока Добродеев стоял у окна и раздумывал, Пузырёв вышел во двор с банкой пива и что-то сказал водителю. И вдруг – о ужас! Из дома вывалилась целая компания: Муха с женой, какие-то незнакомые люди и... Верка Квасючка в окружении играющих на разных инструментах музыкантов. Добродеев не любил эту певицу, всегда наряженную в какие-то гротескные балахоны с мехами. Не любил её за глупые слова песен, за то, что в песнях она специально коверкала язык и пела на какой-то тарабарской смеси украинского и русского. И сейчас во дворе Пузырёва звучала музыка и Квасючка, выплясывая, выдавала очередной шедевр, повторяя многократно припев:

Оглянуться не успела,
Як з коханым залетела.

«Тьфу! – сплюнул Добродеев. – Целую ночь, наверное, гудели! Чтоб вам провалиться!»

В комнату вошла Изабелла и стала рядом с Добродеевым.

– Гриша, так это же и есть Верка Квасючка! И ночью на метле она летала.

– Как это может быть? Не может нормальный человек, даже баба-певица, на метле летать. Показалось нам.

– А синяк у меня на бедре тоже мне показался? Ведьма она. Самая натуральная. Ночью, наверное, шабаш ведьм был. Смотри – вон ещё одна хриплым голосом песни наяривает, блондинка с чёлкой. Никого тебе она не напоминает?

– Неужели это?.. – и Добродеев назвал имя очень популярной певицы.

– Она самая. Тоже, видать, ведьма.

Всё происходящее походило на какой-то нереальный спектакль. Но сосед Пузырёв, его гости были настоящими. А Верка Квасючка хоть и летала ночью на метле, но вот на тебе: стоит среди двора и поёт, точь-в-точь будто бы с экрана телевизора.

Водитель подогнал удлинённую машину, издалека похожую на трамвай. Гости со смехом попрыгали в неё, а Верка Квасючка что-то сказала Пузырёву, и тот выдернул из бочки метлу и передал ей.

– Свят, свят, свят, – перекрестился Добродеев. – Неужели среди бела дня на метле полетит?

– Спаси и сохрани нас, Господи! – прошептала Изабелла.

Но Верка Квасючка летать не стала, расцеловалась на прощанье с Пузырёвым и с метлой под мышкой села в машину. Белая машина сорвалась с места и на немыслимой скорости исчезла за углом дома, на мокрой дороге оставив лишь сухой выжим шинный.

Добродеев вышел во двор. В голову лезли разные мысли, вплоть до того, что, может, он сам тронулся

умом. Подошёл к калитке и посмотрел на соседские бочки. Две метлы стояли, а одной не было.

– Гриша! – окликнул его другой сосед и приятель, Кузьмич. – Заходи ко мне. Чайку попьём. На смородиновых ветках заварил. Вкуснотища! Чего ты какой-то задумчивый?

– Да ночью твоя собака лаяла. Не выспался.

– Оборвал Дик цепь и сбежал. Как он умудрился стальную цепь порвать, ума не приложу.

Добродеев отказался от чая и вернулся в дом. В тот же день он пошёл в церковь и поставил свечку.

Соседский пёс Дик так и не вернулся домой. Исчез навсегда. Хороший был пёс, и Кузьмич долго горевал по нему.

Добродеев никому не рассказал о ведьме. Ни жена, ни он никогда эту тему в разговорах не затрагивали. Что-то внутри им подсказывало: не нужно об этом ни с кем говорить. После этого случая Добродеев стал переключать программу телевизора, когда выступала Верка Квасючка и некоторые другие популярные артисты. И не только те, которых он увидел во дворе Пузыря.

А через месяц, в конце мая, ночью налетела гроза с громом и молниями. Странная и страшная гроза. Таких гроз в мае ещё не бывало. Целую ночь хлестал дождь, сверкали молнии, гремел гром. В эту ночь от удара молнии сгорел громадный дом Пузырёвых. И флигель сгорел. Но никто не пострадал.

А Муха сел в тюрьму за мошенничество. Говорят, он скупал сельскохозяйственные угодья в Московской области, спаивая палёной водкой крестьян.

Пузырь после пожара всё-таки съехал из посёлка, но мётлы, уцелевшие в бочках после пожара, с собой прихватил. Интересно, зачем?

Голые женщины, или необычные способности Ивана Голощепкина

В воскресенье Иван Голощепкин проснулся от криков пастуха: «Струля, назад! А-а, холера! Куда прёшь, оторва?!»

Затем послышался хлёсткий хлопок кнутом. Голощепкин встал и недовольно закрыл форточку, – отгородился от шума коровьего стада, возвращающегося с пастбища к обеденной дойке.

«Расшумелся на всё село. Показывает усердие», – подумал о пастухе Новодворском и снова забрался в кровать.

Голощепкин любил поспать с утра. А куда спешить? В селе по воскресеньям не работают. Праздник. Грех работать. А в будний день жена всегда найдёт работу: ты бы воды принёс, ты бы дров нарубил, ты бы, ты бы... «Тыбик» – одним словом, так в деревне его и прозвали. Чуть что – позовите Тыбика, скажите Тыбику... Безотказный Иван всем помогал. И все этим пользовались, начиная от собственной жены и заканчивая Кузьмичом, председателем колхоза. Колхоза давно нет, есть акционерное общество – сельскохозяйственное предприятие на арендованной земле у своих же селян, а директора Кузьмича по привычке продолжают звать председателем.

Настенные ходики отбили одиннадцать. Жены не было. Видимо, на праздничную службу в церковь пошла. Тамара набожная. Церковные праздники чтит, посты соблюдает, но это ей не мешает ни за что ни про что пилить мужа. Словно пила в неумелых руках мучает крепкое дубовое бревно: шуму много, а толку никакого. Голощепкина ворчание жены особенно не задевало.

В комнате было сумрачно. Мокрая осень – радости мало. За окном моросил нудный дождь, лениво и безостановочно.

Голощепкин услышал всё тот же противный перестук мелких дождинок по карнизу, под который он уснул вчера вечером.

«Ничего не меняется, – подумал он, засыпая. – То моросит, то дождит. Каждый год одно и то же. Слякотная и мерзкая осень. Никуда не пойдёшь. Эх, взять бы удочку да к речке, как летом бывало. А так – целый день маяться».

Загрохотала на веранде дверь. Жена, видимо, вернулась.

«Пришла из церкви, а гремит, словно в клубе на танцах была», – подумал неприязненно.

Тамарка, как её в глаза и за глаза зовут в селе, всё делает громко и шумно. Даже Ивана женила на себе с шумом: пошёл провожать после танцев в клубе, прощаясь у калитки, хотел в щёчку чмокнуть, так она тут же и прилипла к нему: зацеловала. А назавтра всё село знало, что Тамарка замуж за Ивана выходит.

– Как можно столько спать?! Бока не пролежал? Сходил бы в магазин, хлеба нет.

– Не ворчи с утра. Сейчас встану, – не открывая глаза, ответил супружнице.

– Глазки-то открой! Смотри, новую хустку я купила у Матрёны. Муж привёз из города. Но ей не лычит. А мне всё лычит.

В селе живёт немало выходцев из Украины. Отсюда и много украинских слов: хустка – платок, лычит – идёт, значит, к лицу наряд. Голощепкин нехотя посмотрел на жену и от увиденного снова закрыл глаза и даже рукой прикрылся. Перед ним стояла голая Тамарка.

«Может, сплю?» – подумал с опаской.

– Что жмуришься? Не нравится? Или денег пожалел? – вскрикнула Тамарка, да и ещё ногой притопнула.

– Да нет... Я ничего. То есть хорошо, – промямлил Голощепкин.

Тамарка стояла голой. Нет, нет... одежда на ней была. И новая цветастая хустка была. Но под одеждой он видел голую Тамарку. Стройные сильные ноги. А груди-то, груди... Полные, красивые... Соски крупные, розовые. Господи, да он вроде как в первый раз увидел свою жену. Всё остальное ушло в сторону. Ушли в сторону мысли, почему она голая или почему он видит её голой.

– Тома, а может, полежим немного? Иди сюда! Выходной ведь.

– Да ты что, рехнулся?! Средь бела дня! С вечера уснул... А теперь его повело! С чего бы?!

– Да красивая ты больно в этой новой хустке, – нашёлся Голощепкин.

Но она повернулась и пошла из спальни. Голощепкин во все глаза смотрел ей вслед. Белые булочки ягодиц перекатывались под тёмной юбкой, словно зверки живые. Он облизнул пересохшие губы: «Как же так? Я её вижу голой, а она одетая. И не сплю».

Он выглянул в окно и увидел голую старую яблоню и сидящую на ветке нахохлившуюся под дождём ворону. Ворона, словно в ответ на взгляд Голощепкина, громко каркнула и лениво полетела прочь. И тут он окончательно уверовал в то, что с ним что-то произошло. Что он не такой, каким был вчера. Но мелькнула спасительная мысль: «Привиделось». Не дай Бог, если он приобрёл дар видеть людей голыми. Представил, как выйдет из комнаты и увидит голой тёщу.

«Чур меня!» – громко вырвалось у него.

С опаской Голощепкин открыл дверь спальни. У печки копошилась тёща, Анна Акимовна. Не голая. В обычном и вечном своём зипуне, который, казалось, она никогда не снимала: ни в мороз, ни в жару.

– Наконец-то проснулся зятёк! Ты бы воды принёс.

– Да с большим нашим удовольствием, Анна Акимовна. А где Тамарка?

– Так недавно из церкви вернулась и опять куда-то повеялась.

– Дык она ведь только что в новой хустке в спальню заходила. Сказала, что у Матрёны купила. Может, показаться к соседке побежала?

Но тёща, посмотрев на него, как обычно, неприязненно, молча загремела ухватом.

Взял вёдра и пошёл к колодцу. Во дворе стояла голая Тамарка и разговаривала с подружкой Валькой. Тоже голой.

«А моя Тома поядрёней будет, – подумалось. – Больно тощая Валька. Да и сисек у неё почти нет. С детский кулачок каждая».

Голощепкин отвернулся и молча пошёл к колодцу.

– Вань, ты чего не здоровкаешься? Не проснулся, что ли? – крикнула Валька.

– Здорово! – буркнул Голощепкин, не оглядываясь.

– Да он на меня с утра обиделся, – вставила Тамарка и что-то затараторила подружке. Затем обе громко рассмеялись.

У колодца стоял с полными вёдрами председатель Кузьмич. Одетый. Не голый. Голощепкин с облегчением вздохнул: «С полными вёдрами – к добру. Не хватало ещё Кузьмича голым увидеть!»

– Привет, Тыбик. Что не в духе? Понурый какой-то.

– Тебе бы, Кузьмич, не председателем, а экстрасенсом работать. Всё ты видишь. Всё знаешь. Ничего не случилось.

Немного поговорили, и Голощепкин заторопился домой. От способности видеть женщин голыми голова пошла кругом. Как такое может быть? Жену и Вальку видит голыми. А тёщу, к счастью, нет. Какая разница между ними? И почему Кузьмича голым не видит? Хорошо, что не видит, но почему? А как с другими людьми?

После завтрака Голощепкин вышел на село, хотя дождь продолжал нудно моросить. В резиновых сапогах и в нейлоновой синей куртке с капюшоном он медленно шёл по скользкой от грязи улице, всматриваясь в редких прохожих, – не терпелось проверить свои способности видеть людей голыми. Он ещё раз убедился, что на мужчин его дар не распространяется. И на старух не распространяется. И на детей. А вот молодых женщин видит обнажёнными и во всей их красе. Завидел впереди рябую Матрёну, даже отвернулся, чтоб не смотреть на её сомнительные прелести. Другое дело – красавица Нинка, студентка. Приехала из города на выходные к бабке. Голощепкин уставился на голую Нинку, разинув рот от удивления. Вот это фигура! Та недоуменно посмотрела на него, покрутила пальцем у виска и побежала дальше.

Потом ему встретилась Верка, жена пастуха Петра Новодворского, и он одобрительно прошёлся взглядом по её дебелой, крупной фигуре: «Баба у Петра что надо! А сам-то хлюпик. И за что бабы в теле любят таких хилых: Петра-то соплёй можно перешибить».

Голощепкин никому не рассказывал о своём даре. Всё было внове и интересно. В клуб на танцы даже наведывался, мол, на молодёжь посмотреть, как они теперь танцуют. Но в селе ничего не скроешь, село всё видит: необычный интерес Тыбика к женщинам вызвал пересуды. Пошли скандалы. Хромой Никодим, души не чаявший в своей молодой жене Лариске, даже обещал ему морду начистить за то, что на Лариску пялится. Да и жена принялась неуёмно ревновать. Голощепкин стал носить тёмные очки. То, что вначале было забавным и интересным и в какой-то мере скрашивало унылую жизнь, позже стало невозможным. Невозможно каждый день видеть голых женщин. Невозможно и не всегда приятно. И Голощепкин страстно захотел избавиться от необычного дара.

Поехал в районную больницу и записался на приём к терапевту. А к кому идти? Какой врач может изба-

вить от напасти видеть голых женщин? Терапевтом оказалась молодая красавица, и на её вопрос, на что жалуется, он только мычал и плёл какую-то несуразицу, не в силах не смотреть на голую докторшу. Из больницы ушёл ни с чем. Но перед этим случайно услышал разговор двух бабок в очереди к терапевту, что в дальнем селе есть знахарка, которая отводит привороты, избавляет от разной хвори. Побывал Голощепкин у знахарки.

Во всем, оказалось, виновата ворона, которая в то памятное утро сидела под дождём на голой ветке яблоньки против окна спальни. Знахарка шипела, золой от осины посыпала голову, шептала слова отворота и наконец объявила:

– Глаз на тебя положила соседка твоя худосочная. Нравишься ты ей. Вот и явилась вороной к тебе и наслала энти чары. Но перестаралась. Хотела, чтоб только её задницу лицезрел, а тебе все молодые бабы доступны. Но моё колдовство посильнее будет. Избавлю я от напасти. Поезжай домой. Спадёт напасть-то.

«Валька это», – сразу определил Голощепкин. Он как-то имел неосторожность на ферме шлёпнуть Вальку по мягкому месту. Видимо, поняла как приглашение к взаимности. Муж-то на заработки на Сахалин уехал.

«Ну как же она могла в ворону превратиться?» – засомневался и решил вечерком наведаться к Вальке. Может, откроет секрет.

* * *

Этот рассказ я услышал от случайного попутчика в поезде Москва – Киев. Он подсел в наше купе в Брянске. Как это бывает в дороге, слово за слово, – потекла беседа, словно вода в речке, наполняясь всё новыми историями. Разговор шёл о колдовстве. Сидевшая рядом со мной женщина приводила один за другим примеры чёрной и белой магии.

«А вот ещё был такой случай...» – начинала она очередную историю. Чего только в этих историях не было: ведьмы и добрые бабки-знахарки, катанием варёного яйца по телу снимающие сглаз, удаляющие бородавки, были любовные привороты, отвороты и всякая другая, с моей точки зрения, чепуха. Молодая тоненькая девушка с большим, не по фигуре бюстом широко открытыми глазами смотрела на женщину и восторженно ахала. Сидевший у окна напротив меня флегматичный мужчина не отводил глаз от девушки и помалкивал.

– Не верю я во всю эту чушь о колдовстве, – не выдержал я.

– С вами ничего не случалось, вот и не верите, а придёт нужда, так впереди всех к знахарям побежите, – тут же парировала женщина.

Затем к разговору подключился флегматичный мужик и рассказал эту странную историю про Ивана Голощепкина и необыкновенную способность видеть женщин голыми. Дотоле скучное его лицо оживилось, зарумянилось, глаза заблестели.

– И что? Помогла знахарка? – не дожидаясь окончания истории, спросила восторженная девушка.

– Дык... Не знаю. Не спрашивал я Ивана, – засмущался мужик и отвернулся к окну.

Вышли с ним в тамбур покурить. И я с завистью сказал, что неплохо, наверное, таким даром обладать. Вон сколько женщин красивых. Взять хотя бы девушку из купе. Вот бюст! Загляденье.

– Дык надоедает. Разве приятно смотреть на говорливую бабу из нашего купе?

– Да, ты прав, наверно. Надо ещё уметь отключаться от способности видеть голых баб, – пошутил я. – Я бы согласился на такой эксперимент.

– А ты приезжай в наше село. Я тебя с Валькой познакомлю. Может, сговоритесь, – и мужик назвал село в Брянской области.

– А кого спросить?

– Тыбика и спрашивай. Любой встречный укажет мою хату.

Вот так сюрприз! Я опешил. И до конца поездки с опаской поглядывал на флегматика. Шутил он или правду рассказал? Кто знает? А с другой стороны, если известный на всю Россию ловкач Гробовой за деньги оживляет мёртвых, то почему не может живая Валька обернуться живой вороной? А может, съездить в село к Голощепкину? Если всё – правда и если договориться с этой самой Валькой, то представляете, какие возможности открываются по части колдовства?

Розыгрыш

Эта история случилась в Ирпене, что под Киевом. Вечером в кафе «Славия» раздался звонок, трубку взял администратор Сергей. Высокий, тонкий паренёк, очень старательный в работе, даже излишне старательный. Сергей родом из украинского села, но в кафе изъяснялся практически по-русски.

В заполненном до отказа зале – обычный для таких заведений шум, звучала музыка, официантка еле справлялась с заказами, и администратору приходилось ей помогать. А тут звонок:

– Алё! Да! Кафе «Славия»! Слушаю.

– Як тебе зваты, дытыно? – раздался в трубке мужской голос.

– Сергей. Администратор. Что вы хотите?

– Дытыно, зажды. Справа дуже важлыва. Я тоби зараз всэ скажу.

– Я слушаю вас. Говорите.

– Таке дило, Сергийко. Мий сын Павло, вин студэнт. Так вин учора у вас обидав...

– Уважаемый, меня посетители ждут. Нельзя ли побыстрее? Что ваш сын? Забыл что-то?

– Та ни, нэ забув. Вин у вас пыво пыв, негидныk такый, и йив борщ.

– И что? В чём дело?

– Нэ перебывай мэнэ. Я всэ скажу. Так в борщи тартан був...

– Таракан? Не может быть!

– Так, так. По-вашему, по-кацапски, таракан, а по-нашему тарганчик.

– И что вы от нас хотите?

– Та почекай-но трошкы. Чого ты такый нервовый? Павло щэ сказав, що ваше пыво як коровьячи стякы...

– Ну это уже слишком. У нас немецкое пиво. И «Оболонь» – лучшее в Украине пиво.

– То так, так... Про пыво Павло пэвнэ збрехав, бо вин тры пляшкы выпыв. Алэ, про тартана, то ни... Нэ будэ Павло про тартанчика брехаты. Був тартан в борщи, був. Я йому вирю.

– Приходите в кафе, и мы всё обсудим. Я не понимаю, чего вы хотите? Всё. У меня работа.

– Дытыно, я ж хочу як кращэ. А то Павло хочэ до депутата звертатысь и в газету пысаты, що у вас тартанчикы в борщи плавають.

– Приходите, и мы всё обсудим. До свидания.

Сергей положил трубку на место и побежал к столику, где пьяный приставал к официантке Оле. Правду говорят опытные трактирщики: как начнётся вечер, так и дальше пойдёт. Была ещё пьяная драка. Но пока Сергей звонил в милицию, дочь хозяина кафе Тарасыка Ира выскочила на шум из маленькой конторки и как-

то очень быстро справилась с дерущимися. Кому-то с размаха заехала кулаком в лицо, а кого-то вытолкала за дверь, и всё стихло. Зал одобрительно захлопал.

– Кто здесь администратор: я или ты? – Ира бросила Сергею, покидая зал.

Высокая, статная, с черными слегка раскосыми глазами Ира нравилась Сергею. И надо же так опозориться!..

А с другой стороны, ввяжись он в драку, неизвестно, чем бы это закончилось. Другое дело Ира. Им, красавицам, многое с рук сходит.

Ближе к полуночи на закрытие кассы пришёл хозяин, усатый брюнет с плутоватыми глазами. Сергей доложил о странном звонке и о драке.

– Крыше надо было позвонить. За что мы им деньги платим? А Ира, конечно, молодчина. Но не её это дело, а твоё, Сергей. Ты за порядок отвечаешь.

– Так меня сбил с толку разговор по телефону про таракана в борще. У нас же нет тараканов вроде бы...

– У нас борщей на обед не бывает. Мы варениками кормим людей, а не борщами. Ты что – не знаешь?!

– Ну, гад! Пусть только позвонит ещё раз! – вспылил Сергей.

– А вот этого не нужно! С клиентами нужно быть вежливыми. Кто знает, что за человек? Может, он самому президенту сватом приходится. Смотри, парень, не нарывайся!

На следующий день, заступая в вечернюю смену, Сергей был внутренне готов дать твёрдый, но тактичный отпор нахалу. Он стремглав бежал к телефону, но нахал позвонил ближе к полуночи.

– Сергийко, цэ ты? Добрый вечир.

– А, это вы? Насчёт таракана в борще? Как вас зовут, кстати?

– Та Петром мэнэ вси клычуть.

– А батюшку?

– А нащо тоби наш пип?

– Какой поп? Я спрашиваю, как вас по отчеству величать? Как вашего отца звали?

– Мий тато був Мытрофан. Та кажы на мене, хоть як хочэш. Дай Павлыку гроши за борщ з тарганом, та й всэ.

Сергея настолько возмутила эта наглость, что он напрочь забыл инструкцию Тарасыка и закричал в трубку:

– Какой борщ? Какой таракан? У нас борщей не бывает на обеды. Мы вареники подаём: с картошкой, с капустой, с творогом. Чего вы, блин, пристали?

– Тю, якый нэрвовый! Та помылывся я! То ж булы варенькы в сметами. Як ци вареники йисты, колы там тартан? Ты б, Сергийко, йив?

– Я в-в-вам предлагал прийти в кафе? Почему вы звоните? Пусть Павлик ваш п-п-придёт, – Сергей стал заикаться.

– Так вин соромыться!

– Т-три бутылки пива выпить он не стесняется и обозвать фирменное п-пи-пиво «коровьячамы с-стяками» не стесняется. С-со-ро-мыться!

– Чого ты так розхвылювався, Сергийко? Стару людыну нэ поважаешь! Ото позвоню вашему Тарасыку, нэхай накаже тебэ.

– Звоните кому хотите.

На следующий день звонка не было. И Сергей успокоился. Дела шли своим чередом. Через два дня вообще выпала удача: заезжий автотурист дал ему на чай целых двадцать долларов. Таких чаевых в Ирпене никто не давал, – кафе посещали в основном студенты налоговой академии. Настроение было отличное. Но вдруг раздался звонок:

– Добрый вечерок, Сергийко.

– А, старый знакомый! Давно не звонили, Петро Митрофанович! Что у вас нового? Как Павлик?

– Щось дуже ты сьогодни официйный став. Мабуть хочеш даты Павлыку сто грывень? Ось и кум из Вер-

ховной Рады сказав, що за таргана у сметани треба платыты штраф...

– Каких сто гривен?! Ведь Павлик съел вареники!

– Ото ж, що зьив! А як той тарган був заразный, а? Воны ж, ци тарганы, в такых мисцях мандрують...

Сергей не выдержал, сорвался:

– То был наш самый лучший таракан. Чемпион Украины по тараканьим бегам. Мы с вас ещё деньги за его смерть потребуем. Пошёл ты... Не звони сюда больше! – и в сердцах бросил телефонную трубку.

Утром Тарасыку позвонил старший брат из Москвы: еду, мол, на поэтический вечер. И попросил встретить его на вокзале в Киеве. Будучи русскоязычным поэтом, Александр использовал любую возможность для приезда в Украину. После школы он учился в мореходном училище, а затем лет тридцать работал на Дальнем Востоке. Теперь решил наверстать упущенное, и кое-что ему уже удалось: некоторые его стихи на украинском языке даже стали песнями.

И вот они в кафе. Владимир Тарасык заказал вареники с различной начинкой, до которых Александр был очень охоч.

– Что, Володя, решил исправиться? – спросил, лукаво улыбаясь, Александр.

– Всё шутишь? Твои розыгрыши у нас все наизусть знают! То вареники из Москвы закажешь на дом, то памятник Коцюбинскому у нас во дворе предлагаешь установить. Больше у тебя эти штучки не пройдут.

– А помнишь последний раз, когда я с Балашовым Виктором Ивановичем приезжал? Был замечательный вечер поэзии. Как Балашов читал стихи!.. – мечтательно произнёс Александр. – Это разве розыгрыш был?

Братья стали вспоминать родное село Долочье, что в Хмельницкой области. Одноимённую песню на слова Александра, положенные на музыку землепроходцем, композитором Николаем Шершнем.

– Эту песню у нас на свадьбах по сёлам поют. И в соседних областях тоже, – и Володя стал рассказывать последние новости из села.

Мало-помалу разговор вернулся к теме розыгрышей.

– Володя, а ведь ты тогда не угостил Балашова варениками. Обещал привезти в Киев из Ирпеня готовых вареников и не привёз.

– Да помню, помню я. Не смог я в тот последний вечер приехать. А потом вы уехали.

– Володя, а ведь я поклялся перед Балашовым, что разыграю тебя. А он мне: «Да не надо!» А я разыграю...

– Никогда! Все твои штучки уже известны.

– Спорим!

– Давай! На что?

– Проигравший поёт песню в этом зале на украинском языке: «Ой, дивчыно, шумыть гай...».

– Саша, я не хочу тебя позорить. Ты проиграешь и будешь петь с русским акцентом.

– А давай попробуем. Только розыгрыш засчитывается, если он имел место на этой неделе.

– Сегодня пятница. Хорошо. Идёт, – Владимир торжествующе засмеялся, – посмотрим, як ты будеш в недилю спиваты.

– Позови администратора. Его Сергеем зовут?

Подошёл Сергей, и Александр обратился к нему приветливо на чистом украинском языке:

– Добрый вечер, Сергийко. Привет вам от Павлика. Павлик просил передать, что вареники были очень вкусными. А пиво «Оболонь» – лучшее пиво в Европе.

Сергей растерянно переводил взгляд с одного брата на другого. Наконец он нашёлся:

– Так это вы, Петро Митрофанович?

– Да нет, я – Александр Иванович. Брат Владимира. Это я разыграл вас всех и выиграл пари у моего брата. Вот и отдавай, Володя, должок, спой «Ой, дивчыно,

шумыть гай...». И ты, Сергей, будешь сегодня обращаться ко мне только по-украински. Договорились?

Сергей растерянно кивнул головой. Но неожиданно помощь пришла от Иры:

– А давай, Серёжа, поможем папе спеть.

«Ой, дивчыно, сэрдце мое...» – тянул вслед за Тарасыком Сергей, поглядывая на Иру. И та, играя глазами, лукаво отвечала: «Кого любышь – забувай, забувай...».

Александр счастливо улыбался. Он впервые услышал эту песню в далёком детстве на одной из первых послевоенных свадеб в родном селе Долочье.

На следующий день неожиданно явилась санитарная инспекция с внеочередной проверкой. Проверка в субботний нерабочий день – невероятное событие. В маленьком Ирпене ничего просто так не делается. Санитарный врач вела себя странно: была строгой и официальной, несмотря на дружеские отношения с Владимиром. И оштрафовала его на пятьсот гривен за антисанитарное состояние кухни.

Владимир пытался возмущаться, но врач шепнула: «Володя, я ничем не могу помочь тебе – бумага пришла из Верховной Рады, якобы кому-то таракан попался то ли в борще, то ли в сметане с варениками. Гони деньги, а то ещё из Киева нагрянут с проверкой».

Бизнес наизнанку

Алла, Аллочка, Алюся... Так её звали в детстве. Она была хорошенькой, миленькой девочкой. Чистое личико, слегка вздёрнутый носик и ниспадающие на плечи золотистые локоны. Глаза голубые. Ангелочек во плоти. Но уже в детстве у этого земного ангелочка стали проявляться необъяснимые вспышки капризности. Бывало, нарядит Вера Кирилловна, или Верочка, как муж её звал, доченьку в беленькое с кружевами платьице, соорудит на головке бант малинового цвета и поведёт гулять на Невский проспект. Редко какой прохожий не оглянется на эту пару: молодая и стройная мама с милым профилем лица, шатенка, и рядом маленькое чудо. Подойдёт, бывало, какой-нибудь дяденька и в расчёте на знакомство с красивой мамой скажет девочке:

– Ой какая красивая маленькая леди! Как вас зовут, мадемуазель?

– Уйди отсюда! Фу! Уйди-и! – завопит маленький бесёнок, при этом миленькое личико искажает злая гримаса.

– Извините, пожалуйста, – смущённо улыбнётся Вера озадаченному прохожему. – Моя дочь сегодня не в настроении.

Подобных историй случалось множество. С возрастом Алла постепенно превратилась в диктатора семьи. Все только и делали, что крутились вокруг Алюсиных капризов. А в шестнадцать лет Алла вообще объявила бойкот родителям – и на все их вопросы отвечала односложно: «Да», «Нет», «Я подумаю». Последнее означало просто отговорку, потому что результатов её размышлений никто и никогда добиться не мог.

К восемнадцати годам Аллочка из хорошенькой девочки превратилась в юную бестию, при этом довольно умную, но некрасивую. Куда девалась былая детская красота? Срезанный подбородок, широкие, словно крылья хищной птицы, крылья носа, сразу переходящие в клюв.

После школы Алла поступила на юридический факультет и параллельно – на экономический. По окончании получила два диплома.

– Умному человеку два образования ни к чему, – как-то уколола Аллу однокурсница, – а неумному образование ума не прибавит.

– Тебе точно высшее образование ума не прибавит, а мне в самый раз. Я ещё и в аспирантуру поступлю.

Учёба шла успешно, но личная жизнь не складывалась. Алла не интересовала парней. Во-первых, некрасивая, во-вторых, слишком умная. О чём с такой мымрой говорить? О значении Давосского форума для будущего развития России? Не видя умных мужчин вокруг себя, деятельная Алла кинулась в науку. Но теперь сами по себе знания её не удовлетворяли. Требовался выход бурлящей в душе энергии. И такой повод нашёлся. Однажды Алла обратила внимание на рекламный щит, восславляющий пиво «Клинское». Тут же мгновенно она сочинила антирекламный слоган:

Ваше дело свинское – пейте пиво «Клинское»!

«Эти рекламные щиты заполонили весь город. Реклама в телевизионном ящике, реклама на столе, реклама в постели! А что, если создать общественную организацию по борьбе с рекламой? Например, общественный фонд “Антиреклама”. Президент фонда Алла Буланова! Звучит?!» – решила она и основала общественный фонд «Антиреклама». Она даже не могла предположить, какой ошеломляющий успех ждал её детище. Проект был обречён на успех. Деньги потекли рекой. Некоторые компании стали бороться через «Антирекламу» с конкурентами, вытесняя их с рынка. Клиентов стало хоть отбавляй. Солидные люди, солидные комиссионные. Деньги светлые, деньги чёрные – налом. Офис на Невском проспекте. Команда профессиональных юристов. Модные тусовки. Участие в различных телевизионных проектах. Знакомство с мужчинами, богатыми и интересными. Алла научилась притворяться и давать мужчинам то, что они ожидали от неё. Она могла сыграть роль задумчивой и таинственной дамы или ласковой и податливой кошечки. Визажисты, парикмахеры, массажисты, художники, поэты, модные дизайнеры и прочая братия сделали своё дело. Пластические хирурги подправили носик. В общем, Алла превратилась в светскую львицу, которую некоторые находили даже красивой.

Наконец пришла любовь. За ней ухлёстывал бедный поэт Серёжкин, худой и маленький, но талантливый.

– Серёжкин – гений! Но, к сожалению, не мой формат, – смеялась Алла в присутствии Серёжкина.

– Ну и стерва ты, Алка! Что же ты на Серёжку Серёжкина катишь? – возмутился модный и представительный парикмахер Жинский. – Он ведь тебя любит!

– Не формат – и всё! – нагло отрезала Алла.

Однажды в ресторане, где Алла ужинала с однокашницей Светой, к их столику подошёл мужчина лет за пятьдесят, тёмноволосый, невысокого роста, довольно плотного сложения.

– Идём – потанцуем!

– Мы что? Знакомы? И уже на «ты»? – резко ответила Алла.

– Познакомимся.

– С мужчинами в возрасте я не танцую. Вдруг плохо в танце станет.

– Со мной не станет. Со мной – будешь! – и мужчина грубо схватил Аллу за руку.

И вдруг неожиданно для себя самой она встала и покорно пошла за ним в центр зала.

– Тебя как зовут? – спросил мужик, плотно прижимая её в танце к себе. – Я – Клим.

– Клим Самгин?

– Брось ёрничать. Таранцев я. Чем занимаешься?

– А ты?

– Рекламный бизнес. Видела щиты по городу? Рекламой занимаюсь. Вся реклама на улицах Москвы, щиты и растяжки принадлежат мне.

– А я – Алла Буланова. Президент фонда «Антиреклама».

– Да... – присвистнул Таранцев. – На ловца и зверь бежит. Стервозная ты баба, говорят. А мне такие нравятся. Давно хотел с тобой познакомиться. Я – Клим, а ты – Алла. Эх, закрутим мы с тобой, Алик! И любовь, и дела!

– Какой Алик? Я – Алла! Какие дела? Мы – антиподы!

– Не ерепенься, Алик! Для меня ты – Алик.

– Тогда для меня ты – Мила.

– Не выступай. Я этого не люблю. Я – Клим, ты – Алик. И всё. Точка. Пойдём за мой столик, – и Клим властно взял Аллу за локоть.

Она опять не стала сопротивляться, а только спросила:

– А как же подруга? Светка как?

– Светка нам ни к чему. Я сейчас расплачусь за ваш заказ, и пусть едет домой. Впрочем, может оставаться за своим столиком.

Клим подозвал официанта и что-то ему шепнул. Тот согласно кивнул головой. И отошел.

– Клим, ты тут завсегдатай. Все тебя слушаются.

– Каждый день ужинаю здесь. Живу один. А к этому ресторану привык.

– Так ты что? Хочешь на мне жениться?

– Считай, что так. Вот с сегодняшнего вечера и начнём жить вместе. У меня!

– А как же процедура вступления в брак? Фата? Роспись в загсе? Свадьба? Свадебное путешествие? – перешла на тот же решительный тон Алла.

– Алик, это всё завтра. И брачный контракт подпишем. Мы с тобой деловые люди. И поле бизнеса у нас одно. Разберёмся. И расставим всё по местам. И любовь будет. И дети будут.

– А что? Мне это нравится, – Алла посмотрела Климу в глаза.

– Вот и ладушки. Давай выпьем, Алик! За нашу любовь!

«Круто, – подумала Алла. – Вот это мужик! Настоящий!»

И всё случилось, как обещал Клим. Расписались в загсе тайно, в отсутствие гостей. Распили шампанское. Алла осталась на девичьей фамилии. Из загса уехали в аэропорт, где Клим посадил Аллу в маленький самолётик на четыре места.

Оказалось, что это – частный самолёт Клима. И он сам сидел за штурвалом. Поднялись в воздух. Прямо перед Аллой был пульт с многочисленными разноцветными кнопками. В эфире были слышны переговоры наземных служб аэропорта с пилотами. Кому-то что-то говорил Клим.

«Сказка! Чушь какая-то! И это я?! Я – замужем?! Невероятно!» – думала Алла и смотрела в далёкую пустоту неба.

Свадебное путешествие провели в Финляндии. Озёра, море, фиорды! И полное подчинение Климу. Алла с удовольствием ему подчинялась.

По возвращении из свадебного путешествия каждый продолжил заниматься своим бизнесом. С этого времени и начинается настоящая война между «рекламистами» и «антирекламистами». С одной стороны – реклама сигарет известной марки, а с другой стороны – акции «антирекламистов», направленные против рекламы сигарет. Реклама модифицированных продуктов – и антиреклама тех же продуктов. Реклама пищевых добавок – и протестные выступления различных общественных организаций с многочисленными шествиями людей по улицам, забрасыванием помидорами и тухлыми яйцами представителей торговых фирм и органов власти. Процветало рекламное агентство Клима Таранцева, процветал фонд Аллы Булановой «Антиреклама».

Алла и Клим переехали в Москву. В новом высотном здании, построенном недалеко от Смоленской площади, они заняли весь верхний этаж. Здесь была тайна

тайн их бизнеса. Здесь работал координационный комитет «Реклама-Антиреклама». Только в этом комитете решались все вопросы совместного бизнеса.

Однажды Алла стояла перед окном и смотрела на панораму вечерней Москвы. В глубине безоблачного неба сверкали разноцветные звёзды: белые, жёлтые, зелёные. А внизу – огни большого города. «Хаос огней в небе, хаос огней на земле, – подумалось Алле, – хотя нет: всё устроено разумно и подчиняется определённым законам и правилам – как во Вселенной, так и на маленькой Земле».

Подошёл Клим.

– Что, Алик? Мечтаешь? О чём?

– Смотрю на двигающиеся огоньки внизу. Люди куда-то едут, что-то предпринимают. В Германии выступления антиглобалистов против саммита глав восьми стран. Наивные люди!

– И тебе их жаль?

– Нисколько. Они только пешки в большой мировой игре, которая называется бизнес. Подобно нашему маленькому бизнесу: с одной стороны, твоё рекламное агентство является на рынке рекламных услуг монополистом в России, а с другой стороны, мой фонд является монополистом по организации антирекламы в России. А в конечном итоге это – наш общий бизнес.

– Молоток, Алик! И маленький, и большой бизнес работают по одним правилам. Политика – это самый большой бизнес на Земле. Но в глобальном измерении интересы концентрируются в одном месте. Главное – быть в этом месте. Мы с тобой нашли это место в сфере рекламы-антирекламы.

Они ещё долго стояли у окна, чувствуя себя властелинами своей империи и строя планы по расширению границ бизнес-территории.

На следующий день телевизионные агентства объявили о гибели частного пассажирского самолёта в небе между Москвой и Санкт-Петербургом. Самолёт взорвался в воздухе. Погибли два пассажира: президент крупного рекламного агентства Клим Таранцев и президент общественного фонда «Антиреклама» Алла Буланова. И никто нигде не сказал о том, что это была супружеская пара, хотя в газетах и по телевидению было много спекуляций на тему, почему два руководителя смертельно враждующих между собой компаний оказались вдвоём в одном самолёте.

Можно предположить, что Алла и Клим заблуждались насчёт своего места в этом земном сложном мире и за это поплатились.

Серёжкин написал стихотворение «Розы для Аллы». Песня на эти слова и сегодня часто исполняется в концертах, а рекламой и антирекламой занимаются другие люди, очень серьёзные и неразговорчивые, – и никому не приходит в голову писать о них стихи.

Тухлый Аполлон

От него всегда пахло. Пахло так, что проходящие мимо женщины останавливались и водили носами по воздуху, как русские борзые на охоте. Отдельные сверхчувствительные особи со смуглой кожей, словно в сомнамбулическом сне, шли на запах, который обладал каким-то неотразимым оттенком сексуальной притягательности, хотя никаких заслуг нашего героя в этом не было.

Толстый, с бесформенной фигурой и несуразным именем, он был не рад своим способностям. Нет-нет, имя его было даже очень благородное. Звучное и красивое имя – Аполлон. Но в приложении к его полному лицу с ярко-синими глазами, излишне полными

губами и носом-стрелкой имя Аполлон звучало почти насмешкой. Неужели мужчина с простецкой внешностью станет героем женского романа? Но вы не поверите: он не только нравился женщинам, они сами домогались его. Ну как не повторить после этого, что женщина – неразгаданная загадка мира? Её логика не поддаётся разумному объяснению. Вычислить, чего хочет женщина и что ей нравится, невозможно. Деньги, драгоценности, красивая одежда, дорогие автомашины, вилла на берегу моря, ну и, может быть, ещё пара-другая подобных «пустячков» находятся за пределами подобных рассуждений.

Мужчины же Аполлона не терпели из-за этого специфического запаха и при удобном случае старались изгнать его из своего общества. Одни деликатно от него отходили, а некоторые говорили прямо в лицо: «Мыться надо, Аполлон! От тебя несёт, как от застоявшегося жеребца».

А он и был жеребец в лучшем смысле этого слова. Об этом знали многие женщины в редакции газеты, где Аполлон работал корреспондентом. Редактор тоже знал, поэтому старался давать ему задания, связанные с женской тематикой. Вот тут-то и случилась эта история, которую со слезами на глазах рассказал мне мой случайный попутчик в пригородной электричке. Это был вонючий Аполлон, возвращающийся из какой-то своей командировки. А я возвращался с дачи в Москву. Время было позднее, в вагоне оказалось немного людей, и мы легко разговорились.

Недавно по заданию редакции Аполлон оказался на приёме у посланника одной африканской страны. Все сотрудники были в разъездах, и редактор вынужден был поручить это ответственное задание нашему герою. Будущая публикация имела большое значение для газеты. Во-первых, была соответствующая просьба по линии МИДа, во-вторых, появилась возможность открыть корпункт в африканском королевстве. Редактор лично проинструктировал Аполлона. Инструктаж состоял из многих «не». Не подходить ближе чем на пять метров к посланнику и его супруге, не здороваться за руку с гостями, а тем более не лезть по пьянке с поцелуями. В конце инструктажа редактор вытащил из ящика стола флакон мужских духов «Черрути имидж» и сказал Аполлону:

– Аполлоша, ради бога, прошу тебя: сходи в баню перед приёмом и вылей на себя весь, повторяю, весь флакон духов.

– Сделаю, всё будет в ажуре. Ты же меня знаешь, – ответил Аполлон.

Получилось всё не в ажуре, а в амуре, если можно так скаламбурить. В начале вечера супруга посланника каким-то невероятным образом учуяла природный запах Аполлона и сразу же подошла к нему. Целый вечер она не сводила с Аполлона своих оливковых глаз. Представила его своему женскому окружению. На следующий день главного редактора пригласили в МИД и сообщили, что вопрос об открытии корпункта в этой африканской стране решён положительно, но при условии, что его главой будет назначен Аполлон Чухаркин.

– Ну и что в этом трагичного? – спросил я Аполлона. – Чего ты так убиваешься? Это же твой шанс в карьерном росте.

Аполлон как-то потерянно посмотрел на меня и ответил:

– Там, на приеме, один западный журналист тихонько шепнул мне, что король этой страны людоед.

Я сначала толком и не понял сказанного. «Может, этот Аполлон сумасшедший?» – подумал я.

В вагоне больше никого не было. Мне стало как-то неуютно.

– Он съедает любовников своей жены, – прошептал Аполлон, заглядывая мне в глаза.

– А ты не давай ему повода.

– Так он их ест и без повода, а только по подозрению, – продолжал своё Аполлон.

– Кто и кого ест? – спросил я механически.

– Ты что, сумасшедший или глупый?! – раздражённо вскрикнул Аполлон. – Я тебе целый час толкую, а ты то ли притворяешься, то ли сам принимаешь меня за сумасшедшего.

И тогда я понял, что это всё серьёзно.

– Тогда откажись, – посоветовал я. – Или не подходи к жене короля и вообще ко всем остальным женщинам.

– Отказаться нельзя. Меня уже предупредили. Там, наверху, – он показал пальцем наверх. И добавил обречённо: – На самом, самом верху.

– Ну и что? Кто я тебе? Друг, товарищ, брат, чёрт возьми? – вырвалось у меня.

Электричка прибыла на Курский вокзал. Я расстался с Аполлоном и больше никогда не встречал моего случайного попутчика.

Прошло время. Я уже и позабыл о той странной встрече. Но как-то в начале перестройки прочитал в газете об одном африканском короле-людоеде. Его впоследствии казнили, а страной стала править королева. Об этом даже по телевизору была передача. Якобы раньше этот король-людоед даже приезжал в нашу страну и встречался с кем-то из советского руководства.

«Ну и ну, – подумал я, – бывают же такие совпадения! Нарочно не придумаешь. Не может быть такого, чтобы какой-то Аполлон знал о том, что король – людоед, а руководство страны не знало».

Спустя какое-то время я наткнулся на репортаж из одной африканской страны, подписанный Аполлоном Чухаркиным. В нём рассказывалось о мудрой королеве, которая прекратила внутриполитические распри и добилась стабильности в государстве. В страну потекли инвестиции. Были упомянуты в списке инвесторов и некоторые крупные российские нефтяные компании. И я тогда поверил в то, что миром управляют запахи. Недаром по весне весь животный мир сходит с ума от запахов. А в человеческом обществе запах – это и власть, и деньги. На запах работает целая мировая парфюмерная индустрия. Говорят, что деньги не пахнут. Пахнут, и чем только они не пахнут! Только сами деньги этого не знают.

Недавно я поделился этой историей с моим другом Львом Колотилычем Недобриным, известным поэтом, редактором, издателем и покровителем красивых поэтесс.

– Знавал я твоего Аполлона, знавал. В молодости мы с ним в одной газете работали. Турнули мы его из нашего коллектива за этот самый запах. Я тогда на него эпиграмму написал: «Полунаглец, полухолуй и сверхвонючий обалдуй». Надо же, где он оказался! – сказал Недобрин. Подумал и добавил насмешливо: – От иного дерьма больше пользы, чем от сирени. Недаром дерьмом удобряют огороды.

Недобрин пересказал эту историю в компании каких-то новых русских и потом со смехом поведал, что один из них заинтересовался Аполлоном. У него, видите ли, в Израиле есть своя фирма, в которой весь цвет русской науки собран. Из эмигрантов. И там они занимаются разными проектами, например, разработали и внедрили в производство очень надёжные, но дешёвые клапаны для сердца. Миллионные прибыли. Так вот этот новый русский с израильским паспортом хочет получить образцы пота Аполлона с тем, чтобы его израильская лаборатория разработала новый одеколон для повышения сексуальной притягательности мужчин.

Каково? Прав Недобрин, прав. Деньги сегодня делают на всём, даже на вони... И если в продажу поступит одеколон «Аполлон», то настоящим, не тухлым Аполлонам придётся позабыть о женщинах. Однако же мой

герой, устроив себе место в королевской постели, развёл вокруг да около кучу наследников – ничуть не белокожих, а, наоборот, наперекор природе очень даже, до сапожной ваксы чернокожих, вот вам, мать честная, и тухлый Аполлон!

Люди из ниоткуда

Писатель Аникеев возвращался на стареньком «запорожце» с дачи. Ездил проверить хозяйство после зимы, но всё оказалось на месте: дверь не взломали, не растащили ничего, не набезобразничали. Для Аникеева особую ценность представляли оставленные на даче книги и альбомы с фотографиями. В его однокомнатной московской квартире места давно не хватало. Убедившись, что всё цело, Аникеев ехал домой по Минскому шоссе в хорошем настроении. Его постоянно обгоняли иномарки, но Аникеева это не трогало, – мурлыкал себе полюбившуюся мелодию и мечтал, как, поставив машину в ракушку возле дома, зайдёт в квартиру, позвонит жене в Орёл, куда она уехала навестить свою маму, и порадует её хорошими новостями. А потом будет пить чай с малиновым вареньем и баранками, обдумывая план будущей книги о людях, ставших бомжами.

Было начало марта. Серая облачная пелена касалась вершин деревьев, падал мокрый снег, в воздухе стояла взвесь из грязи и влаги – в двадцати метрах человека не увидишь. Движок «запорожца», не раз перебранный руками Аникеева, иногда пофыркивал, как самовар, видимо, бензин попался некачественный. Скорость была небольшой. Но Аникеев осторожности не терял.

Где-то через два километра после Голицыно Аникеев заметил впереди идущую навстречу фигуру и начал сбавлять скорость. А вдруг это пьяный какой-нибудь?! Запросто под колёса может угодить.

«О, даёт, – подумал, – нашёл место, где гулять».

Подъехав поближе, Аникеев удивился. Это был мужчина, одетый не по сезону в лёгкий белый плащ далеко не первой свежести и в босоножках. Аникеев посигналил, и мужчина отступил в сторону от дороги в грязный снег, ожидая, когда машина проедет.

«Почему он так одет? Бомж, наверное. А если больной?!» – Аникеев остановил машину рядом с незнакомцем, приоткрыл окно и крикнул:

– Куда идёшь?

– Не знаю, куда иду! – ответил мужчина.

– Ты что, бомж?

– Не знаю, я ничего не помню...

– А звать как? Помнишь?

– В больнице звали Гриша. Наверно, я Гриша.

– В какой больнице?

– В Одинцово. Меня туда милиция отправила. Но меня проверили и выписали. Сказали, что больше держать не могут и что я абсолютно здоров.

– Так ты из Одинцово идёшь? Такой путь пешком прошёл?!

– Я не знаю, где мой дом! Не знаю! – и мужчина неожиданно заплакал. – Говорят, что я потерял память.

Аникеев внимательнее присмотрелся к собеседнику. Ему было лет тридцать пять. Вполне интеллигентное лицо. На жулика он явно не походил. Карие глаза, высокий лоб и руки... с несоразмерно длинными пальцами, тонкие запястья. «Может, он пианист? Похоже, человек действительно попал в беду», – и Аникеев вспомнил телепередачу «Жди меня», на которой иногда находились люди, потерявшие сами себя в этой жизни. И что с ними случалось, никто не знает. Болезнь? Контакт с НЛО? Эксперименты спецслужб по стиранию памяти человека? А в итоге ничего конкретного. Догадки, и не более.

– А семья у тебя была?

– Не помню.

И Аникеев решился:

– А поехали со мной! В Москву! Ко мне домой до утра. А завтра, может, как-то всё и образуется.

Гриша благодарно посмотрел на Аникеева и без слов сел рядом с ним.

В дороге разговорились. Аникеев расспрашивал Гришу о всякой всячине, пытаясь выяснить хоть что-то и развеять свои сомнения, ведь пригласил его домой! Представлял, что скажет жена: «Сердобольный ты наш! Вечно подбираешь то кошек бездомных, то собак! Вот и бомжа привёл! Где он спать будет с нами в одной комнате? А кормить на что?! На твои гонорары, которых я уже лет пять не видела?»

Но жена ещё не скоро вернётся. Недели через две. Расспросами ничего нового выяснить не удалось. Гриша вполне разумно рассуждал о настоящем, но ничего не помнил из прошлого. Прошлое, как в фантастических фильмах, было стёрто из его памяти.

«Может, прикидывается?» – мелькнула ещё одна мысль.

– Стихи любите? – спросил Аникеев, переходя на «вы».

– Люблю, – оживился Гриша. – Я вот недавно по радио слышал такие строчки:

Вновь берёзку ветер клонит.
Вновь клекочут журавли.
Сердце дом родимый вспомнит –
Тихий свет в родной дали.

Я не знаю, где мой дом, был ли он, и вспомнить ничего не могу, – и Гриша рукой смахнул с глаз слёзы.

Если Аникеев ещё и сомневался в Грише, и даже подумывал отвезти его в известную ему благотворительную ночлежку, то теперь решил окончательно ехать домой.

Дома Аникеев дал Грише своё новое бельё, предложил принять душ, накормил. Разговаривая с женой по телефону, не стал рассказывать ей о случайном госте.

На следующий день стирали одежду Гриши. По старой привычке, прежде чем замочить в тазике плащ, Аникеев проверил карманы и нашёл за подкладкой в карманной прорехе бумагу. Это оказался авиабилет Салехард – Москва на имя Клюева Г. Н., и номер паспорта в билете был.

– Гриша, билет! Я нашёл авиабилет в твоём кармане! Если твой, то ты из Салехарда и твоя фамилия Клюев.

– Не помню, – растерянно улыбнулся Гриша.

Аникеев развёл бурную деятельность: позвонил на телепередачу «Жди меня» и рассказал историю Гриши, послал телеграмму в Салехард, в милицию, посоветовался с другом-нейрохирургом.

– Будь осторожен, – сказал друг, – всякое бывает. Поставь в известность участкового. Лечение таких больных длительное и не всегда успешное.

– А природа потери памяти? Чем это могло быть вызвано?

– Травмой головы, стрессовой нагрузкой, в конце концов – какими-то препаратами. Мало ли чем! Найти причину заболевания иногда совершенно невозможно.

Но через два дня к нему явилась шустрая дамочка, назвалась Мариной и заявила, что она супруга Григория Николаевича Клюева из Салехарда. Адрес Аникеева ей якобы дали в милиции, получив его телеграмму.

«Вот как милиция быстро работает! – удивился Аникеев. – Чудеса!» Марина тотчас признала в Грише своего мужа. Но Гриша её не узнал. И Марина сказала, что поедет в Салехард, чтоб собрать нужные документы.

Интуиция писателя подсказывала Аникееву, что в этом деле не всё так просто, и он продолжил своё част-

ное расследование, организовав встречу Гриши с известным гипнотизёром.

И вот они у гипнотизёра. Всё оказалось как в сказке. Под гипнозом Гриша стал отвечать на вопросы. Вот он прилетает на самолете из Салехарда. Приезжает на такси на Киевский вокзал. Идёт к кассам и берёт билет на поезд до Симферополя, где у него проживает мама.

– А жена, где ваша жена?

– У меня нет жены.

– А Марина Клюева – она разве не ваша жена?

– Нет.

– А кто она? Кем она вам приходится?

– Я её не знаю.

– Вы можете назвать вашу фамилию, имя, отчество?

– Клюев Григорий Николаевич.

Гипнотизёр переглянулся с Аникеевым и продолжил:

– А ваша мама? Вашу маму как зовут?

– Клюева Зоя Павловна. Она живёт в Симферополе.

– Что с вами случилось на вокзале? Вы помните?

Лицо Гриши исказилось страхом и болью.

– Не помню! – и Гриша заплакал. Больше от него ничего не удалось добиться.

– Это похоже на криминальную историю. Он говорил правду. Он – Клюев, но жены у него нет, – взволнованно сказал гипнотизёр.

– А кто же тогда Марина? Аферистка? – удивился Аникеев.

– Боюсь, что это более серьёзно. В моей практике уже было что-то подобное. Вы ей говорили, что со мной встречаетесь?

– Нет. Она очень расстроилась, что Гриша её не узнал, и сразу же вернулась в Салехард для оформления каких-то справок.

– И слава Богу! Прошу, ничего ей не говорите, если объявится. Подключите милицию.

Аникеев и Гриша вышли на улицу. Светило яркое весеннее солнце. В тихом дворе Плотницкого переулка ликовала весна. В маленьком скверике порхали синички на деревьях, нарушая тишину своим щебетом. Пробежал рыжий мальчишка с ранцем за спиной и скорчил рожицу. В другой раз Аникеев ответил бы пацану в том же духе, и они разошлись бы, оба довольные друг другом. А тут... на душе неладно. Аникеев посмотрел на Гришу. Тот стоял и внимательно слушал что-то. Аникеев прислушался и услышал сверху из окон жилого дома мелодию романса, – пел мужчина:

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане.
Одинок воздыхал витязь на кургане.
Свежих трав не щипал конь его унылый,
«Конь мой, конь, верный конь, понесёмся к милой...»

– Музыка Алябьева, слова Дельвига. Я исполнял эту мелодию на фортепиано. И пел этот романс, – тихо прошептал Гриша.

– Вот так поворот! Вы музыкант?

Но Гриша не ответил. Он продолжал слушать музыку.

Закончился романс, стихла музыка. Гриша повернулся к Аникееву. Глаза его блестели, лицо окрасилось румянцем. Это был уже другой человек – уверенный в себе и счастливый.

– Это всё музыка. Бессмертная музыка Алябьева. Она возродила мою память. Я всё вспомнил. Я – действительно Григорий Николаевич Клюев. Учитель музыки. В сентябре прилетел в Москву. На такси приехал на Киевский вокзал. Взял в кассе купейный билет до Симферополя. Когда покупал билет, таксист был рядом. Потом мы с ним должны были в институт Гнесиных заехать. Я когда-то учился там. Помню, как на выходе из вокзала таксист, встретив знакомого, сказал

ему, указывая на меня: «Наш клиент». Потом колкий удар в бедро, и дальше – провал в памяти.

– Но сейчас март. Григорий Николаевич, как же вы жили почти четыре месяца? Где спали?

– Бомжевал. Меня ведь ограбили. Очнулся в сквере: ни документов, ни денег, и ничего не помнил. В милицию забирали. Отпускали. Потом опять забирали. Видимо, считали сумасшедшим, поэтому в последний раз в психушку сдали. А там тоже не захотели кормить бесплатно и выписали.

– А как же Марина? Она вам жена или не жена?

– Нет, нет! Она никто. Я её не знаю.

Вскоре пришла телеграмма из Салехарда от директора школы, в которой сообщалось, что учитель музыки Клюев не вернулся из отпуска и уже четыре месяца разыскивается как пропавший без вести. В телеграмме был номер телефона школы, куда просили позвонить.

Потом был звонок в Салехард и беседа Клюева с коллегами по школе. Звонок в Симферополь и разговор с мамой. Ночной звонок от Марины, якобы из Салехарда, а фактически из соседнего дома. Марина оказалась членом банды мошенников, промышлявших продажей человеческих органов. Видимо, у них была наводчица на почте, которая и передала им информацию из телеграммы, направленной Аникеевым в Салехард. Но это была другая история, не имевшая никакого отношения к тому, что случилось с Клюевым раньше. Очередных жуликов в этот раз постигла неудача.

Клюев по настоянию Аникеева написал заявление в милицию об ограблении на Киевском вокзале без особой надежды, что бандитов найдут, получил справку об утере паспорта и уехал в Симферополь.

Аникеев продолжил своё частное расследование случаев потери людьми памяти. К ужасу своему, он обнаружил, что подобное случается очень часто. Вышел человек на улицу и не вернулся. А потом, спустя годы, его случайно находят в другом городе, за сотни, за тысячи километров от родного дома, и он ничего не помнит. А многие ушли и пропали навсегда. А может, они где-то бродят, – идут в никуда, не зная, кто они, откуда они. Бродят по миру, как недавно бродил учитель музыки Клюев. И никто не интересуется ими. Бомжи, одним словом, а значит – отверженные. Никому они не нужны, а милиции тем более. Кто захочет возиться с грязным бомжом?!

Аникеев стал ходить по городу и наблюдать жизнь и быт бомжей и попрошаек. Написал роман под названием «Бомжи». Опубликовал ряд статей о людях, потерявших память, в которых описал, как действуют банды, грабя с помощью инъекций, кому и для чего нужен обеспеченный человек.

Прошёл год. Поздно вечером Аникеев подъехал на «запорожце» к своей ракушке из Останкино, где он в открытом эфире участвовал в передаче «Люди, потерявшие память». В дискуссии он неосторожно заявил, что у него есть другая гипотеза в отношении причин потери людьми памяти, и он её скоро обнародует.

Поставил машину в ракушку, закрыл ворота и посмотрел на своё окно. На кухне горел свет. «Надя не спит», – подумал с теплотой о жене и направился к подъезду. Навстречу не спеша шёл мужчина в красивой куртке с меховым воротником. Аникеев чуть посторонился, пропуская мужчину, а тот как-то неестественно покачнулся, и Аникеев почувствовал резкую боль в бедре. А потом – провал, потеря сознания. К счастью, в этот момент вышел сосед с пуделем. Пудель залаял, и мужик в красивой куртке побежал.

Срочно вызвали скорую помощь и друга-нейрохирурга. Аникееву повезло: своевременная помощь спасла его, реабилитировался за месяц.

Спустя какое-то время Аникеев начал тайно писать новый роман под условным названием «В джунглях

современного города». Но как-то среди ночи раздался звонок. Приятный мужской голос спросил:

– Аникеев?

– Да. Кто это?

– Неважно. Ты легко отделался. В следующий раз останешься навсегда без памяти. Угомонись!

И в трубке раздались гудки отбоя. А Аникеев ещё долго сидел и отрешённо смотрел в стену: «Как они узнали, что я задумал новый роман о людях с потерянной памятью? Они что – знают о моих догадках? Но я никому ничего не говорил. Неужели они контролируют мысли? И сколько их уже на Земле? Сколько среди них готовых лишить памяти всё человечество?»

Через полгода в издательстве «Русское слово» вышел в свет новый роман Аникеева «Люди из ниоткуда». Но ни он, ни его жена так и не явились в издательство за получением гонорара. На все вопросы-расспросы издателей и коллег соседи отвечали, что Аникеевы куда-то неожиданно уехали. Куда? Зачем? И где они сейчас? Никто ничего не знает.

ТАКАЯ БЕСПОЩАДНАЯ ЛЮБОВЬ

Тайное счастье Вероники Цой

Есть ли на свете что-либо лучше мая в Крыму? Когда полуостров – огромный цветник, солнце щедро поливает землю живородящим теплом, ещё нет наезда курортников – шумной, всегда толпящейся популяции, бредущей к морю или обратно к жилью, разномастных, старых и совсем старых, стройных и тучных, весёлых, горланящих что попало...

В мае всё натуральное, без пены и игривых ужимок, в мае только местные, занятые делом: стучат, пилят, красят, перекрашивают, строятся.

А какие великолепные цветы в мае! Одни маки чего стоят! Целые поляны маков в предгорье. Подымешь голову, а в небе – оранжевые облака маков.

Вероника – кореянка, прилепилась в посёлке Молодёжном с мужем и двумя детьми – старшим Игнатом и младшим Власом. Имена чисто русские, только фамилия корейская – Цой.

Детей родили, когда проживали в Узбекистане. Может, потому муж и его родня не соглашались на русские имена для детей, но Вероника гнула своё, словно предчувствуя всяческие перспективы.

Слава японцам! – от них, конечно, предки натерпелись, но зато переселили корейцев на Сахалин.

Слава большевикам! – они, конечно, тоже не подарок. Зато её родители оказались в Приморье, а затем в Узбекистане, где стало лучше: солнца много, вода для полива бесплатная, зэки каналов настроили, трудись – не хочу! Вот и выращивали без особых ухищрений овощи: капусту белокочанную, корейскую капусту для салатов, помидоры, пупырчатые огурчики.

Ещё с девчоночьих пор Вероника мечтала жить в Москве, поэтому и детям дала русские имена. Муж ворчал: «Матриархат!» А Вероника говорила: «Не сама, так дети, даст Бог, в Москве будут жить. Ну, не в Москве, так в Крыму. Что Москва для кореянки? Пуп земли, что ли?»

В перестройку муж взял в аренду несколько гектаров крымской земли, нанял рабочих и стал выращивать лук по своей восточной методе. Урожаев снимали в два-три раза больше, местные умельцы не могли угнаться. Так и поднялись на луке: дом новый купили, родителей мужа к себе забрали, как положено у корейцев.

...Нынче Вероника встала ни свет ни заря в тревоге и печали. Чудилась беда: уже две недели как от мужа ни слуху ни духу. Поехал в Узбекистан, оттуда выехал на жигулёнке вместе с племянником, и вот до сих пор их нет. Ведь уговаривала отложить поездку на позднюю осень, после уборки урожая, а он упёрся: снимут без меня, поеду да поеду.

В полях работы невпроворот. Ещё и свёкор болеет. И с мужем невесть что. Эти тревожные мысли не покидали её ни на минуту, наполняли сердце недобрым предчувствием, но крутилась по хозяйству как заводная.

Высунулась соседская голова из-за ограды – Ивана-прилипалы:

– Доброе утро, Вероника! Юра не приехал?

– Нет. Не знаю, чего и думать. Кабы не случилось...

– Не-не, даже не бери в голову. В дороге всё может быть: авария, поломки машины, да и загулять могли.

– Нет, не могли. Не знаю, как с хозяйством в одиночку справляться. Надо в поле рабочим продукты завезти, а на чём ехать, ума не приложу.

Сосед Иван, лет тридцати, рыжеватый, как репа, аж подскочил, выпятив над забором широкую грудь. Как ей не хотелось, а пришлось принять помощь: на старой японской развалюхе «тойоте» поехали в поля.

Не хотелось-то не хотелось, но сосед есть сосед. Знаки внимания? И при живом муже, бывало, пошутит двусмысленно, то конфет занесёт, мол, в Коктебеле был, дай, думаю, соседям к чаю куплю... Мужу Юре-то что? Посмеивался – не поймёшь, то ли ревновал, то ли ей верил безоговорочно. Однако жена Ивана – Нина, жгучая брюнетка из Западной Украины, неодобрительно косилась.

Время шло, а Юра не появлялся – пропал, и всё. В милицию заявляли, но что толку? Запросы сделали в Узбекистан, оттуда не спешили с ответом. И только через полгода пришла бумага, что никаких следов мужа в Узбекистане не обнаружилось. Удивили! И Вероника поняла, что пропал муж на дороге вместе с племянником. Не было сил мириться с этим. Не было сил терпеть одиночество. Не было сил смотреть в молчаливые глаза больного свёкра: его разбил паралич. Не было сил жить, а нужно было, хотя бы ради детей.

Так миновали два года – стороной, сами по себе. Пришлось смириться с участью вдовы, самой выкарабкиваться из ямы. Слава Богу, старшая дочь свёкра пригрела его у себя. Что-то нужно было предпринять, как-то нужно было изменить свою жизнь. Да и у соседа Ивана руки оказались длинными, доставал её приставаниями так, что сил не было отбиваться, а потом, когда уступила, совесть стала мучить. Дважды встречалась с ним в коктебельской гостинице, но потом зареклась: сама себе дала слово не уступать чужому мужику. А тут ещё Нина стала стращать:

– Ну, Вероника! Я вижу, как Иван на тебя смотрит. Если что, себя не пожалею, тебя не пожалею – дом спалю.

Ох уж эти западенцы!

– Успокойся ты. Мне и даром твой рыжий Иван не нужен, – сказала первое, что на ум пришло.

И она решилась. Уехать в никуда – в Москву. Правда, знакомые корейцы жили там, но чем они ей помогут?

Поначалу никак не могла привыкнуть к шуму, гаму, обману на каждом шагу. Много раз её дурили: деньги из сумки таскали, обсчитывали, на работу солидную брали, но для начала требовали взнос в фонд некой организации... Но Вероника была смышлёной и скоро открыла мини-цех корейских салатов: кимчи, тёртой моркови с перцем, папоротника, морской капусты и прочей экзотики. Арендовала место за прилавком в фешенебельном гастрономе, и дело пошло. Для москвичей корейские салаты в то время в диковинку были. О себе не думала: всё для детей, всё для них, чтоб учились в Москве, а там, глядишь, и в люди выбьются. Но как прописаться на съёмной квартире? В жилищно-коммунальном отделе сидел непробиваемый фрукт – флегматичный мужчина лет за пятьдесят. На все её просьбы один ответ: «Не положено!» Подружка подсказала:

– Взятку просит. Придётся дать, иначе не пропишут.

– Как дать? Не умею я.

– Положи в конверт и подсунь ему во время разговора.

– А сколько?

– Долларов триста, не меньше. А там по его реакции увидишь.

Так и сделала. Пришла в очередной раз на приём:

– Помогите, Пал Палыч. Пропишите. Ведь согласие хозяев имеется. Всё по закону. От вас только зависит, – Вероника аккуратно положила на стол конверт и легонько подвинула его к начальнику, покраснев до самых корней волос.

– Забери это, – вдруг перешёл на «ты» Пал Палыч, отодвигая от себя конверт. – Лучше приходи вечерком на кофе.

На листке черканул адрес. Незамысловато, но с шиком.

Что делать? Как одинокой женщине выжить? Почему, почему так? Всяк норовит её раздеть. Всю дорогу проплакала, а дома сразу же пошла в душ, чтоб смыть всю мерзость непристойного предложения. Ладно Иван из южного посёлка. Он хотя бы здоровый и симпатичный мужик. И будто искренне увлекся ею, и её к нему тянуло. А этот – стареющий мужик, и туда же? Видимо, один живёт, если домой приглашает. А может, жена в отъезде? Старый большевик, а хуже японцев. Хотя как посмотреть.

К вечеру зашла подруга, и они, уединившись, чтоб рабочие на кухне не слышали, стали обсуждать картину в стиле реализма.

– Некуда тебе деваться, Вероника. Придётся пойти.

– Да я бы ему ещё денег добавила, только бы он меня в покое оставил. И что он во мне нашёл? Чего вяжется?

– Не скажи... Ты – экзотика для русских мужиков. Маленькая, стройная, да и лицом симпатичная. Глаза миндалевые, раскосые. Может, ему впервые в жизни выпало счастье переспать с азиатской женщиной? Вот и разыгрались в голове фантомы.

Сговорилась с Пал Палычем и вечером позвонила в зашарпанную дверь обычной хрущёвки. Был коньяк, который Вероника успела только слегка пригубить, как хозяин стал раздевать её, тут же, на диване, где присели вдруг. Не поняла, где право, где лево, а хозяин ни с того ни с сего принялся извиняться: «Как мальчик, сгорел... Прости дурака...»

Одевалась она неторопливо, не замечая смущения и виноватости:

– Пал Палыч! Так я завтра с документами зайду?

– Ага. Заходи. Всё сделаю. А в воскресенье приходи вечерком.

Возвращалась домой и плакала. Было мерзко на душе. Никуда не хотелось идти. Села на заснеженную скамейку. Мимо пробегал трусцой солидный дядька. «Ещё один динамовец!» Чуть приостановился и, разглядывая её повнимательнее, посерьёзнел, видно, что-то понял, потому как перед ним было существо бессловесное или бестелесное, подобно летящим снежинкам. В парке было много людей, фонари горели, но её пробрало насквозь холодом, шнырявшим по спине, и она торопливо кинулась прочь, к метро. «Чего они, эти чумные японцы, пялятся на меня?»

Днём позже ей удалось прописаться в квартиру. Но Пал Палычу твёрдо заявила:

– Всё. Что хотите со мной делайте, а не приду.

– Да ты что, Ника? Я ведь по-хорошему. Нравишься ты мне.

– Не нужно мне это. Дети у меня. Муж пропал – вот беда.

После злополучного свидания созрело решение: баста, с мужиками покончено! Зачем они ей? Она в Москве, жизнь – не фонтан, но упакована более-менее.

Богатой не стала, но и не бедствовала. Детей выучила. Игнат женился и стал сам управлять салатным бизнесом. Влас у него в помощниках. Вроде бы привычнее одной жить, но что-то стало происходить с ней. Одеваться захотелось изысканно и модно. Перестала чураться вечеринок. Ухаживания мужчин принимала без раздражения: не то чтобы вольности разрешала им, но и пококетничать не прочь была. Может, потому, что часть хозяйственных проблем сыновья с неё сняли? А тут ещё американская фирма предложила продавать косметику: чем больше продашь косметики, тем больше твой доход. Конечно, сливки фирма снимает, но кое-что остаётся и ей. Один чудак, в летах, вроде Пал Палыча, разогревшись в словесных комплиментах, скупил у неё месячный объём реализации. Чудак! Но разве не свыше такое везенье посылается?

В начале мая, когда Крым становится главным цветником русского мира, она впервые за много лет приехала туда. В аэропорту её встретил муж племянницы, досматривавшей её дом, а фактически живущей в нём с семьёй.

– А где Франческа? Она почему не встретила? Ведь обещала, – спросила Вероника.

Франческа?! Высокая, тонкая, в вечных сапогах с ботфортами, чтоб подчеркнуть стройные ноги. Лицо удлинённое, больше похожее на лицо китайской женщины, чем корейской. На лице маска холодной неподвижности: горестно поджатые губы, накрашенные сердечком, слегка надменный взгляд.

И чего ей надменной быть? Вроде бы в их родне никто не слыл надменным. Хотя Франческа, скорее всего, в мать пошла, но та всегда молчаливой была. А Франческа если начнёт говорить, то не остановишь. И всё-то она знает, во всём разбирается. И всегда всех пытается чем-то удивить. Взяла себе в голову, что сапоги с ботфортами ей идут, и даже в жару их иногда надевает.

Зашли в дом, и Вероника чуть не обомлела: перед ней стояла Франческа с высокой рыжей прической, улетающей вихрями куда-то в небо.

– Франческа, что это с тобой? Как это называется? – всплеснула руками Вероника.

– Причёска называется «Огонь». Самая новомодная! Мой сюрприз. Мужу понравилась. Он теперь зовёт меня Франи!

– Франи – из огорода пани! Откуда здесь, в Молодёжном, новая мода? Что это за мастер такой объявился?

– Не в Молодёжном, а в Коктебеле! Писатель отдыхает. Бибиков Фёдор Иванович. На все руки мастер, между прочим... Всё в жизни перепробовал: дамским мастером начинал в крутом салоне, потом моряком мотался, в Антарктиде бывал, на гитаре играет, песни собственного сочинения поёт. Сегодня я к нему в гостиницу ездила. Вот он мне и соорудил в честь твоего приезда это чудо. Он мне книгу стихов подарил. Посмотри, какой красавец!

На фотографии был незабываемый чудак... Невероятно! Тот самый, кому Вероника собралась поставить во здравие свечку. Тот, взявший краски и косметику оптом. Мужчина импозантный, высокий, но лет-то, лет – под завязку! Как совсем не корейский, а русский салат в натуре... После случая с Пал Палычем всех жуков-мужиков, пытавшихся обратить её в свою «неуверенность», она называла не иначе как «жэкао». Вот и вечного туриста, Фёдора-гитариста...

Помнится, болтали с ним, а он сразу быка за рога, как говорится, захотел схватить: свиданьице назначил! Отпор, друг мой, отпор!

Не обиделся, стал расспрашивать, что и как, чем занимается, ездит ли за границу на отдых. Она тогда пошутила:

– В мае у меня заграница намечается. Поеду в Крым, в посёлок Молодёжный, что недалеко от Коктебеля.

– Замечательное место Коктебель! – оживился обескураженный Фёдор Иванович и давай рассказывать ей о Крыме.

«Во жук! Неужели он специально всё выпытал и приехал сюда ради меня?» – удивилась Вероника.

– И где же ты познакомилась с ним, Франческа? – спросила племянницу.

– Так он на машине ехал и возле нашего дома остановился. Молока козьего искал. А у нас козы нет, я его вином угостила.

– А Петя не возражает против дружбы с этим парикмахером?

– Ника, да ты что!.. Он не парикмахер, а писатель! А потом, он же старый. Разве к нему Петя станет ревновать?

Последнее замечание возмутило Веронику: как не станет?

– Ну, милочка, судя по фотографии, от такого мужика...

– Ты так думаешь? – прервала Франческа. – Давай покеросиним с ним сегодня? Я сказала, ко мне тётя-красавица из Москвы приезжает, а он стал распинаться: ого-го, на сколь причёска тянет, а мне – задарма, и пригласил нас в ресторан.

Вероника резко отвернулась: ещё чего не хватало! И на следующий день, сославшись на обстоятельства, села в поезд и поехала в Москву.

Однако от влюбчивых и настырных мужиков, как от репья, не убежишь, сколь ни пытайся. От Феодосии до Джанкоя она сидела в спальном купе одна и без мыслей глазела на мимо пробегающий пейзаж. Цветы, цветы, цветы... Маки, колокольчики, люпин и много неизвестных ей цветов. Иногда попадалось приволье ярко-жёлтого цветочного нашествия. Душа не радовалась и не пела. Что ей очередной праздник весны?

Она смотрела в окно, словно стянутая обручами или заколдованная древним словом. Она понимала, что в её жизнь вторглась какая-то неведомая сила и она готова подчиниться этой силе и следовать за ней. В душе томился восторг, некое предчувствие, что вот-вот что-то должно произойти, и как только оно, это что-то, случится, наступит вечное блаженство.

В Джанкое перед отходом поезда постучалась проводница и с испытующей улыбкой сказала:

– К вам новый попутчик. Не возражаете?

И вот они вдвоём. Как всё просто! До боли и негодования просто. Фёдор Иванович притянул её к себе

и стал целовать. И мир поплыл перед её глазами. Поплыли цветы: жёлтые, красные, голубые и много других разных цветов. И этот мир время от времени плывёт перед её глазами уже в течение пяти лет, тайно от всех, тайно от детей, тайно от племянницы Франчески, тайно от подруг. Она запретила себе делиться с кем-нибудь даже вздохом о своём счастье. Ничего слаще таинства случайной любви неведомо женщине, уверен и Фёдор Иванович.

Такая беспощадная любовь

Было далеко за полночь. Уже затихли в чёрной тьме голоса электричек. Тишь небесная полнилась звёздами. Мягкий свет ночника освещал красивую женщину с книгой в руках. Зачиталась. Всё про любовь из жизни позапрошлого века! Муж посапывает себе. И пусть! Она, Саша, – в другом мире, где чистая любовь, тихая, умная, лиричная. Простые слова и море чувств! Да что там море – океан после шторма, когда безбрежье волн полно сил, никак не успокоится... Какой страстный монолог о любимой женщине, покинувшей скабрезную землю!

Шёпотом Саша повторила до дрожи в сердце поразившие её строки:

Завтра день молитвы и печали.
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали.
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Она отвела глаза от книги и задумалась. Густой каштан волнистых волос разметался, а глаза, полные зелёного блеска, мерцали. Невесть откуда взялась одна-единственная слезинка, выкатилась на атлас подушки, стремясь далеко в поля и леса осенней ночи.

Раздался глухой телефонный звонок. Саша сняла трубку, машинально глянув в угол на часы.

– Саша, прости за поздний звонок. Я не могу. Мне нужно поговорить с тобой, – раздалось знакомое заклинание, словно перепев ночных призраков.

– Лёня, посмотри на время. Видишь, как поздно?

– Не могу. Я просто не могу. Поговори со мной. Я вспомнил Женю и залился слезами.

– Ладно. Позвони мне через десять минут. Я перейду к телефону на кухне. А то Алексея разбудим.

Но муж уже не спал:

– Сашунь, опять Лёня? Да? С ума сошёл. Женю при жизни не оставлял в покое. Теперь тебя по ночам будит.

«Господи, – думала Саша, – мистика какая-то! Я читаю Тютчева, вспоминаю Женечку со слезами. И то же самое происходит на другом конце города с Лёней. Может, тётя там, на небесах, думает о нас, и поэтому нам не спится».

Припомнилась первая встреча с Лёней: заглянула к тёте Жене, а у неё – высокий, с копной тёмных вьющихся волос мужчина. После института работал в союзном министерстве по финансам. Тётя была сто лет как замужем, её дружба с Лёней, который тоже был женат, показалась Саше, зелёной девчонке, странноватой. Потом они с Лёней время от времени пересекались у тёти. На всех семейных праздниках он присутствовал, но почему-то один, без своей супруги. Сашу всегда удивляло, что Валерий терпел дружбу своей жены с Лёней.

Даже как-то не удержалась, спросила немножко дурашливо:

– Валер, а ты не боишься, что Лёня уведёт от тебя Женю? Почему ты так легко переносишь их дружбу?

– Нет, не боюсь, она дорожит дружбой с Лёней. Как я могу ей запретить? Хочется – пусть. Ей хорошо!

В дружбе Жени и Лёни настоялся аромат духов, должно быть, от «Шанель». Смотреть на них без восхищения и улыбки мог разве греховодник. Неважно, сколько в комнате людей и что за люди. Женя и Лёня никого не видели, кроме друг друга. Когда они встречались, близким казалось, что интерьер становится прозрачным, искромётным и необычайно счастливым, и сами они сияли от счастья. И это в присутствии Валерия! «Блаженный какой-то... Разве он не видит, что Лёня влюблён в тётю и тётя любит Лёню. А Валера – ноль внимания», – никак не могла понять Саша. Но ничего страшного! Люба, Лёнина жена, в годы так называемого развитого социализма делала карьеру в буфете гостиницы «Москва». Валера промышлял антикваріатом и мог иногда позволить себе передать через Лёню аляповатую золотую безделушку для Любы. Правда, никогда семьями эти две пары не встречались.

Так продолжалось очень долго. Позже Саша поняла, что Валерий, как умел, старался отвадить Лёню от их дома, но делал это с деликатностью посла в какой-нибудь Америке. И Лёня никаких намёков не понимал и не принимал. Как ходил, так и продолжал регулярно ходить к Вишневским будто в гости, а на самом деле всё было похоже на возвращение из долгой командировки. Звонок в дверь менял порядок вещей, и неважно, чем бы Валерий ни занимался, Лёня усаживался на кухне, пил чай и любовался своей невинной подружкой Женей. Знал ли Валерий об их совместных поездках в отпуск? Путаный лабиринт отношений. Но скандалов никогда не было. В период горбачёвской перестройки Вишневские эмигрировали в Америку. Следом за ними спустя год-два укатил и Лёня. Супружница Люба осталась ждать в Москве, пока он устроится в Америке по ихним, «американосовым» меркам.

Сашины воспоминания прервал звонок.

– Саша, ты уже на кухне? Можешь говорить?

– Могу. Что случилось? Что на тебя нашло вдруг среди ночи?

– Я вспомнил, как Женя умирала во Флориде, а я в то время был в Москве, и мне не дали даже попрощаться с ней. Я бы немедленно прилетел. Я был бы около неё в больнице. Мне ничего не сообщили. И похоронили тайно от меня. Зачем так со мной поступили?

– Ты же знал: так хотел Валера!.. Чего непонятного? Он не хотел тебя видеть, знать. И почему ты опять это вспоминаешь? Ведь прошло уже время. Мы с тобой не раз говорили. Зачем ты себя мучишь, Лёня?

– Саша, ты помнишь, как он, собака, прогнал меня из их квартиры во Флориде? Я не могу вспоминать, захожусь в обиде.

– Вот-вот, «захожусь», – позволила Саша улыбнуться чужому ей словечку.

Саша всё помнила. Помнила, что тётя упросила бабушку Марию сделать Лёне вызов в Штаты как племяннику. И та пошла на подлог и подписала необходимые документы. Чтоб уговорить бабушку Марию, пуганную культом личности, оттого не терпящую никакой лжи, подписаться под неправдой?! Страх Божий, но Женя уговорила. Лёня получил въездную визу в Штаты и стал жить в семье тёти Жени. Валерий с утра бежал на работу, а Женя с Лёней садились чаёвничать, не отводя влюблённых глаз друг от дружки. А потом они отправлялись гулять. Вечером – семейный ужин. Обстановка возвышенности и торжественности. «Валера, подай Лёне солонку. Валерий, ты забыл, что Леня не пьёт кислого вина, налей ему виски». Как Валера мог терпеть? И всё же терпел, шутил вместе с ними. А через два месяца он тактично и деликатно устроил Лёню на съёмную квартиру и даже вещи перевёз лично. «Не переживай, Лёня. Утром, когда Валера уйдёт на работу, приходи, и мы будем, как обычно, пить чай», – успокоила Женя дружочка.

И вот теперь, после внезапной, нелепой и несправедливой смерти тёти, молодящейся и какой-то беззащитно-обаятельной, прошлое мгновенно предстало пред Сашей. Странная ночь: стихотворение Тютчева, написанное на годовщину смерти любимой женщины, ночной звонок Лёни и его неподдельная боль и тоска... И Саша тихо сказала:

– Лёня, никто не виноват. И потом, ведь Валера так помогал тебе! Он хотел, чтоб у тебя свой угол был. Но ты же продолжал к ним ходить. Валера тебя принимал.

– Этот подлец подсматривал за нами, когда я у них жил. Приходил с работы в обед, стоял под окнами и слушал, о чём мы говорили. Он живёт, а её нет! Мне сегодня вспомнилось, как после смерти Женечки я приехал к её дому. Заходил в парадное, смотрел на почтовый ящик. Её руки касались этого ящика. Я не выдержал и поцеловал его дверки. А потом я всю ночь просидел на скамейке, глядя в её окна, как в её глаза, когда мы пили чай ещё в Москве. Очнулся к утру, вся моя одежда была мокрая от слёз. Почему она ушла? Сколько тварей живут в этом мире, и ничего с ними не случается!.. А с ней случилось. Почему?

– Что ты так убиваешься? Что было, того не вернуть. И Валеру тоже можно понять – он был её мужем. Валера её любил, и она его любила.

– Саша, я сегодня думал о ней. А потом думал об этом мерзавце. Как он мог не дать мне проводить Женю в последний путь?! Ты знаешь, Саша, я никогда никого не бил. А тут со злостью стал думать: вот бы встретить его и ударить кулаком в морду. А когда упадёт, бить ногами. Бить и бить козлину поганую.

Всхлипы шуршали в трубке. Откуда он звонит? Из Москвы? Из Америки?

– Лёня, остановись! Я не хочу этого слышать. Прошу, остановись.

Натикало три часа ночи или утра? Для электричек – утра. Саша попыталась уснуть, но куда там! Сна не было ни в одном глазу. Всеми силами отгоняла мысли о Жене, умершей в Америке, о Валере, но всякий раз странная биохимия взаимоотношений Жени, Валеры и Лёни возвращалась к ней новым случаем, давно позабытым. Иной раз сама не поймёшь, что с тобой происходит, а как других понять? Как понять того же Валеру? Почему он так долго терпел Лёню? Как понять Лёню? Наверно, у него была настоящая любовь с Женей? Но почему, почему, не любя друг друга, Женя с Валерой жили вместе? А то, бывает, любовь есть, а вместе – нельзя! Любовь непонятна и беспощадна. Она никого и никогда не жалеет. Вот взять хотя бы Валеру... Всю жизнь работает не покладая рук, как говорится, развернулся, целиком впаялся в капитал. Квартира во весь этаж в доме немыслимой красоты, отделана полудрагоценными камнями. И что? Это счастье? Женечки нет. Богатый и одинокий. Что у него в душе?

К утру количество децибел за окном возросло. Москва гудела, шумела, бренчала и скрежетала во всю Тверскую. Саша проводила мужа, прилегла на диван. Стала листать последний журнал моды в надежде, что удастся успокоиться, немного поспать. Но вскоре – совсем ерунда! Звонок из Америки с драмой всей жизни... Сатанизм! Кому их драмкружок или драмклубок интересен? От недосыпа и невнятицы жизни Саша устала, не желая слушать никого. Валера, Валерий... В просветах грязных туч обнажился солнечный диск, сверкнул золотом осени, рассыпая лучи куда попало...

– Саша... Здравствуй! Это – Валерий! Узнала?

– О Боже! Да, Валера! Здравствуй! Сегодня – «день молитвы и печали», «память рокового дня». С ночи телефон заливается погребальным звоном.

– Саша, я – о тебе, обо мне... Нам нужно встретиться. Приезжай.

Саша оторопела:

– Что-то случилось?

– Случилось... Да. Давно случилось. Только я скрывал...

И нервирующий звонок стал обрастать всеми гранями, тенями и оттенками тех драгоценных камней, о каких мало кто мог помечтать в позапрошлом веке. К её удивлению, голос Валерия доносился словно эхо из другого мира, планеты, мимо которой она случайно прошествовала с зонтиком.

Несчастный Валера клялся, что всегда любил её и только её, Сашу, сохранял брак с тётей Женей ради неё, желая видеть её, только её в своей квартире, какими бы редкими ни были визиты к тёте Жене. Ну не изящно ли сплетённое кружево на ночной столик Алексея? Волна воспоминаний о тёте, о её кажущейся легкомысленной дружбе с любимым мужчиной и затем её внезапном уходе из жизни далее раскачивала сердце, ум, душу... И вот ещё груз – из самоцветов!

Шёл мелкий затяжной дождь, какой бывает поздней осенью только в Москве. Надев резиновые сапоги, натянув толстый свитер и без зонта, Саша вышла на улицу. Долго бродила меж параллелепипедов и кубов, погружённая в себя, не замечая ни людей, ни машин.

Потом стояла на набережной Москвы-реки и неотрывно смотрела на тёмную воду. Некоторые мужчины, проходя мимо, не могли удержаться, чтоб не полюбоваться красивой женщиной с печальным лицом. Высокий парень подошёл и протянул ей свой зонт:

– Люди беспокоятся, видя, как вы мокнете под дождём. Что-то случилось? Может, помочь?

– Нет, нет. Спасибо. А зонтик заберите, мне пора уходить.

Но парень убежал, крикнув на ходу:

– От души и с любовью.

Саша неторопливо двинулась вдоль парапета набережной. Тяжёлая вода неопределённого цвета текла, образуя кое-где еле заметные водовороты.

Прошёл выкрашенный в белое пассажирский теплоход. Стоявшие под тентом ребята махали ей руками, что-то весело крича. «Давай к нам...» – донёсся отголосок. Впрочем, неважно, что насыщало смыслом осеннюю атмосферу. Важно то, что ей захотелось на теплоход. И плыть куда-нибудь, плыть. В Индию, в Антарктиду... А если взять и прыгнуть сейчас в воду? Доплывёт ли она до прибрежного мелководья? Кинется ли кто с гранитных отвесов набережной ей на помощь? А вдруг посреди реки утонет? Будет ли кто-нибудь убиваться по ней так, как Лёня убивается по Жене? Её зеленоватые глаза мерцали изумрудным светом ночи, словно там поселилась какая-то тайна, и эта тайна изменила её походку и выражение лица, утомлённого, но прозревшего некую глубь человеческой реки.

Дочь из прошлого

Разбросала жизнь бывших сельчан кого куда. И в далёкой Америке есть земляки, и в Казахстане, и в России...

Что это за желание бросать родимый дом и ехать в чужие края?! Все друзья Антона Кулаковского уехали из села после окончания школы. Дальний родственник, Анатолий Каширин, моложе его лет на двадцать, тоже не задержался в колхозе. На телевизионного мастера выучился и в городе живёт. А он, Антон, в своё время очень хотел жить в селе. Но жизнь по-другому распорядилась: поступил чёрт знает как далеко в институт – в Днепропетровске. В селе Зариччя мать с тёткой оста-

лись бедовать без мужских рук. Какие там доходы от колхоза при вожде Никите?! Как молока от непокрытой коровы. Еле-еле ему денег на билет наскребли да торбу с немудрёными харчами собрали. А харчи-то?! Пшено, хлеб, сухари и самая главная ценность – кусок сала, который мать у соседей одолжила. Ох и выручило его это сало! И кулеш варили с ребятами в общежитии, и с хлебом ели вечерами, запивая чаем на травах.

Мысли о бедной юности промелькнули в голове Антона, пока он слушал путаный подход Анатолия (тот звонил!) к существу дела.

– Антон Станиславович, вы только не волнуйтесь, будь ласка! С вами дочь хочет поговорить. Ваша дочь, из Саратова приехала.

– Какая дочь? Какой Саратов? Что ты мелешь? – сорвалось у него с языка, но его тут же пронзила мысль-догадка: «Это от Лии, её дочь!»

Он услышал женские всхлипы в трубке и затем тихое:

– Папа, мама умерла.

– Ты кто? Как тебя зовут?

– Я – Мария. Лилии Ахметовны дочь.

– Господи, Лия умерла! Я ничего не знал о ней почти сорок лет. Но как же? Как же так? Дочь?!

– Папа, я хочу с тобой встретиться, посмотреть на тебя. Больше мне ничего не надо.

– Встретиться? Может быть, на хуторе Красиловка, до Зариччя рукой подать? Нет, дома с Тамарой тебя примем! – усовестился Антон.

Иссяк телефонный звонок, словно ливень в летнюю жару, однако раскаты его грома громыхали в голове, а в душе сверкали молнии. Сердце бухало, в ушах стоял плач неизвестной женщины, назвавшейся дочерью, и вихри воспоминаний хлестали по щекам.

Он тяжело опустился на табуретку, обхватил голову руками. Хорошо, что Тамары нет дома. Как она отнесётся к этакому известию? И правда ли это?.. А что, если – правда? Ведь дочь, его дочь... У них с Тамарой свои дети: и дочь, и сын, и внуки почти взрослые. Один сын погиб... И вот тебе... Новая, словно вчера родившаяся дочь...

На его крупном и ещё по-мужски красивом лице появилась мечтательность. Вспомнилось, как на третье лето он нагрянул неожиданно в село на каникулы. Директор школы сразу предложил ставку учителя русской литературы в старших классах, а учиться – заочно. Это был шанс! Во-первых, в институте начались неприятности: его небольшую поэму «Казачья вольница» напечатали в институтской газете. Некто написал донос, усмотрев в поэме намёки на призыв к возрождению украинской вольницы. Чуть не исключили из института. Слава Богу, ректор оказался мудрым человеком: разобрался и защитил.

Кроме того, тяжко без поддержки из дому. И впроголодь приходилось жить, и подрабатывал на разгрузке вагонов. Во имя чего? Чтоб стать учителем в сельской школе среди своих земляков!

Сентябрь настал, и он вошёл в класс. Лия, Лия... Лет на пять старше его, умная, влекущая.

Помнится, директор заметил:

– Антон Станиславович, у вас с Лилией Ахметовной всё серьёзно или как? Судачат в селе...

– Дружим, а там посмотрим.

– Смотрите, чтобы не было поздно смотреть.

На том воспитательная работа закончилась. А через год Лии дали путёвку на курорт, а он поехал в институт на экзамены.

Лето пролетело, как один миг. После курорта Лия гостила у своих родных, а он в селе матери помогал. Как-то на речке приметил Тамару среди подруг. «Ну и фигура! – подумал. – Как же в школе не замечал её? Вся литая из меди. И красивая, и улыбчивая».

На танцах в клубе Тамара сама к нему подошла:

– Антон Станиславович, а я поступила в медучилище. Почему не поздравляете? С вашей оценкой, как-никак!

– Поздравляю.

– А вы на танец пригласили бы. Лучше всякого поздравления. Обзавидуются подружки.

Весь вечер протанцевал со вчерашней ученицей. Потом провожал до калитки, слова и чувства таяли, как время, надвигавшееся из облаков.

В середине августа вернулась Лия, у них с Тамарой к тому времени дальше невинных поцелуев украдкой дело не закрутилось, и всё-таки близость с Лией осыпалась, подобно осенним листьям после заморозков. На берегу речки Лия неловко намекнула ему, что ждёт ребёнка.

– Мы так не договаривались, – сказал он.

– А как? – спросила она.

...Снова телефонный звонок. Словно ветер сдул коллажи из той жизни: директор дал знать, что завтра силами персонала начнут ремонт школы. Замечательно! Занят на работе! У Тамары отгул, целый день вдвоём, и не сказать ничего о дочери из Саратова он не мог. Тем паче что жена всю эту историю досконально знает. Тогда ни он, ни Тамара не поверили Лие, а потом у Лии родилась дочь – восьми месяцев, что и думать?! «Не бывает такого, чтоб восьмимесячный ребёнок выжил. Семимесячный выживает, а восьмимесячный – нет...» – отрезал сельский лекарь Бурдейный.

Родился ребёнок, и все его сомнения, подкреплённые расчётами, оправдались. Он сам тогда, на берегу реки, сказал, что сомневается в своём отцовстве.

Лия обиделась и молча ушла.

...Воспоминания растревожили, он стал не рад завтрашним декорациям, отговоркам, отсылкам, да и оставаться один больше не мог. Хотел поехать к Тамаре на работу – передумал. Что он ей скажет? Не готов он пока к разговору с ней. Не готов! И как Тамара воспримет?

Сложно начиналась их совместная жизнь. Всё было против их брака: беременная Лия, родители Тамары, любопытные, а то и осуждающие взгляды сельчан. Расписались тайно, вдалеке от райцентра. А потом ему удалось устроиться в Остроге, где они и зацепились на всю жизнь...

...Стоял посреди двора, погружённый в воспоминания. Сколько всего было! И хорошего, и плохого, если поковыряться. Только зачем?

Посмотрел в небо, на крест знаменитого на всю Украину храма. Солнечные лучи играли с раннего утра, отражаясь от золотого купола и креста... Красота-то какая!.. Ещё князья Острожские строили, а храм до сих пор стоит и радует людей. Господи, столько лет храму! Род князей Острожских растаял, исчез во времени, а память о них осталась. Нет, значит, не исчез род, память материализовалась в этой крепости и храме. Вот и он, немолодой уже Антон Станиславович, посмотрел на эту красоту и помянул мысленно князей. Слышат его там, на небесах? Подумалось: а что он сделал в земной жизни?.. Передал свою любовь к русской литературе и свои знания детям, лишённым судьбой слуха. Издал несколько книжек со стихами, увлекся театром, много лет играл в народном театре Острога. Его заметили, даже приглашали на сцену в область. Тамара воспротивилась.

«Не ходи, Тоник, – попросила, – не будет у нас жизни с твоими гастролями».

Послушался Тамару – любил её. И, наверно, она была права. Засматривались на него девчата. Может, и не остерёгся бы. И как тогда? А так прошла жизнь в любви и семейном согласии, правда, не без потрясений. Вспомнилось давнее, но не забытое горе: сын, – смахнул слезу

с глаз. «Какой парень был!.. Красавец. Только из армии вернулся. Нелюди! Убили исподтишка и живут как ни в чём не бывало. Сгубили невинную душу. А сколько он мог сделать в этом мире?!» – думал о погибшем сыне, тяжело ступая к пасеке в углу двора.

Пчёлы – божьи создания: они и от тяжёлых мыслей отвлекают, и радостью душу питают.

«Милые мои, водички вам надо. Налью, налью сейчас», – прошептал Антон, умилённо рассматривая пчёл, хлопочущих на лотках ульев.

Одни улетают, другие прилетают с нектаром, здесь же охрана начеку... Пчёлы устраивают свою жизнь разумней, чем кое-кто из людей. Всё делается ради общего блага.

Он долго возился на пасеке, отгоняя от себя мысли о разговоре с Марией, но мысли, словно пчёлы, роились: то улетали, то опять возвращались. Что из того, что без мёда?!

В тот же вечер он не удержался и рассказал о новости жене. Тамара на удивление восприняла известие спокойно, лишь печально промолвила:

– Знать бы, что этот ребёнок твой. А так что скажешь... Непонятно, как детям и внукам будем объяснять. Они-то ничего не знают о той истории. Она замужем? Дети есть?

– Не знаю ничего, Тамара... Если встретимся, порасспрошу.

– Не встречаться нельзя, Антон.

В пятницу работал на благо школы, красил, малярничал, с коллегами разговаривал и даже пытался шутить, но как-то с неохотой, через натугу.

– Антон Станиславович, вы будто бы в другом месте сейчас. Стихи пописываете? – удивился коллега Владимир Квасюк.

– Написал одно лет сорок назад, а сейчас думаю о последствиях.

– Ну, Станиславович, даёшь! – заметил Квасюк. – Извини, но ты словно с ума сошёл. Ходишь, работаешь, сам с собою разговариваешь.

– Не сошёл, а спрыгнул.

В субботу Антон Станиславович весь день топтался без дела во дворе, ожидая автобуса со вновь обретённой дочерью.

Прикатил автобус, проскрипела калитка... Всматриваясь в её черты, желая и не желая, чтоб всё подтвердилось, чтоб чужая женщина оказалась его дочерью, он недоумевал, как накануне не мог или не умел выйти из зажимов не своей роли. У неё своя семья: муж, две дочери, еще не замужние, а он видел перед собой Лию, улыбчивую и сдержанную, умную и непосредственную, но ни капли крови, хоть отдалённо напоминавшей сходство с ним, не обнаружил. Ну ни кровиночки.

– Я тебя увидела и счастлива, – сказала Мария на прощанье. – Мне больше ничего не надо. До замужества была на маминой фамилии, а отчество твоё – Антоновна. Мама никогда не отвечала на вопрос, кто мой отец. Она говорила, что он умный и хороший человек. И ничего более. Только в последний момент прошептала, чтоб я с тобой встретилась.

– Я не знаю, что в таких случаях нужно говорить. Не знаю, не знаю, – расписался в бессилии Антон Станиславович.

Мария уехала в Саратов, а он остался с раздумьями и сомнениями. Так продолжалось долго. Прежней, тихой пенсионной жизни как не бывало. Занимался пасекой, домашним хозяйством, собакой – свирепой кавказской овчаркой. А мысли были там, в далёком прошлом.

Минуло медовое лето, мёда собралось сколь надо, если не сверх того. И себе хватило, и детям, и друзей одарил, и знакомым перепало.

«Жила бы Мария рядом, и ей досталось бы мёда», – подумал с устатку вечером.

К осени ветки от яблок ломились, пришлось подпорки поставить. И опять пожалел, что Мария далеко и яблок ей не достанется.

Зима, бесснежная и тёплая, не радовала. В феврале так потеплело, что пчёлы из ульев появились, сонно ползая по лоткам. А он, не обращая внимания на причуды природы, ходил хмурый: мучился, переживал. Нелегко в этом жестоком современном мире совестливому человеку жить. Ой, нелегко!.. Ночью вскакивал и шёл на кухню, чтоб не будить Тамару. А та тоже не спала, лежала в темноте с открытыми глазами, неслышно охая и вздыхая. Так в беспокойстве прошла зима, и весна минула.

Худо ли, бедно ли, но уже год с тех пор, как приезжала Мария, отмотался. Иногда звонил, говорил по телефону. Но что можно сказать в трубку, не видя человека?.. Как-то сорвалось у него:

– Мария, может, нам заказать экспертизу? Генетическую.

После долгого молчания услышал:

– Надо ли? И зачем?

Однажды, в тихий летний день, присел во дворе и задремал. И увидел в полудреме себя, молодого, стоящего у калитки с Тамарой. А над деревьями пылало ярко-красное зарево: то ли солнце закатное, то ли пожар где-то разгорался. А потом увидел идущую мимо них Лию с маленькой девочкой и голос её услышал:

«Не пугайся, Антон. Красное солнце к вечеру – на добро...»

А девочка вдруг заплакала, тоненько так и жалостливо. И от этого плача он очнулся. Рядом тёрся о ногу приблудный котёнок и жалобно мяукал.

«Откуда он? Надо же... Потерялся? Или кто подбросил? Не дай Бог за загородку к овчарке попадёт... Вмиг разорвёт», – подумал и протянул руку, подобрал несмышлёныша. А тот, не будь хил, неловко, но резво отскочил от него и, поднырнув под загородку, спустя мгновенье оказался перед пастью овчарки.

«Всё. Пропал дурашка маленький», – ёкнуло внутри. К его удивлению и радости, злая овчарка принялась облизывать котёнка.

Назавтра, с утра, Антон пошёл на кладбище к сыну. Долго стоял перед обелиском с портретом улыбчивого парня с кудрявой головой. Положил пучок белых ромашек на чёрный мрамор с выбитым на нём «Memento Mori».

Вечером он долго не мог заснуть, вздыхал, по привычке ворочался с боку на бок.

– Толик, не могу больше молчать. Будь что будет. Письмо тебе приходило от Лилии. А я тебе его не отдала, – прошептала Тамара и заплакала.

– Тамара, ты читала его? Что там было?

– Нет. Не распечатывала. Прочитай сам, если хочешь.

А в письме было всего несколько фраз: «Антон, Мария не твоя дочь. А могла быть твоей. Я тебя любила. Мне недолго уже осталось. Не хочу уходить с грехом. Прости, если сможешь. Лилия».

На следующий день утром Антон Кулаковский отправил Марии телеграмму: «Доченька! Буду в Саратове через два дня. Целую. Папа».

Потеря, которую невозможно пережить...

Небо, затянутое пеленой из мороси, опустилось до самой земли, нависая над верхушками мокрых берёз. «Словно от слёз небесных берёзы мокрые», – думал Юрий Смолин. Он стоял на веранде дачи, маясь от тоски и от того несчастья, что на него навалилось. Его

бросила жена. Внезапно бросила, без всяких объяснений. И поводов вроде бы не было. Хотя – нет, поводы, наверно, были, но вряд ли она знала о них. Были, были интрижки на стороне... Он как-то с Эммой, секретаршей Семёна Лукича, ездил в Крым. Помнится, Семён Лукич, старый хрыч, позвал его к себе в кабинет и, хитро прищурившись, сказал:

– Ты куда, Юра, в отпуск поедешь? Не в Крым случайно?

– В Крым. А что?

– И Эмме приспичило срочно отпуск взять. Я спрашиваю её: что за необходимость такая в мае месяце? Море ещё холодное в Крыму. А она, мол, путёвка горящая подвернулась. Вот у тебя тоже горит. Угадал?

– Не надо, Семён Лукич. Намёк твой понял, но не надо. У меня Зинка ревнивая... Не дай Бог, дойдут до неё твои бредни, а ещё хуже – поверит в них.

– Да, не время сейчас. Эмма мне самому на работе нужна. Ладно тебе, не обижайся. Поезжайте. Ты у нас тихушник, а ходок, видать, ещё тот.

Нет, не могла Зинка узнать о его поездке в Крым с Эммой. Семён Лукич поворчать может, но чтоб заложить – нет... Да и зачем ему это? Зачем ему скандал с главным инженером в собственной строительной компании? Нет, не из-за Эммы жена его бросила. Год прошёл с той крымской поездки.

Смолин увидел на берёзе ворону. Он – один. Ворона – одна. «Вот компания какая!..» – вспомнил слова из весёлой песенки. Сидит одна ворона под дождём, и всё ей нипочём. А он тут разнюнился. Но почему? Почему она собрала вещи в маленький чемоданчик и сказала, весело помахивая рукой:

– Прощай, Ильич! Ухожу от тебя и ни на что не претендую. Четверть века вместе! Хватит. Живи без меня.

– Да ты что, Зина? Ну и шуточки у тебя! К матери, что ли, едешь? Надолго?

– И ничего-то ты не понял, Ильич! Ухожу я. От тебя ухожу. Навсегда.

– Подожди... Что? Не шутишь? – он никак не мог взять в толк, что происходит, поскольку с работы только что пришёл и рассчитывал на вкусный ужин.

Зина оставила в коридоре вещи и вернулась. Села рядом с ним на диван:

– Юра, к другому я ухожу. У нас давно всё скучно и плохо. Вместе не спим. В театр, в кино, в общем, на люди не ходим. И что связывает нас? Как женщину и мужчину – ничего. Дети выросли. И детям мы неинтересны: в гости и то редко приходят. А я влюбилась. Влюбилась, понимаешь? И меня любят. Всё. И не говори ничего! Я ушла, меня здесь нет давно.

Зина подхватила чемоданчик, толкнулась в дверь, вытирая слёзы. Он не то чтобы не поверил её словам, скорее, поверил её слезам. Не встал, не кинулся догонять... Понял – бесполезно.

С час сидел на диване опустошённо, не двигаясь. Потом не выдержал и поехал на дачу. А вдруг пошутила? А вдруг на даче она?

Но на даче её не было, не было и её вещей. Ничего не было.

И вот он стоит на веранде и смотрит на мир другими глазами. Всё не так. Всё изменилось. Дома никто не ждёт, как раньше, когда он мчался с работы на крыльях.

За окнами сыро, даже ворона на ветке, нахохлившись, делает вид, что ей хорошо под дождём. Помнится, как они с Зинкой приезжали на дачу. Он приносил дрова, топил печку, она готовила еду, накрывала на стол. Не выдержал и поплёлся в комнату. Ему показалось, что он откроет дверь и увидит жену, хлопочущую на маленькой кухоньке. В ситцевом цветастом укороченном платьице с белым передником. Но в комнате и на кухне было пусто. И такая тоска подкатила к сердцу, что он от

жалости к себе, от невозможности принять то, что произошло, закричал во весь голос:

– О Господи! За что? Не могу я без неё! Не могу-у-у!..

– Что имеем – не храним, потерявши, плачем, – услышал он голос, тихий и ласковый.

Он не поверил своим ушам. Сбрендил от горя? Или почудилось? Но всё оказалось гораздо проще. На пороге стоял Федотыч, старый учитель, сосед по даче.

– Здорово, Юра. А я вижу, ты приехал. Думаю, дай зайду. А ты тут кричишь. С Зиной что-то?

– Ушла, Федотыч.

– Да-а-а... Вот такие мы, мужики. А чего случилось-то?

– Что случилось, то случилось... Пришёл сегодня с работы, а она чемодан собирает. Весёлая такая. Сказала, что влюбилась в кого-то, и ушла, вытирая на ходу слёзы. Вот тогда-то я и понял. Понял, что всё серьёзно. Двадцать пять лет мы прожили душа в душу. Но ушла. Я привык, что она всегда дома, на даче. А её нет и не будет. Почему, Федотыч?

– Потому что мы дураки, Юра. Мужик женщину не замечает. Есть она дома и есть. А он и налево ещё не прочь сбегать. Но как только начинает терять ту, которую не замечал, всё: не может этого выдержать. Эгоизм мужской. Как же, его, видите ли, бросили... Любить надо женщин, вот и не будут нас бросать.

Федотыч с нотацией удалился, а Смолин ещё долго метался по маленькой даче, не в силах освободиться от больных мыслей. Утром, не позавтракав, опять ринулся в Москву. Пока ехал в электричке, в голове затеплилась надежда: вот приедет домой, позвонит, и Зинуля откроет ему дверь. Улыбнётся и как ни в чем не бывало спросит: «Завтракать будешь?» И у него само собой вырвалось: «Буду! Буду!» Сидевшая напротив бабка с кошёлкой оранжевых рыжиков посмотрела на него испуганно и перебралась ближе к двери.

От остановки автобуса он почти бегом бежал. Ещё издалека стал высматривать свои окна на пятом этаже. А вдруг занавеска зашевелится? Или Зиночка из кухонного окна выглянет и помашет ему рукой? Уже не веря в чудо, поднялся наверх, нажал кнопку звонка. Тишина. Опять нажал, стал стучать в дверь. Внутри него что-то перевернулось: не покидала мысль, что Зина нарочно не открывает, не пускает в квартиру, и он ожесточённо стал пинать дверь ногами. Щелкнул замок, и открылась дверь соседней квартиры.

– Юра, Юра, что с тобой? Чего стучать-то? – баба Настя, добрая душа, легонько взяла его за руку.

– Так я... это... – промямлил он, трезвея.

– Юра, ведь Зины нет дома. Ты же знаешь. Эх, мужики, мужики... – баба Настя посмотрела участливо, даже жалостливо.

Он молча достал ключ и открыл дверь в пустую квартиру. И тут его осенило: Зинка ушла с маленьким чемоданчиком, а зимняя одежда где? Обувь? Он кинулся в спальню, но, открыв платяной шкаф, совсем сник: Зинкиной одежды не было – ни зимней обуви, ничего. Значит, заранее вывезла одежду, а он даже не заметил. Ничего не видел, никого не замечал – ни Зины, ни Зиночки. Ушли они, и жить стало невмоготу.

Уныло опустился на кровать и лёг навзничь, тупо уставившись глазами в потолок. В голове хаотично лезли, набегая одна на другую, мысли. Ему уже пятьдесят пять. Зинке – сорок шесть. Кому он нужен? Кому она нужна? А может, и нужна? На свой возраст не выглядит. А когда улыбнётся, то словно солнце в летнее утро выглянет из-за тучи и одарит своим светом просыпающийся мир. И поёт, и танцует.

Что ему, дураку, надо было? Двое детей взрослых. Внуки. Правду говорят, что седина в бороду, а бес в ребро. Нужна ли была Эмма? Каждое лето в Крым едет, и всегда с новым кавалером. А что ей? Молодая, здоро-

вьем пышет, тело тугое, а грудь – что два арбуза спелых. Неожиданно для себя он вскочил и стал названивать по телефону на работу: «Эмма, ты? Это Юра. Юрий Ильич. Скажи шефу, меня с утра не будет в офисе. Я после обеда явлюсь. А ты не могла бы на пару часов отпроситься?» С другого конца провода отвечали холодно, по-хамски. «Идиотка. Ещё матерится. Послала меня. А в Крыму не посылала, когда подарки ей подбирали в ювелирном. Стерва!»

Как-то незаметно он уснул. Во сне увидел Зинку, обыкновенную, а не какую-нибудь жар-птицу. Она купалась то ли в море, то ли в озере с каким-то коренастым мужиком, крепким и совсем не старым. Мужик взял её на руки и понёс на берег из воды, а она счастливо улыбалась, обхватив его за шею.

«Сволочи, что ж вы делаете? При живом муже... Зина, ведь мы же ещё не развелись», – закричал он во сне.

«А тебя нет с нами, – слышался голос жены. – Это – сон... Нет тебя, нет. Это – со-о-о-н, дурачок», – отдалось в сердце долгим и протяжным эхом.

Он проснулся. Звонил телефон. Сын Иван:

– Привет, папа! Как ты?

– Привет. А что?

– Да знаем мы всё с сеструхой. Ленка говорит, мол, давай к папе поедем, успокоим. А я говорю, зачем успокаивать? Мама заранее нам сказала, что переезжает жить в Тамбов к дяде Толе. Они в институте вместе учились. Помнишь, на фотографии такой симпатичный крепыш? Со студенческих лет в маму был влюблён.

Не отвечая сыну, положил трубку. Все и всё против него. Даже родные дети знали, только он один ничего не знал. А сын-то, сын... Как он спокойно рассуждает о случившемся. Как будто кино пересказывает. Жестокость какая! Или у них, у нынешних акселератов, всё так легко и просто?

Прошлая жизнь, простая и понятная, ушла навсегда. Нужно было учиться жить одному, без жены, жить с тоской и с мыслями, что она больше не с ним, а с тем коренастым мужиком, который во сне достал его. Казалось, научиться уже ничему нельзя. Как и прежде, возвращаясь с работы, он бросал взгляды на свои окна... Иногда ему мерещилось, что он видит Зину в толпе идущих по улице людей. Однажды он явно увидел её на другой стороне Тверской и, невзирая на плотное движение машин, кинулся между ними вдогонку за ней. Обернулась совсем другая женщина, молодая и весёлая. Сверкнув белозубой улыбкой, беззлобно пошутила:

– Что, старик, обознался? Или познакомиться хочешь?

– Тьфу, – чертыхнулся он в сердцах, отворачиваясь.

Так прошло в тоске и маете около полугода.

Постепенно Смолин свыкался с мыслью, что Зины с ним нет. Научился вести своё немудрёное хозяйство: уборка, стирка, готовка самая простая... Всё, о чём он раньше не имел ни малейшего понятия. Одно время потянуло на выпивку, но упал и разбил себе лоб, после чего раз и навсегда запретил себе спиртное. Но тоска одиночества стала постоянной его спутницей. Странное дело, при Зинке он не прочь был пофлиртовать с женщинами, завести знакомство, а без неё – как отрезало.

Однажды утром ему позвонили в дверь. Никто к нему после ухода Зины не приходил, дети обычно звонят по телефону и не докучают. А тут звонок... «Зинка...» – ёкнуло сердце, и он побежал к двери. Нет, не жена, а почтальонша – принесла повестку в суд. Развод!

Как-то поздним вечером Смолин брёл от метро домой. Дул пронизывающий мартовский ветер. Под ногами хлюпала снежная кашица, перемешанная с грязью и талой водой. Люди... много людей куда-то торопились: кто-то в дом, кто на службу, кто выгуливал

собаку. У ларька безногий нищий сидел на картонной подстилке и клянчил милостыню. Смолин шёл мимо. Он никогда не подал бы ни копейки милостыни женщинам с детьми, инвалидам, старухам в чёрном. Эти несчастные – рабы других людей. Мафии. Зачем ему кормить ещё мафию? Как-то видел на перекрёстке инвалида в коляске – катился среди стоящих перед светофором машин и просил подаяние. Обычно сострадают из недорогих машин, а от тех, кто сидит в престижных марках, не дождёшься. Загорелся жёлтый свет, и коляску инвалида подхватил верзила в кожанке, легко, как баул, отволок на обочину к запертым машинам. Раньше Смолин слышал от священника, почему надо подавать милостыню нищей братии. «Не нам судить, а Богу, – уверял священник. – Если протянута рука, подай просителю».

Вспомнив наставление, Смолин вернулся к нищему у ларька и подал сто рублей. Тут же выскочила из-под ящика грязная собачонка со сбитой в клочья шерстью. Она скакала на трёх лапах, поджимая заднюю, раненую. Может, на острый лёд наткнулась ночью, когда подмораживает? Или ударили?

Собачка уставилась на Смолина просящим взглядом.

– Тоже подаяния просит? Твоя? – обратился он к безногому.

– Нет, приблудная...

– Нечего мне ей дать... Еду не ношу с собой...

– А ты сосиску купи ей в ларьке. Пожалей животину. Домашняя она. Потерялась или хозяева выбросили.

Он так и сделал, бросил собачке сосиску и пошёл дальше. И странное дело: ему стало на душе как-то спокойнее. И спешащие по своим делам люди не казались такими угрюмыми, как раньше. И ветер стал по-весеннему тёплым. И звёзды, щедро усыпавшие тёмное небо, мерцали загадочно и призывно. «Сколько тайн скрыто в этом мерцанье звёзд? И где-то там, в вышине, Тот, кто всё видит и оценивает нашу жизнь на Земле. По грехам нашим и воздастся нам...»

Впервые за полгода после ухода Зины он воспринял окружающий мир с оттаявшей душой.

Около дома услышал тихие шлепки позади себя, словно чьи-то мелкие шажки. Обернулся и увидел бегущую по грязи на трёх лапках давешнюю собачку. Сердце защемило, на глаза навернулись слёзы. Он, не обращая внимания на грязь, стекавшую с шерсти собачки, подхватил маленькое тёплое существо на руки. «Как тебя зовут, милая? Как?» – шептал он, поднимаясь по лестнице к себе на этаж. Собачка, повизгивая, уткнулась холодным носиком в залитое слезами лицо и лизнула его шершавым язычком.

Когда открывал дверь, на площадку вышла баба Настя:

– Юра, ты что? Собаку решил завести? О Господи! И где ты взял её, такую грязную? Небось подобрал на улице?

– Да. У метро привязалась. Увечная она. На трёх лапках прыгает. Я около дома заметил, за мной бежит. Жалко стало.

– Ну, Юра... Доброе сердце у тебя. Что я тебе скажу, Юра... Зина сегодня ко мне заходила. Плакала. Видно, жалко ей, сердешной, тебя.

Весь вечер Смолин возился с собакой: отмывал её в ванной, кормил, в коридоре устраивал подстилку из старого Зинкиного пальто, найденного среди хлама в чулане. Весь вечер мурлыкал сохранившиеся в памяти строчки детской песенки, разговаривая при этом с собачонкой: «Мы едем, едем, едем в далёкие края... А как мы тебя назовём, милая? Найдёныш? Весёлые соседи, прекрасные друзья... Нет, нет... Ты ведь девочка!»

Смазывая йодом пораненную лапку, он целовал собачку во влажный носик. Отмытая, с расчёсанной

шерстью, собачка оказалась прекрасным абрикосовым пуделем. Чёрные глаза- бусинки смотрели на Смолина преданно, следя за каждым его движением. «А назовём мы тебя...» – он нагнулся и прошептал собачке что-то на ухо.

Собака уже спала на подстилке в коридоре, а Смолин ещё долго стоял на балконе и смотрел в звёздное небо, напевая то одну, то другую строчку известной песенки, иногда перевирая слова: «...обезьяну, попугая... Вот компания какая!» Его лицо светилось от умиления, словно он увидел в звёздном небе то, что увидеть никому не дано.

Смятение чувств

Муж Игорь спрашивал, а Марина ничего не отвечала. Его голос, чужой и далёкий, невнятный и ненужный, мешал уловить очень важную мысль, пока неясную ей самой. Что-то она упустила? Что-то не сделала? Это что-то смутно мелькало в сознании и исчезало. Муж стрекочет и жужжит... Слов не слышно, а фон остаётся, и никак не пробиться к главной мысли сквозь туманную, вязкую пелену слов.

– Мариша! Мариша! Ты где? Ты не слышишь меня? Что с тобой?

– Подожди! Отстань... Сейчас, сейчас...

И вдруг пришло: «Андрей из дома отдыха... Молоденький офицер... Как он смотрел на меня при прощании! Почему не осталась до утра, ведь он просил?» Она преобразилась: теперь это была уже не добродушная и смешливая прехорошенькая мать семейства, какой её знали все друзья и знакомые, а уверенная и решительная женщина, палимая изнутри вырывающимся наружу огнём. На лице отразилась полная гамма взаимоисключающих чувств: жестокость, отрешённость от всего сиюминутного и полная концентрация на далёком предмете.

«Дура-дура! Я его больше никогда не встречу... Это тот случай, тот самый, которого ждала всю жизнь, все девятнадцать лет замужества, а я ему отказала. Вернуться в дом отдыха сейчас. Немедленно! Он завтра уезжает. Сегодня или никогда! Всё. Еду!» – пронеслась искра безрассудства в её голове, и она закричала, лихорадочно вытряхивая из сумочки содержимое:

– Где ключ от машины? Он был в сумочке... Кто взял? Игорь, ты?

– Мариша, что с тобой? Машину нужно отогнать на техосмотр... Мы же договорились.

– Отдай ключ немедленно. Мне срочно надо вернуться в дом отдыха. Сегодня. Завтра будет поздно.

– Мариша, вечер скоро. Что за необходимость? Ты же только приехала.

Муж попытался обнять её за плечи.

– Не тр-р-рогай меня! Я еду! Мне надо! Отдай ключ!

Старшая дочь Вера оторвалась от книги, удивлённо вскинув брови:

– Ма-ам! Давай я с тобой поеду. Не скучно будет.

– Никто и никуда не едет, кроме меня. Я возвращаюсь в дом отдыха, потому что мне надо. Ты, Вера, присмотри за Танюхой. За Светкой папа присмотрит. Завтра буду назад.

Шестилетняя Света, любимица папы, уже взобралась к нему на колени. Таня, четырёх лет, начала реветь, почувствовав какую-то угрозу для себя.

Муж молча выложил ключи от машины на стол и стал возиться с плачущей Таней, обиженно сопя.

Она погнала машину, сжимая руль до боли в пальцах. Полные губы – краса и гордость её, зависть всех сокурсниц Гнесинки – сейчас были плотно сжаты, ску-

лы заострились... Она сидела за рулём, устремлённая вперёд телом, взглядом, всеми своими мыслями.

«Успеть! Успеть! Успеть!»

Понемногу она успокоилась и даже слегка сбавила скорость.

Вспомнилось, как Андрей все три дня и вечера влюблённо рассматривал её, где бы ни встречались их взгляды: в ресторане, в парке или в экскурсионном автобусе. Как он неуклюже стал знакомиться с ней на танцах! Сказал какую-то банальность и пригласил на танго. Сожалел, что он не ведал о её существовании. А когда узнал, что она уезжает через три дня, так расстроился, что готов был ночью не спускать с неё глаз. Надо же! Всего-то лет на несколько старше её сына, что в армии. Такой же мальчишка. Вспомнила сына, и стало мутить душу: девятнадцать лет замужем, ещё чуток, и округлится дата, и улетит, оставив её с бабьим веком.

Но как же! Она – честная и верная жена. Плюнь тому в глаз, кто скажет, что не такая она. Многим в Сергиевом Посаде известная пара, она любит мужа, муж любит её, четверо детей... И вот случилось! Её занесло, как на мокром асфальте авто без тормозов. Ехала, ехала уверенно по накатанной дороге, и вдруг – зона прошедшего недавно дождя. Машина не слушается руля, её, неуправляемую, несёт то ли к обрыву, то ли на встречную полосу. А казалось, ситуация полностью в её руках. Лёгкие поцелуи на затемнённых скамейках в парке по вечерам, три дня тайных и явных взглядов Андрея, любование ею... Что там фигура – не фигура! Тут больше, глубже. И она, как бы со стороны, подхватывала его взгляды, мысленно поругивая себя за вольности на скамейках или под деревом. И сумела-таки справиться, сумела не перейти границы, за которыми начинается грех... Да, да! Грех! Вспомнила христианскую заповедь: «Не прелюбодействуй». Рассталась утром с Андреем, нежно поцеловав его в лоб.

– Маара, может, останешься? На одну ночь только... Я ведь тоже скоро уеду... Прошу, – прошептал он.

– Нет, нет и нет! Нельзя, мальчик мой! Нельзя! И тебе не нужно. Уважать меня не будешь... Я же не кто-нибудь... Правда ведь?!

Она села за руль и увидела, как он потерянно смотрит вслед. Его фигура, отражённая в зеркале, становилась всё меньше и меньше, пока не превратилась в еле заметную точку, а потом и вовсе исчезла.

Исчезла, да не навсегда. Через три часа, дома, Марина расцеловала детей, тут явился муж раньше времени. Как только муж приблизился, она сразу почувствовала в душе нарастание непонятной мглы и напряжённости. Давно ей не по нраву его безликая, словно серое утро, виноватая улыбка; стало занудным его вечное: Мариша, Марина, Маринка, Мариночка, Маара, наконец... И по ночам одно и то же, как анекдот про чукчу. Раньше, в первые годы, всякое прикосновение, даже слово её заводило, она ждала ночных ритуальных действий, но со временем всё как-то приелось, стало привычным и порой раздражало.

В обед, за столом, она поймала блиц-взгляд на её грудь, затем он, смущаясь, улыбнулся. И налетела гроза, машину понесло по мокрому асфальту, крути руль туда-сюда, не крути... Она почувствовала жаркое дыхание Андрея, напористость, поцелуи, пробудившие в ней былое.

Марина остановилась на обочине и, опустив голову на руль, задумалась. Куда и зачем она едет? Как муж поведёт себя? Разводиться начнёт? Исчезло очарование первых дней, желание пропало, «как сон, как утренний туман», желание любить... Исчезло – и всё тут. При чём здесь любовь и страсть? А дети? А мнение окружающих? Наплевать! Ей ведь сорок два всего. Или уже старуха? По обычаям древним – старуха. А по нынешним временам – в самом соку. Она жила для мужа, детей, семьи, а для себя пожить имеет или не имеет

право? Вот ещё! А этот мальчик, молодой офицер, ей интересен, желанен. Запрещала себе? Зачем? Для чего? Для кого?

Она гнала машину вперёд и вперёд.

Андрей – у ворот дома отдыха, будто бы предвидел её возвращение. Но ничего нового, ничего, что потрясло бы её душу. Прошла просимая им ночь, как оказалось, отнюдь не волшебная. Нет, разочарования не было. Но не было восторга, не возникало и сожаления. А чего сожалеть!

По дороге домой она заехала в кафе на обочине, долго сидела за чашкой кофе в полутёмном углу. «Ничего, – утешала себя, – всё чин чином». Как до замужества, так и теперь – не монахиня! Было подростковое влечение к юному турчонку, по уши влюблённому в неё в Стамбуле. Отец служил коммерческим представителем чего-то или кого-то... Жили семьёй, не как дипломаты, а свободно от надзора посольских ушей и глаз. Сколько ей тогда было? Наверно, не более дюжины лет. Увлечение было невинным, но приятным. Затем семью перевели в Москву, была переписка с Надиром, но только через семь лет она встретилась с ним. Она уже начала отвыкать от мысли, что где-то есть Надир, который её любит, а тут он объявился во всей красе. Помнится, она прибежала к нему в гостиницу. С ним тоже, как с Андреем, была вместе одну ночь, а утром подумала: «И этого щупленького, чернявенького турка ждала целых семь лет?!»

Хотя неправда, она его не ждала, так получилось. На первом курсе училища в неё влюбился профессорский сынок Ефим, тоже студент. Провожал с лекций, на концерты вместе ходили. Не пропускал ни одной её игры на флейте, когда она выступала на сцене. Ей прочили будущее как флейтистке – а-громадное!

«Маринка, – говорила профессорша Маргарита Борисовна, мать студента, – тебе Бог дал замечательный инструмент для игры на флейте: полные и сильные губы, великолепные лёгкие. Ты станешь знаменитой. А Фима от Бога скрипач! Вы будете прекрасной семейной парой».

Маргарита Борисовна не знала, что достоинство полных и сильных губ проявлялось больше в поцелуях, чем в игре на флейте. А Фима был без ума от её поцелуев. Но за семь дней до похода в загс она отказала Фиме. Отказала! Совсем неожиданно для себя, отца с матерью, свекрови в образе профессорши, прозванной ею Марго.

Если честно, за ней стал ухлёстывать молодой преподаватель по классу скрипки. С ним она целовалась и репетировала брачную жизнь целых полтора года, пока не отказалась выйти за него замуж.

Был ещё художник Виктор, вечно прокуренный и пахнущий красками, предлагавший ей и руку и сердце, подобно серпу и молоту.

С мужем, сохранённым ею для потомства, всё случилось по-другому. Была любовь... С чего же она возникла? Тем не менее они поженились, и она родила ему сына, а потом дочь... Жили трудно – на загородной даче: денег не было, водопровода не было, отец её к тому времени умер, а мать от горя ушла в монастырь. Родители Игоря – без царя в голове. Сами выкручивались, как могли. Но любовь-то была... Была любовь. Думала об Игоре, ждала его вечерами, когда он задерживался в училище. С радостью готовила для него еду. С радостью занималась детьми. Перестроили дачу, сделали из неё настоящий жилой дом с водопроводом, камином, канализацией... Потом переехали в Сергиев Посад. Игорь строил и ремонтировал храмы. Она – с детьми. Было семейное счастье. И куда оно делось? Даже мыслей не было, чтоб изменить мужу. Как-то вскоре, через полгода после рождения младшей дочери Тани, отдыхала на Кипре с дочерью Верой. По вечерам

гулял с ними по набережной моложавый композитор из Киева Олег Табачников. Хоть ей он и нравился, но лишнего ни себе, ни ему не позволяла. А тут – на тебе! Офицер молодой появился, и сама к нему помчалась, как дура последняя.

Не допив кофе, она поспешила к чёрному ходу во двор кафе. Из конуры вылезла небольшая шавка, а за ней выводок щенят. Двенадцать разномастных сосунков: чёрных, чёрно-белых, и даже один рыжий затесался.

Марина вернулась в кафе и заказала котлеток на всех.

– Мы котлеты порциями продаём, а не килограммами. Сколько вам с гарниром? И с каким гарниром: макаронами или картошкой? – заулыбалась пожилая буфетчица.

– Пятнадцать порций. Можно? С макаронами.

– Собачке, наверно?

– Да. Матери-одиночке. Я сама как та шавка. Тоже маленькая, а четверо детей у меня.

– И тоже одиночка? – погрустнела буфетчица.

– Что вы! У меня муж есть. А чего они все такие разномастные? Щенки-то?

– А кто их знает? Кобели были разномастные. Много развелось бродячих собак... Кто сильнее, тот и взял!

Марина долго стояла, наблюдая, как пёсики кормятся. Щенки столпились у чашки с едой, рыча и толкаясь. Только сука ела достойно, не спеша, вмешиваясь время от времени в разборки вокруг нежданно-негаданно свалившегося счастья насытиться до отвала.

«Откуда эта любовь берётся, и куда она уходит? – размышляла Марина. – Да и есть ли она, любовь? Есть инстинкт к размножению... Это закон природы, он управляет всеми нами, объявившимися на грустной земле».

– Всё на земле – от Бога, – услышала она негромкий голос и обернулась.

Позади стоял благообразный старец в белом балахоне до пят, подпоясанном тонким ремешком. Окладистая белая борода, седые волосы на голове стянуты синей лентой. А на ногах – лапти. Самые настоящие лапти, какие она видела разве что в музее.

– Здравствуйте, уважаемый! А почему вы мне это говорите? – спросила Марина.

– Я отвечал на твой вопрос.

– Разве я что-то спрашивала?

– Нет, ты подумала.

– А вы читаете мысли?

Старик смолчал. И Марина неожиданно для себя добавила:

– И любовь от Бога?

– И любовь тоже. Только каждый волен принять её или не принять. У каждого человека есть выбор.

– А у шавки?

– Тоже тварь Божья. Всё понимает... Ишь как заботится о детках своих... А ты молись, милая, молись... Сердце у тебя доброе. Ибо сказано: «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, так как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь...»

Неожиданно для себя Марина подошла к старцу и поцеловала ему руку. На глаза навернулись слёзы. Пока она доставала платочек из сумочки и утирала глаза, старец исчез.

Марина вернулась в кафе и стала расспрашивать буфетчицу о странном старике в лаптях. Та недоуменно пояснила, что никаких старцев здесь нет и быть не может. Кафе – в пяти километрах от села Заворыкина, здесь сходятся две шоссейки. Для кафе место очень удобное...

– Показалось тебе, милая, – участливо посмотрела на Марину буфетчица. – Бывает, с дороги устанет чело-

век, вот и ему кажется то, что думается. А во двор никто, кроме тебя, не выходил.

– Спасибо вам. Может, и вправду почудилось.

– А ты в церковь нашу зайди и свечечку Богу поставь. Ты ведь в сторону Сергиева Посада едешь? Так небольшой крюк сделай и сама увидишь нашу церковь. Небольшая и красивая, подобно куколке. И батюшка там молодец, ладный такой да добрый.

Слова буфетчицы оправдались. Храм был благолепен – с каменной резьбой закомар, голубым куполом в звёздах и небольшой колокольней, ладно пристроенной сбоку.

Марина вошла в отворённые настежь двери.

Прошло несколько лет, и слух о церкви Святого Николая Угодника в селе Заворыкине разнёсся по всей округе. Послушать службу батюшки Богдана приезжают люди из других сёл, и даже паломники после лавры в Сергиевом Посаде останавливаются. Рассказывают, что хор певчих возглавляет замечательная прихожанка, красивая, строгая. Поёт молитвы столь проникновенно, что сердце заходится от радости.

О проповедях отца Богдана и его хоре певчих мне рассказывал приятель-художник Виктор Лукьянов, да всё недосуг было посетить те места. Наконец я собрался и поехал в обраставшее легендами село Заворыкино. Когда увидел на клиросе Марину, узнал её сразу: как достоверен глаз художника! Зная историю её жизни вплоть до встречи с загадочным старцем у придорожного кафе, я больше дивился не сгинувшей хохотушке Марине, а кротости и благоговению в её лице, огромным глазам, наполненным неким упованием и счастьем, голосу ангельской чистоты. Во время службы Марина крестилась размашистым крестом, поднимала глаза вверх, где парили образы ангелов, окружавшие Спасителя. Ибо сказано: «...служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом...» (Первое соборное послание св. апостола Петра, гл. 4, стих 10).

Третьи петухи

Под утро загорланил соседский петух Мартын. Громко и с переливами. Володя Кравец проснулся и, протирая глаза, с недоумением посмотрел на жену. «Храпит, что ли? Никогда раньше не храпела». Но петух брал выше и выше, наполняя комнату залихватскими руладами. «Ну Мартын даёт! Не зря Пашка Зелинский запретил касаться его!» Соседка Марфа грозилась отсечь красавцу головёнку...

Лёжа на спине и вслушиваясь в звуки убывающей ночи, Володя ощутил сладкую прохладу сирени, расцветшей под окном белым пушисто-бархатным облачком. Вдруг всполошились кошки, поднялся ор и вой, будто на дворе март. Что-то мягко шлёпнулось на пол. «Маруська – с какого страху?!» – насторожился Володя, но всё утихло. Маруська забилась под кровать.

Кравец недавно купил дом в селе и не мог нарадоваться на него. Помнится, когда жил в городе, жизнь текла в спокойном укладе. Начинал-то он в сельской школе. По утрам бежал учительствовать, гордясь удачным стечением обстоятельств после института. Жена млела от счастья! Всё прекрасно: отдельный маленький домик лесхоз выделил молодой семье, рядом липовая аллея. Выстроились липки в ряд до маленькой речушки в двухстах метрах, в которой всегда на уху наловишь

удочкой. Жить бы да жить в своём доме над Припятью, но беда: Чернобыль! Всё бросили, пришлось начинать жизнь на новом месте почти с нуля в маленьком городке под Киевом. Слава Богу, жильём власть обеспечила: квартиру дали побольше. Пока Украина обретала облик «незалежности», Володю даже в бизнес понесло: кафе завёл на паях с товарищем, по-прежнему цепко держась за школу, где набрал группу дзюдоистов. Поверил в коловорот перемен не сразу, но как-то поверил и вступил в партию «Наша Украина», затем посильно участвовал в оранжевой революции: возил на Майдан Незалежности обеды за счёт заведения.

Отгремела революция. Осталась неудовлетворённость в душе рядом с раной Чернобыля. Словно толпа по холимым с детства цветам прошла. Ничего нового под солнцем: схлынули потоки восторгов, затих ветер перемен, и стало плохо. Но Бог видит всё. Бог слышит всех. Может, и лучше, что партийцы выдавили его из кафе «незалежности»? Не его это дело, не его! Не может – и всё! Опять стал учительствовать. Дети выросли, у сыновей семьи, квартиры, внучатки замаячили на горизонте: Даша и Маша. Домик для внучек надо бы заиметь. На расширенном семейном совете, с участием детей, внуков и сватов, решили взять кредит и в складчину купить дом в селе, прозванном им самим Внуково.

И вот оно, как с ладони, – царство жены Венеры! Вся земля в цветах, в клубнике, в плодовых деревьях, в пахучей сирени, что в июне наполняет дом неповторимыми запахами свежести, благоуханием новой, налаживающейся жизни для затюканного обстоятельствами человека.

«Вот ведь, есть прогресс! – судил Володя о жизни. – От прогресса и польза, и беда».

Пришла беда, и что делать? Народная мудрость нашёптывала чернобыльцам: водкой надо запивать рентгены, не то они схватят тебя за шкирку... Володя тайком от жены испробовал и красное вино, и самогонку, со временем уверившись в пользе советов как объективной реальности, данной нам... Однако же, положив на весы разума Чернобыль и революцию, получил вразумительный ответ: революция злее атома – водкой её не вытравишь.

Спать уже не хотелось: разбередил душу мыслями о прошлом.

Для засонь петух Мартын повторно прокричал свою предутреннюю песню. Потянет ли на третьи петухи? Было тихо, но Володе чудились какие-то звуки, что-то было не так. Что за окном? Как будто что происходит? Какое ещё животное блудит?

Ничего, всё в порядке, просто светает, но тьма приобрела, возможно, из-за Чернобыля, другой, голубоватый оттенок. Стало неуютно и тревожно. А чего тревожиться? Стоят типовые домики, построенные когда-то для чернобыльских переселенцев. Немолодые соседи доживают свой век. Дети выросли и укатили, иногда, по праздникам, из города наезжают с внучатами навестить стариков. Кто-то из внуковцев пьёт от безысходности, кто-то – по привычке. Никогда не поймёшь, почему пьют.

Вот сосед Петрович, который слева живёт. Появилась бутылка, значит, за стол нужно садиться. И неважно, праздник или рабочий день. Напьётся, а потом за женой гоняется с дрекольем. Убежит жена к соседке, так он за собаку принимается.

– Зачем над собакой издеваешься? – вмешался Володя однажды. – Она-то в чём виновата?

– Ты за своей женой смотри, а не за моей собакой! – буркнул Петрович. С тех пор сосед вроде бы помирился с собакой. Значит, утихла белая горячка.

Володя отмахнулся от пустых мыслей о соседе, настороженно прислушиваясь к тишине. Хрустнула сухая

ветка, и у него ёкнуло сердце. Крадётся кто-то? Иль показалось?..

«Сухие ветки на деревьях сами по себе ломаются», – успокоил себя, но тихонько опустил ноги на пол. Затем подкрался к окну и обмер... чуть не закричал, но вовремя зажал себе рот.

Посреди двора стоял огромный шар – с двухэтажный дом, светящийся матовым светом, а в его верхней части – два длинных усика, похожих на антенны. Эти живые усики двигались, шар походил на первобытное насекомое. Точно так двигает усиками муха или какой-нибудь жук.

Вдруг усики замерли, словно вглядываясь в окна спальни, и Володя почувствовал неодолимое желание выйти из дома. Никакого страха, наоборот, хотелось петь, кукарекать, как Мартын, легко и залихватски. Но не при спящей же жене! Обидится, не умаслишь потом! У шара усики перемещались, целясь в сторону двери и слегка подрагивая. Открыв дверь, Володя увидел в плоском днище шара круглое и яркое пятно, похожее на оконце или люк. Какие-то расплывчатые фигуры двигались внутри, и вдруг одна из фигур в мгновение ока отделилась от шара и непостижимым образом оказалась рядом с ним.

– Пошли, Макарыч. Тебя велели привести, – промолвила фигура голосом соседа.

– Петрович, ты там был? А почему собаки твоей не слышно? Почему не лает? – спросил Володя буднично, как будто каждый день он видел у себя во дворе необычный шар с вертящимися усиками-антеннами.

– А забился в будку Полкан. Чего испугался? Кому он нужен? Ты да я им нужны. Пошли, что ли?

И тут Володины тапочки примерзли или влипли в дощатый пол веранды – ни в какую!

Надорванным голосом, с хрипотцой, завёлся с третьей песней петух Мартын.

Не помнил Володя Кравец, каким образом оказался посреди двора и вслушивался в его пенье. Разве услышишь в городе такое приветствие утра? Разве увидишь в городе зарождающийся рассвет? А звёзды, звёзды, висящие в тишине над селом?! Тихие и певучие. Зелёные, синие, жёлтые, белые... Мириады звёзд. Это только кажется, что они все одного цвета. Нет, они все разные, только нужно всмотреться в них. Сейчас фантасмагория утра, они кажутся одинаковыми: и бледными, и блеклыми. Хотя нет, вон та звезда, огромная и яркая, красного цвета. Володя заметил, что звезда быстро удаляется, уменьшаясь в размере. Он наблюдал за ней до тех пор, пока она не растворилась в осветлённом утреннем небе.

В проёме двери показалась жена в белой сорочке до пола.

– Володя, ни свет ни заря, а ты во двор выбрался?

– Тю, напугала! Ты в этой сорочке на привидение похожа. Мартын разбудил. Вот и вышел во двор. На звезды засмотрелся. Интересно! Небо светлеет, звёзды бледнеют и постепенно растворяются в небе.

– Ты не выпил случайно с Петровичем? С чего тебя на звёзды в такую рань потянуло? Ты и по молодости на них не заглядывался.

Венера неуклюже повернулась, дверь за ней захлопнулась, словно не открывалась, стало тихо.

«А почему, действительно, я во дворе оказался? Убей – не помню! Странно. И сон какой-то странный приснился: шар во дворе, похожий на жука... Ах, да... Петрович ещё из шара выходил и приглашал меня вовнутрь. Фантастика!»

Володя стоял посреди двора, недоуменно посматривая то в одну, то в другую сторону. И вдруг он разглядел на зелёной траве чёрный круг, метров на пять в поперечнике. И трава внутри круга пожухлая. Будто выжженная. Он не выдержал и опустился на коленки, принюхиваясь к земле. Может, солярку кто пролил? Но почему

круг такой правильный? Не нарочно же подстроили? И не алкаш Петрович же подсказывал? Никаких запахов солярки или самогона не было, но и травы не было также, вот ёлки-моталки!

Утром пришёл сосед и принёс бутылку козьего молока.

– Макарыч, молочка с утра испейте. Марфа только что козочку подоила. Не бойтесь, наша козочка без запаха.

– Спасибо, конечно, Петрович! Удивил ты меня. Не замечал я раньше, чтоб ты соседей по утрам парным молоком угощал. Что с тобой?

– Да что тут такого? Соседи ведь.

– А может, похмелиться хочешь? Так у меня есть полбутылки.

– Что ты... Что ты! Не надо. Завязал я. И Марфе слово дал. Не буду эту гадость больше принимать.

С нескрываемым удивлением Венера стала рассматривать соседа. Ишь, водка гадостью стала! Скажите мне! Он не был похож на вечно лохматого и небритого, недовольного всем на свете Петровича. В чистой белой сорочке, аккуратно причёсанный. На лице блуждала мягкая и добрая улыбка.

Потом прибежала Марфа, пожаловалась:

– Петух Мартын исчез.

– Может, зверь какой прибрал? – предположила Венера.

– Да какой зверь?! Отродясь здесь кур не таскали. Да и пёс зверя учуял бы. Стал бы лаять. А он всю ночь тихо в конуре проспал.

– И всё-таки петух последнюю предутреннюю песню пел: Володя ж наяву слушал!

– А может, почудилось мне? – сказал, однако. – Я и сам не помню, зачем во дворе оказался под утро.

– Один пить перестал, другой на звёзды засматривается и потом не помнит ничего. Во дела! – засмеялась Венера.

Но петух Мартын на третью ночь после того, как исчез, каким-то непостижимым образом опять оказался в курятнике и стал наяривать свои песни пуще прежнего. Петрович ни пива, ни водки, ни разбавленных жёниных вин в рот не брал. И никто в селе теперь не пил. Об этом даже в районной газете писали: в селе Закуняево (так на самом деле жители называют село меж собой) все, кто закладывал за воротник, перестали спиртное пить, как ни странно, в один день. И случилось всё в тот день, когда петух Мартын на время исчез из курятника тамошнего мужика Павла Зелинского. Петух-то вернулся, а мужики и бабы как не пили, так и не пьют.

Молва разошлась, будто бы петух силой своего горлопанства всю пьянь излечивает. Некоторых мужиков жёны теперь привозят в Закуняево для кодировки пеньем петуха Мартына. Есть такие, кто опасается ехать. Как-то Володя своего давнего приятеля, доктора, пригласил в гости, на выходные с ночёвкой. Сызмалу повелось, прилипла к приятелю кличка Доктор, а он и вправду доктор, поскольку пиявок разводит и теми самыми пиявками избавляет людей от гнёта хворей. Многим, говорят, помогает. Хотя, признаться, чего только не наговорят люди, а как оно на самом деле получается, кто знает? Пока не попробуешь, не поймёшь. Главное, Доктор, прописав сам себе отказ от приглашения, отбоярился. Испугался, выходит?

– Извини, Володя! Я уже наслышан об этом сумасшедшем петухе! Чепуха, конечно... Не может петух лечить своим ором от пьянства. Мои пиявки на что универсальные, и те не помогают. Бесплодие лечат, при геморрое помогают, а от пьянства – нет, ни в какую и ни за что!

«И в самом деле, признаешь за факт народного лекарства, а у тебя докторский диплом отымут, ошельмуют шарлатаном!»

– Так чего ж ты боишься? – не унимался Володя.

– Нет, не поеду. Бережёного Бог бережёт. А вдруг там не петух, а ведьма? На тебя не действует, но ты, может быть, исключение из правил. Или ведьма тебе знакомая? Нет, не хочу рисковать. Без выпивки к молодым девчатам сейчас не подступишься, а тут шары катаются... Эти шары – улёт белой горячки, её материализация с временным эффектом... Вот так-то, чернобылец!

А Володе всё нипочём.

Но с Петровичем они не сошлись – на разных почвах выросли. Один землю копал и пил до третьих петухов, другой от Чернобыля пострадал и пьёт меньше, чтоб слышать петуха Мартына поутру. Красиво поёт, паразит, до галлюцинаций, колик и немыслимых шаров над клумбой. Сюрреализм! Вовсе не улёт белой горячки. Откуда ей быть? Да ещё с материализацией? Петуха слышит всякий на селе, а шары садятся только во дворе Володи Кравца. Кому и чего здесь доказывать? И так понятно, даже дураку.

Девичник с «Бехеровкой»

Убегая от дождика, Лариса Громушкина, Ирина Незванова и Шура Балдеева кинулись в кафе-полуподвал, что на улице Богдана Хмельницкого. Случай самый подходящий: в кои веки они в Киеве встретились?!

И кафе случайно попалось приличное, хотя с фальшивой лепниной и позолотой, но всё благопристойно, с претензией на высший класс. Балдеева аж из Москвы приехала, она – поэт, хотя зваться поэтессой, несомненно, лучше.

– Девки, а давайте закажем что-нибудь покрепче да под закусочку! Куда нам спешить? А потом кофе побалуемся, – предложила она, деловито раскладывая вокруг свои сумки, как на бульварной скамейке.

– Я – за, если ты платишь. Ведь ты в «Хаятте» остановилась, – заулыбалась Громушкина и добавила: – Я «бехеровки» выпила бы.

Что возьмёшь с переводчицы? Низкопоклонница! Перед любым оригиналом, даже нестерпимо пустым. «Бехеровка»!

– Лариса, зачем тебе заграничное пойло? Самогонка самогонкой, буряками пахнет. Давайте закажем «Прикарпатский». Прелесть, а не коньяк! – зажмурилась Незванова, словно отпила уже глоточек вожделенного напитка.

Переубедить переводчицу трудно, всё равно что танк остановить на ходу. Однако мелочь ли – коньяк и «Бехеровка»?!

Лариса тут же вспомнила студенчество и рассказала историю о том, как некогда привезла из Риги бутылочку «Бехеровки» и как смаковали с подругами эту чешскую водочку, настоянную на травах.

– Девки, не надо спорить. Для Ларисы закажем «Бехеровку», она у нас из рубенсовских пышнотелых наяд, зато натура – утончённее итальянских мадонн. А мы с тобой, Ирка, коньячку выпьем. Тем более что для твоих голосовых связок он полезен, – миролюбиво рассудила москвичка.

– Я – тростиночка по сравнению с Ирой, – возмутился в Ларисе дух переводчика.

– Всё моё – со мной, – засмеялась Ира, – вон, Света Непейвода зависла на похудании по-тайски так, что без гирьки в сумке не выходит из дому. Ещё сдует ветром под забор!

Незванова – певица, ей внимание и коньяк в небольших дозах железно показаны, а если после концерта, как сейчас, то совсем святое дело. Впрочем, Ира ради подруг и на «Бехеровку» согласилась бы.

Подошла официантка, улыбчивая, из тех редких девчат, которые краснеть ещё не разучились. В деловой Москве таких девушек уже не встретишь, в отличие от Киева, где они не перевелись, и нипочём им экономический кризис, птичий или свиной грипп и мировые перетряски.

К выпивке стали обсуждать закуску.

– Не стесняйтесь, подруги. Сегодня пятница, можно расслабляться. Проголодались небось? Тем более ты, Ирка, на концерте закатывала колоратуру: голосовые связки надо расслабить. Заказывайте всё, что душе угодно. Я плачу, – великодушно царила Шура.

– А я сегодня даже не обедала, – пояснила Громушкина свою привязанность к «Бехеровке» из буряков. – Надо было закончить перевод монографии с русского на украинский. Над душой стояли два московских учёных. Я им говорю, мол, у вас по-русски плохо написано, а вы меня торопите...

Растечься по древу переводческой деятельности ей не удалось, равно стяжать сочувствие к своей персоне, восседающей меж двух стульев. Она всякое могла бы подумать! Но остановила её Незванова:

– Подожди, Лариса, со своими учёными переводами. Давай Шуру поспрашиваем, как она живёт. Ведь, считай, полгода не виделись. Новые стихи написала, Шура? Когда очередная книга выйдет?

– Не отвлекайтесь, девки. Сделаем заказ, а потом поговорим и о стихах, и о песнях, – старалась сплотить подружек Балдеева на почве их давнишнего ритуала.

Тут Ларисе и карты в руки. Она трижды перечитала меню, пока наконец не остановилась на блюде «Салат французский особый». И радостно воскликнула:

– На второе палтус хочу. Тоже приготовлено по-французски. «Ле Мурле» называется. Я помню, как раньше в столовке палтус подавали с рисом. Ещё в советское время. Время было хреновое, а палтус – что надо!

– Спасибо, перевела, – проворчала Незванова, но её никто не слышал.

Сделав заказ, Лариса с Шурой ударились в воспоминания. О старых делах, о новых делах. Об общих знакомых. Дружили они с незапамятных времён, и в этой дружбе всё было: буйные радости, молчаливые раздоры, незаметные примирения. Трудно себе представить дружбу столь разных женщин. Шура давно живёт в Москве. Успешная. Материально независима, как иногда пишут о таких в объявлениях службы знакомств. Довольно известная поэтесса в Москве, да и в Украине знают, благодаря замечательным переводам её поэзии с русского Ларисой Громушкиной. Песни на стихи Балдеевой звучат и в России, и в Украине.

Подруги просят, и Ира Незванова поёт песни весёлых подружек. Попробуй не спой! Со своей стороны, Шура – не свистулька, случается, устраивает концерты украинских исполнителей в России, даже в Китай выезжали несколько раз по кем-то из москвичей протоптанной тропе.

Как ещё, ежели не ревностно, относиться Ларисе к успехам Балдеевой на поприще словесности? Нет-нет, не завидует. Боже упаси! Лариса как поэтесса ставит себя выше Балдеевой, но... песенные успехи последней она относит не к её таланту, а к тому, что та богатая и со связями в высших кругах... Но никак не выше Шершмана! «Николай, что ты возишься с Балдеевой? Сколько можно на её стихи писать музыку?! У неё что ни стихотворение, то любовь. Она помешана на любви. «Давай сделаем песни об Украине, об офицерах», – не раз говаривала она композитору Шершману, но он только отшучивался и продолжал озвучивать балдеевские тексты. Видимо, Громушкина права: рыба ищет, где глубже, а Шершман – где слаще. А может, у этих шершманов есть свои пристрастия? Когда выпьет,

Николай любит пооткровенничать, но то, что на душе, не разболтает. Хи-и-трющий!

За что, сколько и чего бы ни пила Ира Незванова, всё равно сохранит голову трезвой, выделяясь в троице тем, что у неё нет никаких шершманов и никаких амбиций. Поёт, бесспорно, замечательно, и та публика, что разбирается в хорошей песне, её любит. Неконфликтная, уступчивая. Но не безгранично. Когда-то в молодости, при совдепах, на неё, начинающую солистку Киевского театра оперы и балета, положил глаз партийный мэтр и стал грубо и настойчиво добиваться взаимности. Она сумела дать достойный отпор и, жертвуя карьерой, ушла из театра. Впрочем, для своих подруг Ира что мать Тереза для индийских детей: любит их больше, чем себя, трезвенницу и праведницу.

Вот и сейчас она обеспокоилась:

– Шура, миленькая, пригласила бы ты Ларису в какую-нибудь Корею? Она так хочет, но стесняется попросить тебя. Я уже два раза была, а Лариса ни разу.

– В какую «какую-нибудь»? Есть у них Север, есть Юг... На Севере подарят портрет вождя, проезд и проживание за твой счёт. И как ты себе это представляешь? Ты поёшь, а Лариса – что? Стихи будет читать? За концерт платят тугрики. Японцы тоже люди – они песни хотят слушать, а не лирику.

– Корейцы, а не японцы.

– Какая разница? – откликнулась Лариса, покраснев. – Кто платит, тот и заказывает музыку.

«Вот это да! – подумала Шура. – Лариса ещё и краснеть может».

И сказала примирительно:

– Ладно, ладно... Я поговорю кое с кем. Может, и выгорит что-то в вашу пользу.

– Только не портрет вождя! – застолбила Ира условие.

Ну вот наконец-то воздух насыщается душистым запахом коньяка. Несут «Прикарпатский», «Бехеровку» и салаты. Ам-бра!

– Лариса, попробуй коньячку, запах божественный! – предложила Шура и зажмурилась.

Но Лариса крепка на руку – налила себе «Бехеровки» и, не отвечая, стала возмущаться мировыми порядками:

– Посмотрите, какой салат мне принесли! Обычный салат оливье, но выложен тремя маленькими лепёшками. Не иначе руками притаптывали. Вот тебе и «Французский особый». Дура я, дура, позарилась! По-французски?! Тоже мне! А что? Сами не знают.

– Надо брать что пробовала, а не по красивому названию, чтоб не получилось, как в том анекдоте, когда сельская девка, увидев на заборе в городе известное слово, полезла и юбку порвала. А за забором котлован со строителями, – не выдержала Ира. – Смеху было!

Перед ней красовалась огромная тарелка с зеленью, маленькими помидорчиками и сыром по-белорусски квадратиками. Издевательство! Будто от формы сыр стал как французский.

Голод не тётка, девчата пустили в дело вилки, не разбираясь, что пожаловал с барского плеча хозяин заведения. С горя как тут рюмкам не налиться самим? Не официантка же услужила!

Подняли рюмки за встречу, и Шура стала рассказывать о своём житье в Москве. И муж есть, и поклонников хоть отбавляй. И за границу ездит. Сама себе во всех лицах.

У Ирины в кармане брюк зазвонил мобильник. Лучше бы отключила его! Это муж доставал её, предлагая забрать на машине.

– Что ты! Не надо. Мы тут втроём сидим в кафе. Балдеева приехала, угощает.

Ира отключила телефон:

– Скаламбурил, чтоб не очень балдели с Балдеевой!

– Ревнует... Вот и отслеживает Незванову. Ещё не притронулись к «Ле Мурле», а уже греби, Ируня, домой, – съехидничала Лариса.

– Твоя правда, Лорик, – не осталась в долгу Ира. – Однажды после концерта пришла под утро, так кастрюлю борща на пол вылил и до тебя добраться грозился. Пока не зацеловала, не успокоился. Вообще мой муж – вне критики, раньше в театре играл ангелов любви с крылышками – смешной и святой...

– В одном лице? – изумилась Шура.

– А тебе сколько надо?

Укрощённая Балдеева перевела стрелки:

– У нас, девки, фамилии знатные. Вот взять Громушкину. Гремит, да не очень. Не гордо звучит, а как-то несерьёзно. Хотя, Лариса, ты серьёзная и вон какая видная!

И опять молоденькая улыбчивая официантка с подносом: на одной тарелке кусок поджаренного мяса, присыпанного золотистым лучком, телячья вырезка – для Иры, на другой – киевская котлета для Шуры. Проза дня. Зато блюдо Ларисы поражало красотой: башенка из овощей, приплюснутая сверху ломтиком отварной рыбы с синевой.

– Это что? Палтус? – у Ларисы выкатились от негодования глаза.

– Да, палтус по-французски! «Ле Мурле». Как заказывали.

– Девки, давайте выпьем за нашу многолетнюю дружбу! Коньяк главнее палтуса и вообще вспомнит, нам, татарам, всё равно, – сказала Балдеева, пытаясь разрядить обстановку.

Снова выпили, закусили по-французски тем, что принесли.

Потом телефон у Громушкиной всколыхнул владелицу, и она подробно и долго отвечала кому-то, улыбаясь в трубку. Этот кто-то звонил несколько раз, и Лариса от удовольствия беседы с ним даже зарделась. Официантка подобралась незаметно, не поднимая глаз, чтоб подхватить опустевшую тарелку. Вдруг Лариса, погасив улыбку на лице, оторвалась от телефонной трубки и отрывисто бросила ей по-украински:

– Ваша рыба поган-н-а!

Официантка застыла в растерянной и виноватой позе, а Лариса, вернув своему лицу прежнюю радость, попрощалась в трубку: «До побачення, шановный Леонид Петровыч. До зу- стричи!»

– Чого ця рыба погана? – спросила официантка. – А якщо палтус поганый, то чому ты його и'ила?

Обескураженная официантка ушла, а подруги долго не успокаивались, обсуждая неожиданный инцидент. Уступчивая Ира не выдержала:

– Лариса, как ты можешь так говорить?! Это был палтус по-французски! А ты помнишь палтус по-советски? Из студенческой столовки? Я тоже его помню: жареный лапоть с коричневой коркой. Тебе подали европейское блюдо, которое твоё нутро, твой желудок не понимает из-за духа противоречия. Подумай: ты приехала к корейцу, а в тебе этого самого духа под завязку...

– За портретом поеду. И они потерпят мой дух, пока не уеду домой.

– На фига нам, славянам, всякое «Ле Мурле»?

– Сама заказала!

– Бардак! Один жарит лапоть, другой в сыром виде ядовитую рыбу, суши тебе впаривает. За кого они держат нас?

И пошло-поехало. К концу девичника подруг разнесло вдрызг: от палтуса – к политике. Газ, Украина, Евросоюз, НАТО, Россия. Кто Гоголь? Русский или украинский писатель? Громушкина, по крови русская, но родившаяся в Украине, нападала на Россию. Балдеева обвиняла её чёрт знает в чём. Незванова пробовала их примирить:

– Вы что, девки, чокнулись? Из-за какого-то французского палтуса? Да пропади пропадом поганый Ле Мурле вместе с их суши. Будем жить вместе, горилку пить и салом закусывать...

Было не до смеха, поскольку её уже никто не слышал. И Лариса воспарила, принявшись нудно рассуждать о поэзии настоящей, если поэт пишет на языке своего народа, и безродной, если поэт – козёл. Тогда Балдеева, как подлинная анархистка, бросила бомбу: «Русский язык – язык украинского народа!» Бомба не взорвалась – онемевшую паузу рванул взрыв хохота.

В это время к столу подступился человек неопределённого возраста, с виду плюгавенький, и поставил на стол бутылку шампанского «Советское», объявив необыкновенно звонким голосом:

– От хозяина заведения! Из старых запасов! Компенсация за «Ле Мурле»! Виноват, повариха из Винницы, только что с курсов... Виноват.

– Ой, спасибо! – заулыбалась Лариса. – Так и вы к нам...

Но хозяина след простыл.

В крепком подпитии, толкаясь, пища и визжа, подружки вылезли из подвала и направились к Крещатику.

Солнце скатывалось за дома, раскидистые кудри цветущих каштанов млели в сумерках, подобно космическим существам с гирляндами бесчисленных свечек. Фантастичная красота разливалась по улицам, площадям, перекрёсткам и тротуарам древнерусского города, поглощая всё сиюминутное, мелкое и ненужное: споры в кафе, распри, сор, брошенный мимо урны, скрип тормозов, рёв моторов.

Подхватив друг дружку под руки, весёлый ансамбль на прощанье тянул удалую песню, в которой был вечер, любовь и утро похмелья.

Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

Ночной сонет

Георгий Сергеевич живёт в мире прекрасных романтичных отношений прошлых столетий, музыки Бетховена, Шопена, Брамса и всех-всех – от Алябьева до Рахманинова. Творчество прошлого – это да, а нынешних художников, поэтов и прозаиков – это тьма сущая, чурайся её, не чурайся. Недаром он руководит фондом «Частное наследие России», разглаживая кое-что кое у кого.

В проёме между окон – портрет известной романсовой примадонны, красавицы Елены Фиалковской, певицы с божьим даром, – её подарок, и со значением. А вот кто художник? Терра инкогнита.

На вопрос Георгия Сергеевича Елена с подкупающей скромностью ответила: «Вы его не знаете».

Он, толкователь искусства и сердцеед, не стал настаивать, воспринял кокетство Елены как знак внимания, как надежду на то, что, может быть, между ними проскочила та невидимая искра, которая окрашивает отношения мужчины и женщины невидимым цветом радости и тайных переживаний. Или, наоборот, проскочила и ушла в землю, чьё притяжение сильнее душевных порывов Георгия Сергеевича. Чудно? Да. Но чудо чуду – рознь.

Георгия Сергеевича посетил гость из молодости, не испорченной московским романтизмом, – художник Стрехов. Хорошо беседовать вдвоём в окружении полотен и скульптур! Под сухое красное винцо, домашний квас и блины с икрой почти такой же красной тональности. Георгий Сергеевич, радуясь гостю, много говорил, пытаясь вызвать отклик своим неувядающим чувствам... Но художник знал цену слов, мягко улыбался, вклиниваясь иногда с короткими суждениями, призванными поставить его на одну доску с хозяином.

Окинув в очередной раз испытующим взглядом портрет великолепной примадонны, Георгий Сергеевич обратился к гостю:

– Ну что же, сударь, подымем бокалы за красоту, сотворённую природой. Знакома вам сия модель? Вы – художник, портретист, отлично понимаете, такой голос, как у Елены Фиалковской, не для концертных залов и, конечно, не для стадионов. Её пением надо наслаждаться в салонах, где каждая нота, каждое слово звучит отчётливо, где шёпот громче рок-фестиваля на лесной поляне.

– Так-то так, но слова должны быть искренними.

– Тут вы правы. Э-э-э... Фиалковская поёт сейчас романс на слова Степана Мирова. Пронзительная лирика. Совпало: и музыка, и голос, и жанр, вливающийся в нашу культуру из вечности... Степан Миров! Шутка ли? – сорвалось с языка у Георгия Сергеевича. Что значит тактика ведения беседы! Разве скажешь, что он, академик Российской академии наук и искусств, вдохновлённый красавицей, сам сочинил текст, похожий на романс.

Гость сник. Что Миров для него – пустое место, что хозяин ему – толкователь искусства.

– А кто её слышит? Концертов нет. И кто знает стихи Мирова? – не заметив замешательства хозяина, продолжил гость.

– Да, что поделаешь? Элитарное искусство. И Пушкина при жизни мало кто знал. Миров через сто лет будет известен больше, чем все щелкопёры и попугаи попсы... Как, например, балерина Настенька Крылова.

– Допускаю, но при жизни важно заявить о себе, Георгий Сергеевич, а вот каким макаром – дело таланта.

– Э-э-э... Нет! Нет и ещё раз нет! Кому нужна такая популярность? – и он назвал имя бульварного стихоплёта, чьи песни разлетаются «под мухой», словно из бутылочного горлышка, у множества звёздных заводил. – Звучат не песни, а пошленькие тексты... И этот товарец время смоет в канализацию.

– Народ-то слушает...

– Народ под водочку любит затянуть «Любо, братцы, любо...» и без слёз слушает «Дубинушку», а на ваши выставки пряником не заманишь. Народу подавай целованье двух голубков... – Георгий Сергеевич задумался, глаза померкли. – Хотя происходят иногда очень странные вещи. Я знал Рыжего, когда учился в Ленинградском университете...

– Какого рыжего?

– Рыжего с заглавной буквы, – и Георгий Сергеевич назвал имя из святцев андеграунда шестидесятых. – Он приходил на филологический факультет, и я туда любил ходить... Оказался потом малым с недурным вкусом. Поцеловал его ангел в темечко. Ух, поцеловал! Но не очень грамотным был, как все шестидесятники. Восемь классов! Восемь, даже в ПТУ не двинул. Из-за математики. Не давалась она ему! Наука, сами знаете, человека берёт в молодости. Не доучился – и всё. Баста! С Рыжим, увы, случилось по-другому – стал знаменит в сём мире подлунном.

– Как же так?

– Политика... Хотя есть, есть у него гениальные вещи. Тогда я никак не мог предположить, что он вынырнет из нашего болота. Тихим был. Я его опекал и как-то спросил: «Чего ради ходишь сюда? В диспутах не участвуешь. Ни с кем не говоришь, кроме меня». – «А ты чего ради?» – «Из-за девчат. Здесь девчат много красивых, а парней мало. Я и выступать люблю, чтоб девчатам понравиться».

Георгий Сергеевич засмеялся.

– Что важно, он и не пытался к девчатам подойти. Вечно сопливым был. Я как-то ему платок дал, чтоб сопли вытер. Не обижался, видно, чувствовал моё сердце.

Даже стихотворение подарил и подписал. У меня и сейчас его автограф хранится.

– А стихи? Читаете?

– Прочитал, конечно, всё. Все шесть томов имею, включая прозу. Проза слабоватая. Публицистика тягучая. Да и в стихах лирики нет. На ум воздействует, на душу – нет. И знаете почему? Я подозреваю, что он женщин не любил. По крайней мере, ни в его поэзии, ни в прозе я не нашёл ни имени любимой, ни восторга перед женщиной. А без любви к женщине откуда настоящая любовная лирика возьмётся?

– Не боитесь, что заклюют вас апологеты?

– Что вы?! Не смею обвинять. Я только сказал: не нашёл следов любимой женщины в его экзерциях. Публично не заявлял и не пишу, зачем? Ни живым, ни мёртвым не нужно. Монстр политики оседлал нас. Кое-кто хотел бы Рыжего в один ряд с Пушкиным поставить. Вот величайшая нелепость! Пусть он на своём заслуженном пьедестале остаётся.

И Георгий Сергеевич поднял бокал, полный грёз красного цвета.

– А не выпить ли нам за любовь? Не оригинальный, зато всегда свежий тост. Любовь – это всё. Посмотрите на меня. Кто поверит, что я увлекаюсь, могу влюбляться? А вот посмотрю в большие, широко распахнутые глаза Фиалковской, улыбнётся она при встрече, а мне кажется...

– Креститься надо, сударь, на Елену.

Выпили и закусили.

– Вспомните Тютчева! Пример любви нескончаемой. Любовь искренняя и всепоглощающая. И неважно, сколько было женщин, кого больше любил, кого меньше. Кто поймёт? Кто рассудит? Подождите, я сейчас... – хозяин вскочил из-за стола, выбежал в прихожую. – Вот вам! – положил перед гостем довольно потёртый диск с записями. – Давайте, друг мой, послушаем романс на стихи Мирова, исполняет Фиалковская, и музыка её. Не против?

Он с надеждой посмотрел на унылого подмалёвщика своих чувств.

– Что вы? Конечно!

– Миров посвятил свой сонет догадываетесь кому?

И солнце медленно уходит на закат,
И где-то тихо музыка играет,
Багрянцем дышит наш осенний сад...

Голос Фиалковской, волшебство её обволакивающего сопрано, угасанье осени и весенних цветов, весь набор реквизитов позапрошлого века вели рассказ о невозвратном. Ироническая улыбчивость, желание похлопать собеседника панибратски по плечу улетучились. Неподдельная грусть в глазах тянула паузу, обращая её в молчание.

Почти шёпотом Георгий Сергеевич признался:

– Обычные слова. Просто вроде бы. А как цепляет! И голос певицы... Акценты, интонация, игра голосом и что-то ещё неуловимое. Не объяснишь, а душу выворачивает наизнанку...

– «И солнце медленно уходит на закат...» – повторил строку ночной гость. Его взгляд застыл на портрете, вмещённом в раму с витиеватой лепниной.

Неожиданно, словно ошпаренный, сорвался:

– Поеду домой. Полпервого ночи. Засиделись!

Его сосредоточенность усилилась от вина, щёки побледнели, а мягкая седина оттеняла лицо непокорством судьбе.

Желая уяснить склад художника, стремясь проникнуть в потаённую глубину его натуры, Георгий Сергеевич понял: что-то получилось не так. Не всегда исповедник равен мастеру, чья палитра малоизвестна людям. Разумеется, певица Фиалковская совершенно ни при

чём, и романс на его собственные стихи не хорош и не плох – он призван был или сблизить его с художником, или развести. «Без внутренней убеждённости, – думал Георгий Сергеевич, – я не включу живопись Стрехова в галерею «Частное наследие России». Где же зарыта в нём искра божья? Скажи я, что романс Фиалковской на мои слова, стал бы Стрехов исповедоваться? Вряд ли! Но вот неудача: романс не произвёл никакого впечатления на него! Хотя... оглядел портрет и убежал внезапно».

Волей-неволей придётся дожидаться выставки художника Стрехова в его союзе, пересекаться там с мастерами, чьи картины попадали на острое перо критики; не хотелось бы выглядеть чужестранцем при стечении толпы поклонников Стрехова.

Усталый взор Георгия Сергеевича вновь и вновь подымался к портрету Фиалковской, при этом он не мог избавиться от мыслей о Стрехове с его какой-то необъяснимой тоской то ли о несбывшемся земном, то ли о недосягаемом небесном. Из тёмного проёма Фиалковская не глядела ему в глаза, её взгляд простирался поверх зрителя, над всем земным мелководьем. «Да и со сцены она не видит зал, – ответил на свои недомолвки Георгий Сергеевич, – она не смотрит поклонникам в глаза... Странно! Она – сама в себе, но неужели я привязан к ней? Любовь ли это?»

Прошло не меньше недели после ночного разговора. Атмосферу тягостного затишья всколыхнула сама Елена Фиалковская звонком словно с края света:

– Георгий Сергеевич, вы давно знаете Илью? – вопросила она из неведомой атмосферы удушья.

– Художника Стрехова? Меньше года. На выставке познакомился с ним. Был у меня в гостях. Как-то странно раскланялся, ушёл опечаленным. Живопись у него замечательная, большой мастер. Я включу в проспект галереи, – подчиняясь её магии, сыпал обещаниями Георгий Сергеевич.

– Илья был моим мужем, – прервала его Фиалковская. – Мы развелись. Так случилось! Пять лет назад, – чеканила она, горячо убеждая в своей правоте.

– Вот это да!

– Не знаю, как и сказать. Приехал, что-то путано говорил о моём портрете, который я вам подарила. Сказал, что скоро примет какое-то важное решение. Не знаете, о чём речь?

Георгий Сергеевич снял портрет, на его обратной стороне никаких надписей не было. Не оттого ли Стрехов не пожелал говорить о творческих исканиях? Да, не пожелал. Он увидел портрет любимой женщины своей кисти – образ, который любил некто другой, возможно, они близки... «Бог ты мой! Какой я профан!» – переживала часть души Георгия Сергеевича, а другая часть торжествовала над ревнивым художником.

Опять вспомнился Рыжий, судя по всему, живший без любви. Так ли уж? Он посмотрел мистическим взглядом на давнего знакомца и понял: без любви он не написал бы ни одной строчки. Рыжий не раздаривал её, не изображал, не возглашал; её невосполнимая энергия преображала сей мир для любви явленной, чтоб легче и виднее обнаруживали в нём себя любящие сердца. Настал день, когда образ Фиалковской увиделся иным, чем на полотнах Стрехова, явился перед ним, словно привидение или ночная просительница за Стрехова... Неужели она любит его? Любовь уходит и приходит, но сколько магнетизма в её голосе!

У Георгия Сергеевича через мгновенье, словно из подвалов, взялась мысль: «Мой «Ночной сонет» – только черновик, ибо я остерегался полюбить Фиалковскую. Я перепишу всё начисто. Это будет новая поэзия «старца в калошах» с учётом опыта Тютчева. Я же не какой-нибудь Миров, пять раз читавший Фиалковской один и тот же текст! Разумеется, она возненавидела его стихи, самого Мирова, и впридачу половину челове-

чества! Но уход Стрехова всё перевернул, поставил на пьедестал возвышенного... Неужели я люблю Елену? И примет ли она «Ночной сонет» с иным чувством в её честь и о ней?»

Из Союза художников за Стрехова попросили, и от фонда его живописью занялся эксперт помоложе: разглядел картины в интернете, тяп-ляп – и резюме на блюдечке! Возможно, этакое неуважение или что-то другое, но скоро Георгию Сергеевичу снова позвонила Фиалковская:

– А вы слыхали, мой Стрехов ещё раз приезжал ко мне. Вечно тоскливый, попрощался, как поётся: «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай!..» Только сегодня докатилось до меня от знающих его близко – в монастырь постригся... Как вам это? А?

– Замечательно, – одобрил академик, не отдавая себе отчёта – кого и что, певицу или свою любовь.

– Ваш «Ночной сонет» – тот, что новый, лучше первого. Спасибо вам.

– И только? – пошутил с надеждой в душе Георгий Сергеевич.

– Не хотите мой портрет подарить фонду «Частное наследие России»? Было бы хорошо его присоединить к другим портретам Стрехова, выставляемым фондом.

«Что это? Сумасбродство, причуда, романтизм последней генерации или его полное фиаско?»

Георгий Сергеевич занемог, улёгся в постель и стал отлеживаться в ожидании золотого века в живописи, музыке и ещё в неких сферах, сопричастных божествам.

Открылась для обозрения галерея «Частное наследие России». Неудачливый Степан Миров бродил по её паркетам, всматриваясь в стреховские картины, оставленные им в подарок музею. Фиалковская, везде Фиалковская...

Вот она молоденькая, в коротком белом платьице в чёрный горошек, улыбающаяся и счастливая. Огромные голубые глаза и разбег берёзок с заднего плана – вдаль, за горизонт, а вот девчонка, обласканная солнцем, распахнула свои объятья морской волне. Ну а за роялем – совсем другой страсти лицо – одухотворённо-возвышенный артистизм! Необычайно эффектная зрелая женщина с печальными глазами, в строгом костюме, в концертном платье...

«Что ей мои успехи? – думал он. – Что мне её печали? Игра в чувства, или у неё искреннее сожаление о несостоявшейся любви? Неужели кому-то непонятно, что Стрехов, женившись на Фиалковской – студентке консерватории, – должно быть, очень её любил, будучи лет на двадцать пять старше. Сущий пустяк, когда есть любовь. Игра теней с образом певицы, поэтический ореол и всё вместе взятое? Утратился один элемент – и жизнь мертва, как химия. Не по этой ли причине мои романсы чужды ей? Я должен был вскружить ей голову в ряду поклонников? Мне в башне чистого искусства лучше, чем ей исполнять сомнительного толка романсы».

Выйдя из навощённых до блеска музейных палат, Миров тут же вынул из кармана мобильник. Позвонить Елене? Не глупо ли? Не он, поэт, а художник Стрехов показал, какова она. Художник приоткрыл дверь к творчеству для других, если им удастся покорить сердце певицы, а рука Мирова ставила точки, а не запятые...

Георгий Сергеевич поздним вечером принимал в своём знаменитом на всю Москву кабинете другого известного художника, творчество которого вызывает споры и неприятие со стороны многих собратьев по кисти. Может, потому, что успешен и богат? Или потому, что поверхностен? Кто знает? И кто рассудит? На сей раз хозяин и гость увлечённо беседовали в окружении благородных лиц, безмолвно наблюдавших за ними с портретов.

Георгий Сергеевич чувствовал себя великолепно.

Когда мир счастлив!

(Из дневника)

1

Эта история стала мне известна непосредственно от героев моего рассказа. Случилось так, что, будучи проездом в маленьком украинском городке Остроге, я увидел кафе с красочной вывеской «Мелодия любви». «Ого-го, – иронично подумал я, – название с большой претензией, особенно если в кафе подают котлеты с картошкой да под тёплую горилку». Время подошло к обеду, и я решил: а почему бы не перекусить? Но ни котлет, ни борща, ни тем более водки или пива в кафе не было. Стоял запах добротного молотого и правильно сваренного кофе, а на витрине – торты, пирожные, мороженое...

Звучала ненавязчивая музыка... «Don't worry, be happy», – призывал меня знакомый голос певца, которого я не так давно видел живьём на концерте в Лондоне.

Микроскопический зал на пять столиков, живые цветы в керамических маленьких вазах, картины на стенах...

Всё это подкупало, не хотелось уходить, и я остался. Там я и познакомился с хозяйкой заведения, пани Лидой, улыбающейся и ослепительно красивой молодой женщиной. Чуть позже подошёл её друг, Влад Разумов, лет на двадцать старше, стройный и улыбчивый.

Я решил остаться в Остроге на некоторое время из-за моих новых друзей, поскольку они показались настолько интересными, что не мог не утолить писательское любопытство. Хочу теперь поделиться услышанной от Лиды историей непростой любви юной девушки и женатого мужчины. Пусть читатель меня простит, если я скромный рассказ пани Лиды изложил по-своему, домысливая недосказанное или утаённое ею.

Глаза слипались, и Влад Разумов сбросил газ, выруливая к обочине. Вышел и осмотрелся. Живописные места Тернопольщины... Едешь часами, и глазу привольно. Селенье к селенью, очень много храмов. Вдалеке, на горе, показалась полуразрушенная временем старинная крепость. Ей, наверно, более тысячи лет! Сколько таких крепостей в здешних местах?! Пока ехал из Львова, попытался пересчитать, оказалось, больше десятка. Большинство из них стоят без хозяйского присмотра, некоторые полуразрушены временем и войнами. Восстановят ли их? И нужно ли? А Кременецкая крепость, что расположена в родном городке на высокой горе! В 1240 году татары не смогли взять её приступом. Седая старина! Древняя история! Кажется, всё уже известно о тех далёких временах... Ан нет... Вновь и вновь встречаются открытия. Ему ли не знать, художнику и бизнесмену! По дороге в Острог, недалеко от села Долочье – приметный курган. А вдруг в том кургане древнее захоронение? А может, сторожевой пост казаков располагался там, охраняя землю от татар?

На возке, запряжённом чалой лошадкой, навстречу дед в картузе набекрень. Поравнявшись с Владом, дед приподнял картуз и слегка склонил голову:

– Добрый день! Допомогы не треба?

– Добрый день. Ни, дякую. Отдохну и поеду дальше.

– Нехай вам счастыть...

Усталость как рукой сняло. Пара добрых слов от незнакомого человека – и хочется дальше ехать, летать, петь.

С утра он встал очень рано и за день многое успел: побывал во Львове, согласовал с партнёром целый воз

и маленькую тележку вопросов и вопросиков, ведь открывает художественную мастерскую, какой тут ещё и не бывало. Где бы он ни путешествовал, его всегда тянуло назад, в город его детства – Кременец... Ну а город юности Львов тоже влёк в поэтическую дымку старины. Как можно забыть узкие брусчатые улочки, помнящие шаги Ивана Фёдорова, Богдана Хмельницкого, Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки? Львов – материя его души, в ней эхо неизбывного сопрано Соломеи Крушельницкой. Католические и православные храмы Влад, будучи студентом, переносил на ватман для туристов: доминиканский костёл, построенный в стиле барокко, православный храм Успения Пресвятой Богородицы, а также многие другие памятники старины, которые любят и помнят как святыни.

Род Разумовых начинался в далёких веках противоборства казачества и шляхты. Один из предков, купец, в давние времена обручился с голосистой красавицей из Кременца и остался навсегда среди красот этих мест. Так повелось, что все Разумовы по мужской линии какое-то время в юности обязательно проживали во Львове, прежде чем устроить свою судьбу наверняка.

И Влад здесь, во Львове, встретил свою любовь. Правда, женился он позже на девушке из Кременца и жить остался в милом сердцу городке. Построил себе дом рядом с родительским. Двадцать лет с женой, сын и дочь... Младшая, Мария, умница из умниц: на аккордеоне играет, в английском и польском языках – дока. Да и сын, Панас, при деле своём. И с женой повезло: настоящая хозяйка.

Но вот и Кременец! Автобусная остановка и кучка людей, ждущих рейса. Поднялись руки, прося подвезти. Влад проскочил площадку, но в последний момент заметил тоненькую девичью фигурку, стоявшую отдельно.

– Вам куда? – открыв дверцу, окликнул девушку.

– В Острог.

– Вы шутите? Шесть часов вечера! Какой Острог? Сто километров.

Девушка ослепила его улыбкой, Влад на миг стушевался: эка штучка! Нет так нет. «Штучка» хлопнула дверцей, скорость включилась машинально. Однако, проехав несколько секунд, он притормозил: «Надо же! Вот это девушка! Такие на дороге не стоят. Эх, почему я не юный и красивый?» Внезапно возникла тревожная мысль: «А ведь я её больше никогда не увижу!»

И Влад дал задний ход. Девушка открыла дверцу сама:

– Передумали? Повезёте нас?

– Кого везти? Вас сколько?

– Я, подружка и её парень.

– Если хотите, я подвезу к городу Шумску. Может, успеете на последний автобус до Острога.

Лида, так звали девушку, села рядом с ним – на переднее сиденье. Кто как бы ни шутил, а для него, устойчивого мужа и отца, солнце засветило по-другому, чем раньше: ярче и веселее. И птицы стали петь по-иному: голосистее и звонче. И мир стал другим: красочным и почему-то добрым. А ведь ни о чём таком в пути не говорили, с чего бы появился повод надеяться на её симпатию? У него даже мыслей таких не было. Но что-то стало с ним происходить, и, несмотря на усталость, он довёз девчат до Острога. Высаживая Лиду у дома, на всякий случай брякнул:

– Кременец – маленький городок. Может, ещё удастся свидеться?

– Заходите в гости в институт, – ответила она, почувствовав необычность происходящего.

Всё было ясно: её слова – не приглашение на свиданье, а вежливый, уклончивый ответ не искушённой в завихрениях молодости девицы.

Через неделю, в субботу, рассчитав время, он ждал Лиду около института. И она вышла, смущённая, неуверенная, с той же улыбкой, обольстившей его на подвиг совместной поездки во Львов, как место, освящённое его чувствами. Взявшись за руки, они часами могли гулять и наперебой рассказывать друг дружке разные истории. Как один день пролетели четыре зимы и столько же лет этой странноватой и незамутнённой дружбы. Он сам себе не верил: что с ним происходит? Нет, от маленькой, младшенькой, Марии, уйти он не сможет. Такова азбука жизни. Что он скажет жене, Каролине? Впрочем, до жены дошли какие-то слухи. Разве в тихом, патриархальном Кременце что-то скроешь? Каждый здесь на виду, а особенно он, успешный бизнесмен. Однако жена помалкивала... Отсутствие близости всегда можно объяснить какими-то причинами, можно и не объяснять – что с того? А с Лидой отношения невинны, чисты и свежи, как зимний воздух.

И всё-таки мир изменялся. Как будто незримая воля вела Влада по стезе непростой жизни: всё удавалось, всё получалось. Он стал пугаться своей удачливости. Купил участок земли в центре Кременца с развалинами старинного дома, и когда стали раскапывать, очищать от мусора, обнаружили подвал, фундамент из камня в два метра шириной. Отличный винный погреб был когда-то! Тут же явилась идея построить современную гостиницу над подвалом и собрать в ней коллекцию лучших европейских вин.

Началась стройка, вырисовываются контуры будущей гостиницы, в которой туристы обязательно станут останавливаться, особенно поляки, чьи предки жили некогда в Кременце, в его окрестностях остались их могилки. Да и рядом проходит улица знаменитого польского поэта Юлиуса Словацкого, чьё детство порхало в интерьере Кременца. Разве не о нём проникновенные строки поэта:

Когда в стране ты будешь, сердцу милой,
Где катит Иква волны с нежной силой,
Где горы тают в сини небосклона,
И где слышны серебряные звоны,
И где цветы лугов, сродни загадке,
Бегут по склонам к городской брусчатке,
И если ты, душа моя, там будешь, –
Мою печаль ты вспомнишь непременно.

Взошла и блещет в небе Кременца новая звезда. Это его любовь к писаной красавице, сошедшей из галереи древних образов в кипяток жизни, и пока светит эта звезда, удача его не оставит.

Он выехал в Острог в отличном настроении. Скоро увидит Лидию, она окончила институт, музыкально образованна, её душа улыбчива и сияет, подобно небесной сестре. Лидия – бандуристка, поёт замечательно. Останется в школе преподавать пение. У него же другие прожекты для неё: она – хозяйка музыкального салона при его гостинице в Кременце! От прозрения лицо вспыхнуло: «Нельзя в Кременце ей оставаться. Каролина как бы чего не выкинула, давно косится. Да и дочь, Марийка, не поймёт».

И мысли потекли к коммерции. Художественная мастерская соединила в деловой узел многих самобытных мастеров. Слава львовского стекла, керамики, резьбы по дереву, живописцев, кузнецов разлеталась по свету, не думая, не гадая, где её животворящий источник, в чём, каков он в своих духовных материях.

К сожалению, на следующий день мне пришлось, не дослушав историю, срочно уехать в Киев. Расставался я с новыми друзьями, лелея надежду, что обязательно вернусь в это милое кафе, в этот оазис любви, где звучат её мелодии.

Спустя какое-то время я опять за рулём своей машины ехал в Острог. На въезде в город в машину

подсела миловидная женщина, моего же возраста, с коробками.

– Ой, спасибо вам, добрый человек. А я уже вся на пределе. Торты – товар деликатный, а автобуса нет и нет. А мне их надо в палатку сдать по договору к обеду, – тараторила пассажирка.

– Вы кто – кондитер?

– И не говорите. Кондитер я, кондитер... Пять лет в венском кафе «Аида» пекла различные пирожные да штрудели...

– Вот это да! А в Остроге как оказались?

– Так я же местная. Ольгой меня кличут. Приехала в отпуск и замуж вышла за нашего, местного. А в Вене была за австрийцем... Развелась с ним. Здесь у меня любовь поздняя случилась... А торты продолжаю печь да продавать.

Само провидение послало Ольгу с её историей любви и умением печь отличные торты. Я только рассказал Владу, где высадил рукодельницу. Влад взбодрился, встрепенулся, словно мой рассказ надоумил его, как жить дальше. Впоследствии Влад рассказал, как история кондитера Ольги, бросившей ради любви мужа в благополучной Вене, повлияла на его дальнейшую жизнь.

«Надо сделать Лидии предложение! Ей-то надо устраивать жизнь, а я – ни то ни сё...» – пронзила Влада мысль. История кондитера Ольги подстегнула.

– Миленький, нельзя тебе сейчас разводиться, пока твоя Марийка в школу ходит. Давай ничего не будем менять, будем вместе, но оставайся в семье. Придёт время, и, если захочешь, мы поженимся.

– Да как же так?.. Как же ты? Как твои родители к этому отнесутся? – он удивлялся и восторгался.

Мир стал другим... Лирическим и безмерно добрым. И Влад Разумов шагнул в него. Не зря говорят, что подобное к подобному тянется. Встретились две родственные души и изменили мир и его время с точного на беспечное. Я думаю, они выпали из него, так как стали меняться даже внешне: Влад сделался стройнее и моложе, а Лидия превратилась в изысканную даму, но с той же ослепительной улыбкой, которая поманила в неизвестность его когда-то, на ту их первоначальную встречу. Они вместе, а остальное не имеет значения.

Прошло пять лет, как я впервые встретился с Владом и Лидией в их кафе «Мелодия любви». Жизнь закрутила, завертела меня по белу свету. Разными делами приходилось заниматься, порой довольно рискованными: разведением рыб редких пород на Сахалине, установкой ветряных электростанций на Кавказе, пчеловодством в Башкирии... И много другого было как в России, так и в разных странах. Со временем я усвоил простую истину: где любовь или бизнес, там бывают не только партнёры, но и враги. Где любовь, там вероятны разочарования. Где бизнес, там возможны ненависть, предательство, жадность...

Я устал от бизнеса. Мне захотелось пожить свободным художником и видеть жизнь в тех красках, в каких она мне нравится больше всего. Какие-то деньги у меня остались, и я стал путешествовать из одного места в другое, не обживая новые места и нигде не задерживаясь надолго. Оказалось, что в мире столько красоты и удивительных мест, что, пожалуй, и десяти жизней не хватит, чтоб побывать везде, где мне хотелось бы. Я сплавлялся по рекам Восточной Сибири, Дальнего Востока.

Что за чудо на ранней зорьке мчаться на моторной лодке по полноводной реке и ловить на блесну тайменя! И если тебе выпадет удача и огромная, сильная рыба попадётся, то пройдёт ещё немало времени, пока ты втащишь её в лодку. Долгие минуты борьбы, когда ты подтягиваешь рыбину ближе, а затем отпускаешь её, и так до тех пор, пока она не обессилеет. Но зато сколько

радости обняться перед фотокамерой с рыбиной, которая по размеру в человеческий рост! Щелчок камеры – и таймень на воле. А на уху и мелкой рыбёшки хватит.

Дальневосточного лосося мы делили с бурыми медведями, которые по берегам девственных рек деловито, не обращая внимания на нас в лодке, шлёпали лапами по воде, глуша рыбу и выбрасывая на берег.

Мне посчастливилось подниматься в горы Южной Кореи и стоять рядом с огромной статуей тысячелетнего Будды.

Светило закатное солнце. Вершина горы с обратной, солнечной стороны вонзилась в голубое, родниковой чистоты небо. Мне сказали, что там, на вершине, находится древняя статуя Будды. «Как возможно туда подняться?» – подумал я. Но всё было проще простого: над огромной пропастью ввысь тянулся подвесной вагончик. Древние камнетёсы поднимались по горным тропинкам с грузом строительных заготовок за спиной.

И вот мы, словно пигмеи, внизу, у огромного Будды. Я, задрав голову, смотрю ему в лицо. И он посмотрел на меня! Снизошёл! Увидел! По крайней мере, я почувствовал его волю. И явилось неодолимое желание пасть на колени и молить о пощаде. Потом я делился своими впечатлениями со знакомым английским пастором, и он подтвердил мои ощущения страха и преклонения перед невозмутимым и величественным Буддой.

В снежном январе я попал на остров Хонсю, невдалеке от старинной столицы Японии Киото. Там, в маленьком селении, на горячих источниках стоит гостиница с открытыми купальнями. Как чудно плавать в горячих водах источника посреди чистых, девственных снегов! А после – обязательная чайная церемония.

Какое удовольствие наблюдать, как маленькая и красивая японка готовит зелёный чай! Эти медленные, выверенные движения рук женщины в кимоно; широкие рукава наряда, делающие руки похожими на крылья диковинной птицы, которая порхает над вами, и непонятно, что приключится далее!

По бамбуковым трубам струится чистая ручейная вода в деревянные ковшики, медные кувшины, маленькие фарфоровые чашечки... Магия древнего обычая чаепития под крылами волшебства. Я тайно влюбился в Эмико, маленькую, словно фарфоровая статуя, гейшу, которая на приёме, устроенном моим давним японским другом, богатым человеком, сидела рядом со мной и развлекала меня. Развлекать мужчину, артистично помогать ему во время еды – ещё не весь запас лицедейства скромной гейши. В отличие от других гейш, Эмико изъяснялась по-английски. Я поражался её умению тонко и почтительно вести разговор, умению играть на старинном японском инструменте – трёхструнном сямисэн. Её лицо, набелённое, словно маска, казалось недвижным, но глаза, её глаза, огромные и раскосые, потупленные в уважительном почтении к гостю, вдруг вспыхивали необыкновенным огнём, когда она внезапно подымала их на меня.

Эмико в тот вечер несколько раз пела, танцевала. Гармония медленных движений тонкой фигурки в кимоно, расписанном огромными цветами на фоне белых и нежно-синих тонов, гортанный звук слегка протяжной старинной народной песни, взгляд печальных глаз, устремлённых в другой, неведомый мне мир... Что за магия японской песни в исполнении красавицы-гейши?! Мне подсказали, что звучит песня невесты моряка, не вернувшегося с моря.

В этой гостинице я задержался на целых семь дней и уже готов был остаться там на всю жизнь, если бы не был приглашён знакомым китайским торговцем на ужин. В комнате с бумажными стенками, разукрашенными рисунками каких-то невиданных птиц, я увидел

мою Эмико. Она сидела среди гостей, помогая расслабиться далеко не юношеских лет японцу, с виду борцу сумо, так он был огромен. О Боже мой! Эмико улыбалась ему, ловко и изящно кормила его, подбирая палочками с блюд на столе различные деликатесы. Она почтительно что-то говорила, и когда её глаза подымались, они вспыхивали всё тем же необыкновенным светом, какой так удивлял и пленял меня.

Назавтра в расстройстве чувств я улетел в Европу. Через некоторое время я оказался в венской гостинице «Бристоль», рядом с шумной и любимой туристами улицей Кёртнерштрассе.

Целыми днями я бродил по вымощенным улицам, наслаждаясь архитектурными памятниками и неповторимой аурой ничегонеделанья, свойственной центрам всех европейских городов. Каждый раз я заходил в какое-нибудь новое кафе, чтоб неторопливо, как тут принято, выпить чашечку кофе или чая с замечательными венскими пирожными. Я любил наблюдать за посетителями кафе, различая туристов и коренных венцев. Последние, особенно пожилые, могут часами сидеть за кофе, ведя неторопливые беседы или читая газеты. Туристы – народ кочевой, они стремятся наскоро всё выпить, полакомиться знаменитым яблочным штруделем и убежать дальше по своим маршрутам, не придавая значения краскам и теням текущего дня.

Однажды неподалёку от костёла Святого Стефана на затаившейся улочке я увидел вывеску по-английски «Melody of Love». Мелодия любви! Я сразу вспомнил моего друга Влада Разумова и его Лидию. Надо же, такое совпадение! А вдруг не совпадение?.. Я решительно открыл двери кафе. Милая обстановка, приятная тихая музыка, несколько сидящих пар за столиками, стайка нецелованных девушек, оживленно о чём-то щебечущих. Такую картину можно встретить в любой столице мира. Это вездесущее и жизнерадостное племя молодых проводит жизнь в весёлой беззаботности. То же самое я видел во Львове, Киеве, Москве, Токио... Но сам факт обитания лицеистов в таком кафе всегда говорит о его популярности и невысоких ценах.

Я заказал чашку капучино и стал с интересом рассматривать картины на стенах заведения. Боже мой! Не может быть! Акварель знаменитого храма в Остроге. А вот ещё маленькая церквушка с золотым куполом и синей крышей из села Долочье, которую так хорошо видно с автострады, когда едешь из Острога в Кременец.

Подошла белокурая девушка с кофе, и я, волнуясь, спросил по-английски:

– Вы не скажете, кто автор этих замечательных акварелей?

– А вы не из России? У вас славянский акцент.

– Да, я, собственно, из Москвы, но мог быть и из Украины, откуда я родом.

– Извините. Я тоже из Украины. А картины писал господин Разумов, муж хозяйки.

– Лидии?

Через пару минут я увидел Лидию, красивую и улыбающуюся, а затем к нам присоединился и Влад Разумов. Оказалось, они живут постоянно в Украине, в родном Остроге, но имеют несколько кафе «Мелодия любви» за границей и регулярно их навещают. Венское кафе – самое первое из зарубежных заведений, и хозяйничает в нём на правах директора Ольга из Острога. А в Ницце кафе «Мелодия любви» находится под присмотром Панаса, молодого, но уже известного художника, сына Влада.

– Сейчас, сейчас... Я быстро, – заторопилась Лидия и что-то тихо сказала подошедшей официантке.

– Сюрприз, – заулыбался Влад.

Вскоре зазвучала музыка, и я услышал знакомые слова, слова, которые я сам написал когда-то на салфетке в острожском кафе «Мелодия любви» и подарил Лидии.

Не тебя ли во сне увидел я,
Не тебя ли целовал?
Напевает море «Лидия»,
И грохочет пенный вал...

Звучала песня о вечной любви, признание мужчины женщине. Вспомнил Эмико, и мне стало грустно. «Разная культура, разное отношение к миру... Японец не станет так выражать чувства к любимой. Может, и лучше, что ничего не получилось с Эмико?» – подумал я, а вслух спросил:

– Под аккомпанемент бандуры? А кто поёт?

– Влад поёт, я аккомпанирую. А записали здесь, в Вене, – улыбнулась Лидия. – Вам спасибо. За слова о несказанной любви.

Счастье – одно на двоих. В стенах отчего края, на его путях и дорогах, средь воспетых древностей и воскрешаемой из забвения любви к родной земле. И в центре любви – её величество Женщина.

Распрощавшись с Лидией и Владом, я долго ещё бродил по улицам Вены под впечатлением удивительной гармоничной любви мужчины и женщины, близких и понятных мне людей.

Недалеко от ансамбля летней резиденции короля Австрии, на территории посольства России, находится православный храм. Золотые купола, возвышающиеся над домами строгого ампира позапрошлого века, православный крест, светящийся в австрийском католическом небе, привнесли в мою душу непреодолимое желание вернуться в родные края, в Острог, в украинское село Долочье с маленькой, словно игрушечной, церковью.

Сонет из старинного сундука

Анюта Сереброва проснулась с твёрдым намерением навести порядок в чулане. Давно собиралась, но никак не могла решиться. С детства бабушка никого туда не пускала, а потом, после её смерти, мама приняла на себя заботу о помещении, полном тайн. Папа в шутку прозвал маму «заведующей чуланом». Ключи от заветной двери передавались из поколения в поколение, и всегда по женской линии.

Жили Серебровы в очень стареньком доме времён прадедушки. То, что называлось в их семье чуланом, было довольно просторной комнатой со множеством полок и необычных чемоданов из жёлтой кожи со старинным тиснёным орнаментом, с накладными замками. Был там большой, железом окованный сундук – святая святых, к которому строго-настрого запрещалось подходить. А как хотелось под Новый год заглянуть в него хоть краешком глаза!

Однажды старший брат, начитавшись приключенческих книг, в поисках невиданных сокровищ попытался гвоздиком открыть висячий замок, но был застигнут бабушкой и примерно наказан: оставлен на три дня без сладостей.

Теперь ключи от чулана с загадочным сундуком наследовала Анюта, всё не решаясь открыть дверь в тайну детства. Биолог по профессии, Анюта Сереброва провела жизнь в экспедициях, в основном в уссурийской тайге, изучая происхождение и быт едва ли не реликтовой природы, ни перед кем не отчитываясь о своей жизни. Уже возраст догоняет, а она всё ещё мотается по экспедициям, является экспертом Международного союза охраны природы и ещё чего-то... Неунывающая женщина с девичьей фигурой, всегда искрящаяся улыбкой, в любой момент готовая сорваться в таёжную глухомань.

Род Серебровых тянется из глубины веков, и, по рассказам бабушки, а затем и мамы, все женщины в роду были деятельны, жизнерадостны, добивались успехов в своём деле. А занимались много чем: были и художницы, и певицы, и поэтессы... Кого только не было! И всегда в замужестве сохраняли свою родовую фамилию. Когда-то была певица Залесская-Сереброва, муж Залесский – из польской шляхты. По боковой линии она была родственницей известной поэтессы XIX века Евдокии Ростопчиной.

Сидя за столом просторной кухни и глядя на двор в осеннем уборе, Анюта мысленно сожалела, что на ней заканчивается славный род Серебровых. Старший брат исчез при странных обстоятельствах: однажды утром вышел из дому и пошёл в больницу, где он работал кардиологом, но до больницы не дошёл и домой не вернулся. Что с ним? Жив ли? Прошло без малого пять лет со дня его пропажи. Погоревали-погоревали да свыклись с худшей мыслью, хотя мама до самой смерти верила в Божью милость, надеялась, что когда-то её Славик вернётся.

Брат не был женат и наследников не оставил.

С трепетом в душе Анюта открыла дверь чулана и подступила к сундуку. Волшебный сундук! Перекрестилась, вставила ключ в замок, помедлила: открывать или не открывать? К удивлению, ключ легко повернулся. Подумать только! Ведь никто давно не смазывал замок. В дни студенческого любопытства Анюта пыталась порасспросить маму: что в сундуке? Та смутилась:

– А ничего особенного. Тайна. Придёт время, и увидишь. Я тоже в первый раз открыла этот сундук после смерти твоей бабушки.

– И мне тоже никому не показывать? Кто после меня откроет?

– Не может такого быть! Не может так просто закончиться род Серебровых. Даст Бог, Славик вернётся, у него дети будут, дочь будет. Ей и передашь ключ. Да и тебе ещё только сорок, всё впереди: будет муж, будут детишки... Может, своей дочке передашь этот ключик.

Наивная вера мамы в то, что Славик вернётся, казалась неисчерпаемой. Сколько лет назад был разговор?! Образ не забыли. И то хорошо. А самой Анюте о семейной жизни разве не мечталось? Нет такого мужчины... Такого, чтоб хотелось бежать с ним на край света. Ждала-ждала своего принца и не дождалась, хотя и не сидела она, как сейчас, у окошка. По тайге бродила, учась жизни у дикой природы, наблюдала, удивляясь совершенству всего живого. Вон – скворцы. Не успел снег сойти – они тут как тут. Рассядутся высоко на деревьях и высматривают себе домики, качаясь на тонких веточках. Там, где люди позаботились о скворечниках, такой залихватский хор, что заслушаешься!

А какие дружные скворцы в семейной жизни: скворец помогает скворчихе, высиживает яйца, чтоб не остыли, пока она пёрышки в порядок приводит. Потом оба неустанно носят птенцам разную живность: гусениц, червячков, жучков. Неутомимые певцы жизни. А как цветёт иван-чай в дальневосточной тайге! Растение высокое, более метра высотой, и его яркие цветы, словно всполохи костров, видны издалека. Какой ароматный напиток, настоянный на иван-чае!

Анюта, вздохнув, принялась поднимать тяжёлую крышку и ахнула. Действительно, в сундуке не было ничего особенного. Тоненькая папочка из кожи и деревянная коробка, в которой оказались два пистолета старинной конструкции. После-то Анюта сверилась со справочником и нашла, что пистолеты дуэльные, XVIII века, изготовлены известной французской фирмой. Но сейчас она держала другую находку в руках – папочку с пожелтевшим свитком, похоже, со стихотворением, текст по-итальянски и в конце малоразборчивая дата... Было ещё кое-что: на пожелтевшем листочке стихотво-

рение, перевод с итальянского Евдокии Ростопчиной. Немножко зная по-итальянски, Анюта не без труда разобралась, что к чему: русский текст – всего-навсего перевод со свитка...

Господи боже мой! Её как будто бы оглушили чем-то тяжёлым. В глазах помутилось. Она опустилась на пол. Неужели сонет Петрарки? Как он оказался в их сундуке? Чтоб в их родовом сундуке наследовался автограф великого итальянца, первого романтика в поэзии, первого поэта, который стал предтечей всей последующей мировой лирики!

Анюта постаралась успокоить себя. Подделка, конечно! Не может быть, чтоб в их семье хранился автограф Петрарки. Есть вещи, которых не может быть никогда! Но дата – 1850 год. Если всё же розыгрыш, подделка, шутка, то автограф Ростопчиной не смешон, многого стоит. Она – без малого современница Пушкина! Лермонтов писал Ростопчиной стихи в альбом, отбывая на Кавказ в очередную ссылку. Но хотелось, как хотелось Петрарки! От оригинала до перевода полтыщи лет... Она не удержалась и стала тут же читать строки Ростопчиной:

Сравнил тебя я с юною звездою.
Ты ярче всех сверкающих светил.
Сонет тебе невинный подарил, –
И любовался лишь твоей красою.
Когда Амур отравленной стрелою
Меня внезапно в сердце поразил,
Я, выбиваясь из последних сил,
Вступил в неравную борьбу с судьбою.
Испуганно я от тебя бежал,
Чтоб избежать твоей любовной власти.
Но действовал неумолимо яд
И бесконечно плоть мою терзал.
Что может быть сильнее жгучей страсти!
– Создаст она и рай земной, и ад.

Проверила количество гласных в каждой строке по-русски, сверяя с итальянским текстом. Всё правильно. Чёткая классическая форма сонета, из тех, что Петрарка посвящал Лауре. Она отогнала от себя все сомнения, уж очень хотелось поверить в невозможное. Но был ещё третий листочек с 1871 годом внизу. Неизвестный автор, как волшебник, заклинал потомков рода Серебровых беречь сонет Петрарки, передавать его по женской линии наследникам рода. Пока сонет Петрарки находится в руках женщины из рода Серебровых, род не иссякнет. Получалось, свиток является талисманом рода. Значит, мама верила в спасение Славика?! Полагалась на неё, на Анюту.

Серебровы! Того волшебника из их рода понять можно. Но творение ли Петрарки этот сонет? Смущало упоминание поэта о жгучей страсти. Анюта не была уверена, что Петрарка прямолинеен в плотских желаниях... В XIX веке страстей в поэзии и в жизни – хоть пруд пруди. Вопросы, вопросы, вопросы...

Было в письме кое-что ещё, из-за чего передача сонета в руки специалистов не допускалась.

Ещё раз всмотрелась в автограф Петрарки. Под текстом подпись и несколько необычных знаков. Средневековый или древнегреческий код записи – вот что это такое, дошло до неё, но в письме утверждалось, что тот, кто разгадает зашифрованное завещание Петрарки, получит ключ к расшифровке всех сонетов знаменитого итальянца. Замок в её руках, гласности не предашь, пока не откроется ключ к нему. Что-то произойти должно... «При каких обстоятельствах придёт удача и тайна откроется?» – думала Анюта, веря и не веря в талисман и в судьбу.

Не скоро, но жизнь Анюты переменилась.

Она вышла замуж за богатого путешественника из Италии, старого холостяка Бертолуччи, в сорок шесть родила очаровательную девочку, которую они назвали

Лаурой. Путешествия стали их образом жизни. Взошло солнышко на небосклоне Анюты Серебровой. И заиграла жизнь яркими красками. По ночам, бывает, снятся костры иван-чая, а проснётся и слышит грохот водопадов на Аляске или в Южной Америке либо трубные кличи африканских слонов.

За последние пять лет где она только не побывала с мужем, в какие переплёты не попадала, но всегда всё заканчивалось благополучно. Как будто счастливая звезда сияет над её головой. Для себя она решила, что необычные перемены в её жизни произошли благодаря магическому покровительству наследника богов, Петрарки.

Когда они вернулись в Москву, Анюта подвела трёхлетнюю дочурку к сундуку и самым серьёзным образом ей объяснила:

– Лаура, когда-нибудь ты получишь от меня этот заветный ключик, вставишь его в этот волшебный замок – и тебе откроется великая тайна мира...

– Я хочу узнать тайну сейчас.

– Нет-нет... тайна откроется тебе позже, когда меня уже не будет. Ты счастливей меня, ведь итальянский – твой родной язык, так же, как и русский. Это тебе, надеюсь, поможет разгадать тайну.

Девочка внимательно слушала. Кто его знает, может, когда-нибудь, став взрослой, она вспомнит странный разговор со своей мамой?

Но судьба приготовила ещё один сюрприз для Анюты. Путешествуя с мужем в Южно-Африканской республике, они узнали от проводника, что невдалеке живёт странный русский с женой, африканкой из племени зулусов, а с ними трое детишек мал мала меньше: две девочки, Лаура и Анюта, и мальчик Франческо.

Анюта с Бертолуччи добрались-таки до усадьбы на берегу небольшой бухточки. Далее во всей красе простирался Атлантический океан, и, как ни удивительно, вопреки рассказам бывалых моряков, он был тихий и покойный. А если мысленно протянуть линию на юг, взяв чуть левее, то отсюда можно было попасть прямо на Южный полюс. Воображение Анюты вскользнулось: покрытое льдом пространство с неизменными смешными пингвинами, сверкающие чистотой бриллиантов снега, нависшие над океаном ледяные громады и там, где-то внутри подземных гротов, огромные озёра со своим микроклиматом и своим миром природы. «Вот бы когда-нибудь посетить этот не изведанный никем мир», – мелькнула мысль, но она услышала мужа:

– Моя мадонна мечтать об Антарктиде? Зря, к нам бегут мужчина, женщина и много маленький ребёнок.

Господь Спаситель, разве небо обрушилось на неё?! Ей чудилось, бегущий человек похож на пропавшего брата... Славик! С его приближением в чудо верилось всё больше и больше. Сердце рвалось из груди, как тогда, когда она маленькой девчонкой подходила к заветному сундуку. И вот перед ней он, Славик! Выгоревшие волосы, лицо бордового оттенка и улыбка... Улыбка как у мамы. Наверно, эту улыбку она бы узнала в кромешной тьме, а тут мир освещался огромным солнцем, и оно намного больше, чем в Москве.

– Так не бывает! Не бывает! – слёзы радости растеклись по её лицу.

– Это так?! Это есть твой брат Славик? Так? – оценивал обстановку Бертолуччи.

Что делать?! Славик признался: хотел перевести стрелку судьбы с женской на мужскую линию. Перед исчезновением тайно от всех открыл сундук и прочитал содержимое папки. Устроился на рыбацкое судно в Мурманске, а спустя год сошёл на берег в Кейптауне и остался навсегда в южных широтах. Встретил свою темнокожую любовь. Детишек назвал в честь Лауры и Франческо Петрарки, а младшую – в её честь, Анюты.

Собирался вместе с семьёй нагрянуть в гости к маме, но... Кто он для властей?

– А мама верила, верила, что ты найдёшься, Славик! Вот бы она увидела нас!

Плакала и смеялась Анюта.

Если бы со стороны кто-то наблюдал их встречу, то очень удивился бы взрыву эмоций таких похожих и таких разных взрослых и детей, прыгающих и танцующих на берегу Атлантического океана; звучали радостные возгласы на русском и итальянском языках, на наречии зулусов.

В какой-то момент Анюта приметила в небе, над океаном, эскиз мужской фигуры в старинных одеждах. А может, только грёзы морей? Или знак великого итальянца из далёких времён? «А если это знак Неба, то что ещё должно произойти в моей жизни?» – думала Анюта.

Слово любви сильнее всего на свете. Его скрыл Петрарка в своём волшебном автографе. Противостоять ему можно, но нужно ли? Никто не знает, когда откроется ему смысл земной жизни.

Старая ива

Под ветром старая ива поскрипывает жалобно, взывая к лесным подругам о помощи – невозмутимым соснам и елям, улыбчивым берёзкам по взгорью. Лес ещё молодой. А вот ива у озерца с давних времён стоит. Ствол наполовину трухлявый, одна из ветвей расщепилась, вот и поскрипывает от всякого дуновения, особенно на морозе, тяжко калеке даже от малого ветерка – сколь ни крепись, а шелохнёшься. «Жить-то всем хочется... Ива-бедолага – туда же... Дурёха ты старая, – отжила свой век. Спилю завтра под самый корень... Пригреет весеннее солнышко, побеги пойдут. А там, глядишь, и красавица с порослью взойдёт, озерцо украсит», – думал высокий господин, одетый по-городскому, далеко не первой молодости. Потрогав белой, холёной рукой ствол, прижался щекой к иве, неловко оступившись, замер на мгновенье.

«А, пусть – не трону... пусть живёт сколько потянет... Ах, Марья! С тобой посадили её, махонькую. А вишь, уже и состарилась», – вслух произнёс старик и не спеша, слегка прихрамывая, побрёл к домику за ручьём.

Он приехал на дачу, в загородном «поместье» отпраздновать свой юбилей. Шутка ли: с утра стукнуло восемьдесят пять! Такая длинная и такая скоро улетевшая жизнь! Сколько всего было, а вроде и не было ничего! Спешное пионерское детство, школа шиворот-навыворот, спорт, воспаленные мечты и... война. Да, война... Мир раскололся на две половины, утратив остаток устойчивости.

Но война с её фронтовыми буднями оттолкнулась от жизни и канула в далёкое прошлое, как чудовище, фантазия ужаса, разорванного бесами ума. И всё-таки... нет, неправда, война всегда с ним. Это он хочет забыть её, отодвинуть куда-то в дальний и тёмный угол памяти, чтоб не видеть, не слышать... Да разве возможно? Вот сейчас он доковыляет до пристани, побитые осколками ноги плохо слушаются. К доктору бы надо, а идти в больницу не хочется. Встречают вежливо, а по глазам видно, что недоумевают: сколько можно ходить и землю мять?

Молодая докторша, особа с перламутровыми длиннющими ногтями, как-то не выдержала и сказала: «Что вы хотите, Зиновий Матвеевич, возраст всё-таки... Болячки с удовольствием цепляются к вам. Если будете на каждый чих реагировать, так и вовсе пропишетесь у нас».

В сердцах Зиновий Матвеевич стукнул палкой по огрызку толстенного пня, стоящего у тропинки. На этом месте рос вековой дуб, но летом внезапно стал сохнуть и зачах к осени. Отчего? Василий, что приходит помогать по хозяйству, говорит, мол, экология. Дубы, и те не выдерживают этой дурацкой экологии. А людям-то как? Всё хорошее, что любил, чему радовался, уходит. Друзей настоящих сколько ушло?! Сколько прекрасных артистов покинуло мир этот! Вспомнился Нечаев. Какой голос был!.. Тенор от Бога! Но у него ещё и душа певучая была. Для настоящего певца голоса и абсолютного слуха мало. Надо, чтобы вместе с голосом у артиста душа взросла, – она-то и запоёт. А уж какая песня отпочкуется от неё... – нам ли судить?

У ладного, срубленного в лапу домика кучно расположились вечнозелёные туи. Малютками были посажены. Каждое лето из собственных рук поливал их досыта и до сих пор воды не жалеет. Вот и вымахали под десять метров. Зато ни мух, ни комаров не бывает. А запахи, запахи-то какие смолистые! Не из-за этих ли туй он приехал на дачу, где всё дышит прошлым и где настоящее так сердцу мило? Не зря иронично и любовно он прозвал своё дачное хозяйство старинным русским словом «поместье». Не бог весть что, а всё родное и, может быть, родовое. Вот уже и правнук живёт здесь несколько месяцев от роду.

Отщипнул немного хвои, растёр пальцами, и в нос ударил пряный аромат лесной жизни, запах её молодости. Глаза заблестели: хорошо, что здесь побудет в свой день! Не по себе от праздников с шумной толпой родственников. Все – завтра, какими близкими бы ни были, с какими бы словами или подарками ни пожаловали, все – потом, когда утолит жажду встречи с неотступным прошлым.

С любовью окинул взглядом обстановку в своей комнате. Книги на полках, картины на стене, цветы в кашпо в три яруса подвешены там и сям. Вот потёртое кресло – древнее его самого, сидя в котором, возможно, писал стихи знаменитый К. Р. Кресло старых мастеров. Сколько в нём написалось сценариев, выступлений на радио, на телевидении, на концертах! Ого-го! У микрофона – шесть десятков лет с хвостиком. Жизнь утекает, однако имя помнят: недавно из Украины приезжали за интервью. В его творчестве Украина на особом месте. Любил он ездить туда, да и сейчас при оказии не прочь. Талантливый и доброжелательный народ. А голоса-то какие! Певучесть природная. Эх, ещё бы съездить хоть разок в Киев, пройтись по Крещатику, хорошо бы ещё посетить то маленькое село на Подолье, где освящали часовню. Село Долочье! В его памяти всё хорошее оседает, как золотой песок, накапливаясь до поры до времени. А вся эта новомодная бижутерия и мухи мерзости с их вещизмом в искусстве не задерживаются.

В том селе душа его хорошела. Сентябрь стоял сухой и солнечный тогда, некоторые деревья чуть тронула желтизна... Кажется, остался бы там, жил бы, как все селяне, в жёлтом цвету угасающей жизни. Пастораль в духе русских царей. Но поэт Родин, уроженец села, мягко разъяснил, что деревня не для господ, невозможно приноровиться к быту: все удобства на улице, печку надо топить, мыться в корыте, бани нет, готовка еды и прочие обстоятельства обитания требуют жертв, как языческие божки славян. «Построим...» – уверил он Родина, но осёкся, вспомнив своё поместье, это кресло, камин... Построим?

Включил телевизор: ревели танки, советский офицер с поразительно поджарым потным лицом, весь грязный, увлекал за собой солдат в атаку. «Олялин, – вздохнулось Зиновию Матвеевичу. – Хороший артист был. Недавно закончил жизнь в безвестности и почти в нищете. В конце жизни никому не нужен оказался. А умер – и посыпались воспоминания, интервью с

друзьями. Где же раньше были? Где старому артисту взять денег, чтоб жить, чтоб лечиться, когда ролей нет? Эх-х-х...» Тут же выключил ящик из штампованного пластика. Не мог он сквозь пальцы смотреть фильмы о войне. Фальши много! Но случаются такие, что с ходу выбивают солдатскую слезу. Словно сам в атаку бежишь. У каждого своя струна. У него до скончания своя: разгар боя, влетает с разведчиками в немецкие окопы. Окопы добротные, расширенные кверху, с аккуратно отлаженным бруствером, не то что наши, наспех нарытые. И вот бежит он по окопу, пригибаясь, чтоб на шальную пулю не нарваться. Выскочил из-за угла, а поперёк – немец убитый, крупный, молодой и красивый. В горячке оттолкнулся от него ногой, прямо от живота, и податливая масса мягко осела, а недвижно смотрящие в небо синие глаза закрылись... Какое-то мгновенье всего, но совесть запечатлела и синие глаза, и мягкость живота, и бесчеловечность происходящего на войне.

После боя он долго не мог отойти от несуразности всего. Молодой, кровь с молоком парень мёртв, а нога живого упирается в его живот... Совесть и действо смерти сошлись в тот миг. Через пару дней заметил пятнышко – маленькую дырочку в шинели у плеча. Всё же пуля зацепила, когда, наступив на немца, взвился над бруствером. Баш на баш: одна смерть просвистела, едва коснувшись его, хотя могла прошить насквозь, а вторая смерть забрала вражеского солдата в тот самый момент. Мистика? Бог справедлив, потому милостив, всё видит, обо всём судит... А телеэкран – трах-тарарах, словно командир в блиндаже тарахтел себе, бежали люди, летели самолёты, но не командир, а он, Зиновий Матвеевич, опять прыгнул в окоп к немцу, как тогда, вслушиваясь в поэтику слова покуда живых. Странно, живые не любят думать о смерти даже в момент, когда их гонят к ней, как овец на убой...

После паузы – вновь полоса жизни, пограничная со смертью, когда он, член сборной Москвы, состязался по дзюдо. В секции многие из военных, но больше запомнился один из гражданских: среднего роста, с небольшим животиком, очень сильный и ловкий, с лысиной во всю ширину лба. Хорошая хватка у него была. Редко кому удавалось победить Валерия Павловича. А тут он, Зиновий, оказался на ковре в спарринге с ним. Удалось провести несколько удачных приёмов, и вдруг услышал зловещий шёпот: «Ещё раз завалишь меня – и всё!.. В лагерную пыль превращу».

«Чепуха какая-то... Глупость... приснилась. К чему бы это?» – долго недоумевал он утром – с чего бы? Однажды Валерий Павлович пришёл в мундире с погонами, на которых покоились четыре звезды генерала. Спустя некоторое время дзюдоистам шепнули: Валерий Павлович скоропостижно почил в бозе. Скромные похороны прошли на захудалом кладбище в деревушке. Помнится, их всех возмутило: как так?! Генерала же, а не деревенского мужика закопали в захолустье! Кое-кто предлагал ночью тайно выкопать гроб и перевезти на Ваганьковское кладбище. Молодые были, глупые. Выкопать-то выкопали, а в гробу оказались кирпичи. Так и опустили назад гроб с кирпичами. Друг другу дали слово – ничего, ни слова, ни полслова. Кто он был? Вряд ли разведчик. Шестьдесят, а то и больше лет прошло с тех пор, как исчез Валерий Павлович. Недавно, обедая с братией на Сербском подворье, Зиновий Матвеевич рассказал эту почти скоморошью историю. Один из гостей заметил:

– А знаете, Зиновий Матвеевич, это, пожалуй, был не Валерий Павлович, а Лаврентий Павлович. У него много было имён и личин. И он часто их менял. У человека было своё вероучение: если хочешь, чтоб тебя не достала пуля врага, похорони себя, уведи пулю, опусти руку врага. Берия при жизни построил две или три

могилы на своё имя – не помогло! Его зло перевесило Божью волю... Аллилуйщикам Берии много и долго, до скончания века, отмаливать его...

Скрипучая ива! Сколько воспоминаний нахлынуло вблизи состарившейся ивы, уставшей к ночи скрипеть. Зиновий Матвеевич улыбался, вспоминая, как они с Марьей копали яму под молодое деревцо, целуясь почти ежеминутно.

В чистоте вечернего неба возник огромный эллипс луны странно-красного цвета. На душе было тревожно. Несмотря ни на что, Зиновий Матвеевич прямым ходом отправился к иве. Ветер усилился, её скрипы стали ещё громче, жалобнее. Он шёл, ускоряя шаг, а потом засеменил трусцой на тоскливые звуки, на ходу из кармана вытаскивая заранее припасённый кусок бандажной ленты, смолу, древесный вар.

Залепив варом повреждённую ветку и тщательно перетянув её лентой, Зиновий Матвеевич отступил от дерева и так стоял некоторое время. Ива молчала: может, уснула, а может, из лощины, как из окопа, наблюдала за ним, другом по жизни? Он опять приблизился к ней, высокий, в длинном пальто и широкополой тёмной шляпе, и молча прижался к стволу, словно обнимая старую подругу. О чём они молчали, ива и человек? Без Марьи, но не в одиночестве. Наверно, понимали друг друга без слов, ведь прожитая ими жизнь была так нужна им обоим.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОИН РУССКОЙ ПРОЗЫ
(Предисловие Максима Замшева) 3

ПОВЕСТИ

ТАКАЯ КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ...
1. В зимнюю ночь, когда выпал первый снег 9
2. Встречи и расставания 16
3. Время цветения радуг 22

ОДИН ДЕНЬ И ВСЯ ЖИЗНЬ...
1. Куколка с голубыми глазками 31
2. Первый рейс 33
3. Время сакуры 38
4. Двое в спальном вагоне 43
5. Один день и вся жизнь... 46

ХРОНИКА «МЕРТВОГО» ДЕЛА
1. Восхождение Кликуна 54
2. Сара и парашютисты 66
3. «Вихри враждебные...» 75
4. Сахалинская рыбалка 87
5. На Сахалине без перемен 92

6. Падение Кликуна ... 99
7. «Торнадо» ... 104
8. Московские рейдеры ... 111
9. Голоса из небытия ... 113
10. Где море сходится с небом ... 117

РАССКАЗЫ

БЛАЖЕННЫЙ КИРИЛЛ

Молчание Шурика ... 125
Рассветное утро старика Каведецкого ... 133
Брошенная ... 139
Певица ... 144
Блаженный Кирилл ... 152
Комильфо ... 157
Запонки ... 166
Фиолент ... 169
Боль любви ... 179

ЛЮДИ ИЗ НИОТКУДА

Случай под текилу ... 184
Маруся ... 192
Пауки ... 198
Франческа ... 202
Коготок ... 207
Судья ... 212
Ведьма на метле ... 218
Голые женщины, или необычные способности
Ивана Голощепкина ... 225
Розыгрыш ... 232
Бизнес наизнанку ... 238
Тухлый Аполлон ... 245
Люди из ниоткуда ... 250

ТАКАЯ БЕСПОЩАДНАЯ ЛЮБОВЬ

Тайное счастье Вероники Цой ... 259
Такая беспощадная любовь ... 268
Дочь из прошлого ... 275
Потеря, которую невозможно пережить... ... 283
Смятение чувств ... 292
Третьи петухи ... 301
Девичник с «Бехеровкой» ... 308
Ночной сонет ... 317
Когда мир счастлив! ... 326
Сонет из старинного сундука ... 339
Старая ива ... 346

Литературно-художественное издание

Александр Иванович Матвеев

ДОЧЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Повести и рассказы

Художник – *Анна Запольская*
Дизайн обложки – *Татьяна Таранова*
Компьютерная верстка – *Александр Кашлев*
Корректор – *Евгения Якимова*

Подписано в печать 27.03.2015 г.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Гарнитура PetersburgC.
Усл. п. л. 11. Тираж 500 экз.
Заказ № 638.

ISBN 978-5-906787-45-3

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва
ул. Большая Никитская, д. 50/5,
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru